

ГЕРЦЕН И СОВРЕМЕННОСТИ

**Посольство
Федеративной Республики Германия
Бишкек**

Уважаемые читатели.

Эта книга предлагает ретроспективный взгляд на жизнь и творчество Теодора Герцена и выходит далеко за рамки воспоминаний его современников – соратников и друзей и, тем самым, дает определенный обзор целой эпохи художественного творчества, имевшей чрезвычайно важное значение для развития изобразительного искусства в Кыргызстане.

Творчество художника Теодора Герцена, немца по происхождению, привлекло всеобщее внимание и нашло признание далеко за пределами его кыргызской Родины. Его «немецкие корни», воспитание в традициях русской культуры и глубокое понимание жизни и быта кыргызского народа сделали Теодора Герцена «великим человеком и гениальным художником», – как однажды сказал о нем Чингиз Айтматов.

В нем соединились культурные традиции и обычаи трех народов, что позволило стать ему «мостостроителем» между нашими культурами. Его творчество – важная исходная точка в германо-кыргызских отношениях.

На протяжении многих веков кыргызский народ гостеприимно принимал немецких переселенцев и поддерживал их в смутные времена истории. В Кыргызстане немцы и кыргызы не только соседи – эти два народа стали друзьями.

Для посольства Германии было особенно важно поддержать издание книги о народном немецко-кыргызском художнике Кыргызстана Теодоре Герцене. Свою особую благодарность выражаю «Центру немецких традиций и культуры» за инициативу и содействие выходу в свет этой книги.

**Проф. Др. Клаус В. Гревлих
Посол Федеративной Республики Германия
в Кыргызской Республике**

Sehr geehrte Leserinnen und Leser.

Das vorliegende Buch erlaubt eine Retrospektive auf Werk und Leben Theodor Herzens, geht jedoch durch die Reflexionen seiner Zeitgenossen, die für ihn Weggefährten und Freunde waren, weit darüber hinaus und erlaubt damit auch einen gewissen Überblick über eine Epoche künstlerischen Schaffens, die für die Entwicklung der bildenden Künste in Kirgistan außerordentlich bedeutend war.

Das Werk des deutschstämmigen Künstlers Theodor Herzen hat über die Grenzen seiner kirgisischen Heimat hinaus große Beachtung und Anerkennung erfahren. Seine deutschen Wurzeln, die Erziehung im Geiste der russischen Kultur und sein tiefes Verständnis für die kirgisische Lebensart machten Theodor Herzen zu einem «großen Menschen und genialen Künstler», wie einst Tschingis Aitmatov über ihn sagte.

In ihm vereinigen sich die kulturellen Überlieferungen dreier Völker. Dies macht ihn zu einem Brückenbauer zwischen unseren Kulturkreisen. Sein Werk ist ein wichtiger Bezugspunkt in den deutsch-kirgisischen Beziehungen.

Das kirgisische Volk hat deutsche Auswanderer und Umsiedler über viele Jahrzehnte hinweg gastfreundlich aufgenommen und in den dunkleren Epochen der Geschichte unterstützt. In Kirgistan sind Deutsche und Kirgisen nicht nur Nachbarn, sondern Freunde geworden.

Für die Deutsche Botschaft war es ein besonderes Anliegen, die Herausgabe des Buches über den deutsch-kirgisischen Volkskünstler Theodor Herzen zu unterstützen. Mein besonderer Dank gilt dem «Zentrum für deutsche Kultur und Traditionen» für die kuratorische Begleitung der Publikation.

**Prof. Dr. Klaus W. Grewlich
Botschafter der Bundesrepublik Deutschland
in der Kirgisischen Republik**

**Обращение
г-на Эдуарда Рауша,
Генерального Директора
ОАО «Реемтсма-Кыргызстан»**

С чувством глубокого уважения и восхищения я представляю общественности эту книгу о Народном Художнике Кыргызстана Теодоре Герцене, немце по рождению, и настоящем кыргызе в душе. К сожалению, я не имел возможности лично быть знакомым с этим великим мастером до его безвременного ухода, но я горжусь тем, что могу называть себя его современником и дважды – соотечественником.

Именно глазами Теодора Герцена, через его видение, большинство иностранцев, говорящих на английском, немецком и иврите, знакомятся с образами Манаса, прекрасно проиллюстрированного им в графике. Кроме того, его называют мастером кыргызского национального портрета, певцом кыргызских

гор и бескорыстным поклонником кыргызской природы. Для меня, и для всех, кто знал Теодора Теодоровича, он не только один из талантливейших художников, но прежде всего – прекрасная личность, человек открытой души и огромного сердца. Наверно, как никто другой он заслуживает своей фамилии: Герцен, что означает сердце. Мы не могли упустить возможности поддержать проект «Т.Т.Герцен и современники» и внести свой вклад в сохранение доброй памяти об этом человеке.

ОАО «Реемтсма-Кыргызстан» являющаяся одним из самых значительных иностранных инвесторов и крупнейшим европейским капиталовложением в экономику Кыргызстана, входит в состав «Империял Табакко Групп»,

четвертой по величине табачной компании в мире. По этой причине, мы очень серьезно относимся к идеям корпоративной социальной ответственности, стремясь к тому, чтобы получить признание в качестве образцового корпоративного гражданина Кыргызской Республики. В этих целях мы реализуем проекты поддержки местного общества, а также наиболее прогрессивных, творческих и благотворительных инициатив, таких например, как издание этой книги в память о замечательном человеке и художнике.

**Эдуард Рауш
Генеральный Директор
ОАО «Реемтсма-Кыргызстан»
Империял Табакко
Групп Компани**

1998

2007

**Приятно осознавать,
что с художником
Теодором Герценом нас
объединяет созидание.**

Менее 10 лет назад, когда Реемстма и Правительство Кыргызской республики заключили принципиальное соглашение о развитии табачной отрасли в республике, на том же месте где сегодня стоит наша фабрика, был пустующий кусок земли.

В качестве подтверждения серьезности своих намерений и способности решать сложнейшие задачи, инвестор вложил 60 миллионов долларов в строительство новейшей сверхсовременной табачной фабрики, способной выпускать до 12,5 миллиардов сигарет в год, и уже к самому началу нового тысячелетия на ней было запущено производство. С мая 2002 года, ОАО «Реестма Кыргызстан» входит в состав «Империл Табакко Групп», четвертой по величине табачной компании в мире.

Сегодня, компания занимается распространением продукции, изготовленной в Кыргызстане, с использованием местного табака, и отвечающей самым высоким международным стандартам качества на обширном рынке Центральной Азии.

Поскольку от деятельности нашей компании зависят процветание тысяч людей и национальной экономики, от нас ждут ответственного поведения в осуществлении всех видов деловой активности. Общество требует от нас сбалансированного выполнения трех задач: получения прибыли, заботы о людях, работающих с нами, охраны среды окружающей нас, в том числе сообщества, в котором мы живем и работаем.

Сегодня, ОАО «Реестма Кыргызстан» и почти 500 его работников и служащих находятся в центре Кыргызской табачной отрасли, кото-

рая занимает значительное место в цов на агропромышленном комплексе и в экономике страны в целом. Она объединяет десятки тысяч фермеров, возделывающий табак, компании, обрабатывающие листья табака, производящие их ферментацию и поставку, поставщиков сырья и услуг, СМИ и рекламные агентства, а также наших торговых партнеров, от продавцов на уличных лотках до супермаркетов, которые зарабатывают благодаря нам значительную часть своих доходов. Лишь объединив наши усилия, мы сможем внести свой вклад в будущее табачной индустрии и всей экономики Кыргызстана в целях благополучия и процветания нашей Республики и нашего народа!

Zino Davidoff

ваниях их ценителей и поклонников. Курильщики сигарет Davidoff всегда выделяются из окружения. Вместе с Davidoff Cigarettes они следуют моде и стилю, отдавая предпочтение истинному качеству. Davidoff Cigarettes – это признак хорошего тона, отличающий подлинных ценителей прекрасного и ярких индивидуальностей. Это выбор людей, понимающих жизнь, желающих почувствовать ее в тончайших проявлениях и стремящихся ощутить восторг каждого мгновения.

Каждая сигарета Davidoff – это вершина табачного искусства. Специалисты компании тщательно отбирают и смешивают табак, обеспечивая наивысшее качество и максимальное удовольствие. Каков бы ни был конкретный сорт или смесь табака, сигареты Davidoff предлагают своим курильщикам только табак высочайшего качества.

«ИЗ ВСЕХ АРОМАТОВ МИРА, САМЫЙ ВОЛНУЮЩИЙ ЭТО АРОМАТ ЖИЗНИ»

УДОВОЛЬСТВИЕ, КАК ФИЛОСОФИЯ

Со времен Зино Давидофф и его страсти к лучшим вещам в этой жизни и до эры, когда подлинные ценители жизни стали стремиться почувствовать ее в тончайших проявлениях, у сигарет Davidoff всегда была своя история.

Зино Давидофф был легендой в табачном мире, человеком, который посвятил свою жизнь созданию табачных изделий высочайшего качества. Он был страстным человеком, и эта страсть была воплощена им в сигаретах Davidoff.

Следуя изысканному стилю Зино Давидофф, сигареты Davidoff говорят о высоких эстетических требо-

Милдретүү үрээ сертифицирхалнууга жаагаг. Үүрээгээг обьазгальнай сертифицирхал.

Davidoff
CIGARETTES

САЛАМАТТЫК САКТОО МИНИСТРЛИГИ ЭСКЕРТЕТ: ТАМЕКИ ЧЕГУУ СИЗДИН ДЕН СОЛУГУНУЗГА ЗЫЯН.
ЖАШЫ ЖЕТЕ ЭЛЕКТЕРГЕ САТУУГА ТЫЮУ САЛЫНАТ.
МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ПРЕДУПРЕЖДАЕТ: КУРЕНИЕ ОПАСНО ДЛЯ ВАШЕГО ЗДОРОВЬЯ.
ПРОДАЖА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ ЗАПРЕЩЕНА.

ГЕРЦЕН
И СОВРЕМЕННОСТИ

«Герцен и современники»

Сборник материалов о жизни и творчестве Герцена Т.Т.
2007 г.

Авторский коллектив: автор идеи, руководитель проекта Кайб З.Я.
составитель и автор вступительной статьи Токтосунова Г.И.
автор дизайна и оформления книги Гофман А.Р.
корректор Манн Л.Я.

Группа художников, поддержавшая инициативы проекта:

Ботоканов А.Т.
Горев А.Н.
Копотев В.В.
Улитин В.С.

Спонсоры:

Министерство иностранных дел Германии
Посольство Федеративной Республики Германия
в Кыргызской Республике
Открытое акционерное общество «Реэптсма Кыргызстан»

Книга рассказывает о жизни и творчестве Народного художника Кыргызской Республики Теодора Теодоровича Герцена – монументалиста, графика, живописца, иллюстратора кыргызского эпоса «Манас» и немецкого сказания «Песнь о Нибелунгах». В нее включены: его мысли о творчестве и о роли образования, высказывания критиков, воспоминания современников – коллег, друзей, близких людей, репродукции работ. Издание иллюстрировано.

СОДЕРЖАНИЕ :

Предисловие	5
От составителей	7
Герцен и его наследие	9
Герцен о себе	19
Герцен о рисунке	23
Н.М. Уварова. Интервью с художником	
Герцен в высказываниях критики	37
Рекомендации в Союз художников СССР (Р. В. Нудель, И.А. Белевич, Л.Г. Трусовский, С. Акылбеков, А.С. Осташев, Л.А. Ильина)	39
Л.А. Прыткова	43
Л.М. Мосолова	49
О.П. Попова	52
А.С. Осташев	53
Воспоминания о Герцене	55
Акынбекова Медеркуль Бозгунчиевна	57
Асанбеков Сарман Асанбекович	60
Ботоканов Алымкул Турпанович	63
Буторин Владимир Георгиевич	65
Горев Александр Николаевич	68
Горовой Владимир Романович	70
Игнатьева Диль-Фируз Александровна	72
Каменский Алексей Николаевич	74
Конгурбаев Нурдамир Ашимович	76
Копотев Вячеслав Викторович	79
Курманов Таалай Табылдиевич	82
Момаханова Арман Керимкуловна	85
Мамбеталиева Орозган Асаналиевна	87
Молдахматов Джылдызбек Асанбекович	89
Никитенко Зоя Яковлевна	92
Осмонов Абдырай Осмонович	93
Руппель Валерий Федорович	95
Садыков Тургунбай Садыкович	97
Тенизбаева Бегаим Садыковна	100
Токтосунова Гульчахра Искендеровна	101
Томилов Михаил Леонидович	105
Улитин Валерий Степанович	107
Шестопал Виктор Арнольдович	109
Шкурпела Константин Алексеевич	114
Шнайдер Ольга Андреевна	116
Шнайдер Марина	123
Послесловие	128
Репродукции	129
Библиография о творчестве Герцена	174

Уважаемый читатель,

Зоя Яковлевна Кайб,
директор Общественного
объединения «Центр немецких традиций
и культуры»

Вы держите в руках книгу «Герцен и современники» и это означает, что Вы – поклонник творчества народного художника Кыргызской Республики Теодора Теодоровича Герцена и близки к пониманию настоящего искусства. Теодор Герцен, художник, воспевший в своих произведениях родную землю и ее людей, – поистине народный художник и большой Мастер изобразительного искусства.

Это издание стало возможным благодаря финансовой поддержке Министерства иностранных дел Германии при содействии Посольства Федеративной Республики Германия в Кыргызской Республике в рамках партнерского проекта «Герцен и современники» совместно с программой по поддержке искусства и культуры Швейцарского бюро в Кыргызстане и группой известных художников Кыргызстана – современников Т. Герцена: А. Ботокановым, В. Буториным, А. Горевым, А. Каменским, Н. Конгурбаевым, В. Копотевым, Т. Курмановым, А. Осмоновым, В. Улитиним, В. Шестопалом.

Коллектив Общественного объединения «Центр немецких традиций и культуры» также сердечно благодарит ОАО «Реэнтсма Кыргызстан» в лице господина Рауш.

Мы безмерно благодарны всем современникам Теодора Теодоровича Герцена, любезно предоставившим информационный материал, воспоминания из жизни и фотографии для издания книги «Герцен и современники», и персонально Ольге Андреевне и Марине Шнайдер за очень ценную информацию о последних годах его жизни в Германии.

Особую благодарность мы хотели бы высказать Атташе по культуре Посольства Федеративной Республики Германия в Кыргызской Республике Штеффену Лаас, Заслуженному деятелю культуры Кыргызской Республики, искусствоведу Гульчахре Искендеровне Токтосуновой, дизайнеру-оформителю Александру Рудольфовичу Гофман, журналисту Людмиле Яковлевне Манн, вышперечисленной группе художников за их активное участие в проекте и за огромную работу по составлению и оформлению книги.

Мы искренне надеемся, что, опубликовав воспоминания о художнике Герцене, нам удалось восполнить информационный вакуум о жизни и творчестве великого Мастера. Супруга, друзья, коллеги в своих воспоминаниях каждый по-разному представляют нам личность Теодора. Но, в целом, перед нами – сильная натура, высочайшего мастерства художник, труженик, Человек с большой буквы, горячо любивший свою Родину – Кыргызстан.

Из книги «Герцен и современники» Вы узнаете о сложном и противоречивом периоде жизни и творчества художников поколения 70-х годов, об эпохе расцвета изобразительного искусства Кыргызстана. Творческий путь Теодора Герцена также не был устлан цветами. Талант и огромное трудолюбие помогли ему стать художником настоящего большого искусства.

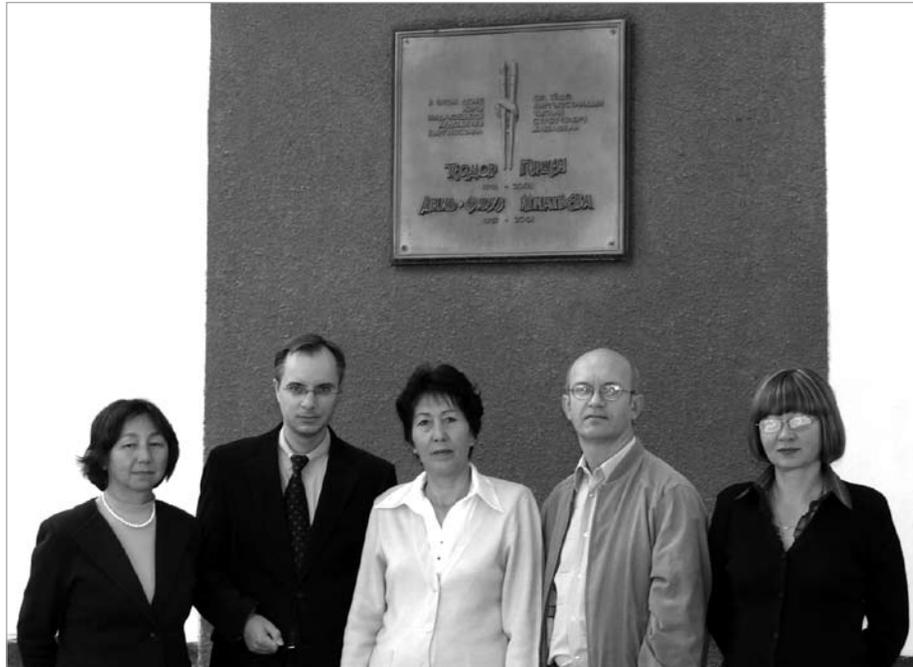
Будем благодарны за понимание того, что нам не удалось опубликовать воспоминания всех, кто считает себя современником и другом Теодора Теодоровича Герцена. Было бы несправедливо не отметить, что Герцен при жизни всегда ощущал внимание и поддержку Посольства Федеративной Республики Германия в Кыргызстане, Общественного объединения «Народный Совет немцев» и других немецких организаций. Эта сторона жизни Теодора Теодоровича может стать отдельной темой и отдельным изданием, так как вместимость книги ограничена, а дополнительный материал весьма обширен.

Работать над сбором материала и изданием книги «Герцен и современники» было интересно, почетно и ответственно. Мы пытались сделать книгу глубокой по содержанию, интересной и доступной широкому кругу читателей.

Будем признательны за Ваш отзыв и предложения.

Работа над сбором материала о жизни и творчестве Народного художника Кыргызской Республики Теодора Теодоровича Герцена продолжается.

Слева направо:
Г.И. Токтосунова, Ш. Лаас,
З.Я. Кайб, А.Р. Гофман,
Л.Я. Манн

Художник Теодор Теодорович Герцен останется всегда живой легендой кыргызского изобразительного искусства. Он вобрал из родной земли ее энергию, красоту, воплотил в художественные образы и отдал людям – жителям этой земли. Извечный закон творения: родиться, зацвести, выносить плод и умереть...

Но с Герценом сравним другой образ. Если представить равнину с возвышенностями, а возвышенности обозначить как явления культуры, то станет ясно, отчего так прекрасны горы. Кыргызстан – горная страна, и каждая вершина – проявление чьего-то таланта. Герцен в этой гряде талантов являет собой едва ли не самый высокий пик.

«Герцен и современники» – так названо настоящее издание, его цель – пролить свет на вчерашний день, тепло и яркость которого согревает нас и сегодня. День, в котором остались ответы на вопросы современности. Свет этого дня, удаляясь, притягивает.

Это издание являет собой отчасти характер каталога, книги памяти, отзвон. В ней читатель найдет воспоминания современников Герцена о своем времени, их размышления о путях искусства, о преемственности опыта, знаний, мудрости.

Художник жив, пока актуально его искусство. Вот пример известной кыргызской притчи: «Внук спрашивает деда, сколько он проживет. Дед отвечает: Я проживу столько, сколько будешь жить и ты. А ты будешь жить в своих внуках. И уйдешь из жизни с памятью последнего».

Предваряет книгу глава «Герцен и его наследие», в которой дан обзор его жизни и творчества.

В книгу включены выдержки из писем, мысли, суждения, заметки по вопросам искусства, образования и педагогики Т. Герцена, его современников – художников и близких ему людей. В ней содержится глава «Герцен в высказываниях критики», в которую включены рекомендации известных мастеров в Союз художников и выдержки из статей кыргызских искусствоведов (Л.А. Прытковой, Л.М. Мосоловой, О.П. Поповой, А.С. Осташева).

Глава «Герцен о себе» позволяет услышать стук сердца художника, его голос, в котором волнение передает его неизбывную любовь к родной земле – Кыргызстану. В этой же главе, в интервью Н.М. Уваровой, читатель найдет ценные сведения о рисунке – основе изображения. Владение рисунком было его творческим методом, позволившим строить композиции в – монументальной живописи, книжной графике, станковых листах. Особенно полезны эти знания и опыт профессионала студентам художественного вуза, от которых будет зависеть завтрашний день кыргызского искусства.

Глава «Воспоминания о Герцене» ценна тем, что восполняет всесторонне портрет художника, написанный его современниками, которые большей частью говорили о нем как о Мастере и человеке с открытой и светлой душой.

Наряду с воспоминаниями книга репродуцирует произведения современников художника, чтобы показать контекст кыргызского искусства, в котором Герцен вел свою тему.

Составители надеются, что все это вкупе создаст дух времени, становящийся историей.

В одном из воспоминаний содержится идея Герцена издать путеводитель из картин-пейзажей, которые являются портретом местности. Ему не хватило времени. Это может стать новым проектом «Путеводитель по Кыргызстану из картин художников».

Скромная автобиография Герцена, хранящаяся в личном деле, не могла рассказать о нем больше, чем воспоминания его современников. Биография художника – это, в сущности, биография его картин. Неоценимую помощь в этом плане оказала монография о Теодоре Герцене доктора культурологии Л.М. Мосоловой (Фрунзе. «Адабият» 1990)

Кыргызское наследие богато благодаря талантливым людям, посвятившим свою жизнь служению народу и высоким идеалам. Искусство не прейдет на этой земле. Пока оно есть и пребывает в развитии, будут живы имена тех, кто стоял до конца в мире яростного противоборства добра и зла.

ГЕРЦЕН
И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Теодор Теодорович Герцен (15.03.1935 – 29.06.2003) – один из крупнейших кыргызских художников XX века, прожил плодотворную, полную глубокого внутреннего достоинства и богатую творческими достижениями жизнь, сумевший в ее продолжение проделать титаническую работу. Народный художник Кыргызской Республики, награжденный медалью «За трудовую доблесть» (1975), Бронзовой медалью ВДНХ СССР (1978), медалью «Данк» («Слава», 1997), Действительный член Национальной Академии художеств Кыргызской Республики (1998), он широко известен иллюстрациями к кыргызскому эпосу «Манас» и немецкому сказанию «Песнь о Нибелунгах».

Мозаики, фрески, рельефы, росписи, витражи, созданные им – это еще одна грань таланта художника-монументалиста по образованию.

Бесконечно большое число рисунков, гравюр, зарисовок, пастелей, как дыхание художника, как упоение красотой вокруг, посвященные родным местам, близким людям, выражали и самого художника.

Т.Т. Герцен родился в селе Орловка Ленинпольского района. В точке земли, где река Талас сливается с притоком Ур Марал, благодатной долине, окруженной горами, пройдут его детство и юность.

Первоначальное художественное образование он получил от отца Теодора Гергардовича Герцена, образованного человека, собирателя книг по искусству, картин, репродукций с полотен мастеров, преподавателя рисования и черчения в школе.

Детство художника пришлось на тяжелые военные годы. Отец был послан на трудовой фронт, на Урал, как и все взрослое немецкое население поселка. Бедствия и лишения колхозной жизни рухнули на плечи женщин и детей. Военное лихолетье, цепко удерживаемое памятью детства, отразится позже в серии гравюр «Из истории моего колхоза» (1976): «Ушли мужчины», «Письмо на фронт», «Хлеб на фронт» и будет показано на выставке, посвященной Великой Победе (1980).

*На открытии выставки
графических работ
Т.Т. Герцена*

В 1951 году он поступает в горно-промышленное училище г. Кызыл-Кия и по окончании его работает машинистом электровоза, не оставляя мечты стать художником.

В 1954 году Герцен поступил во Фрунзенское художественное училище. Его преподавателями были И.Д. Мирошниченко, В.П. Жуков, Ф.М. Стукошин. Сокурсниками Герцена были А. Осмонов, В. Максимов, Б. Джумабаев. На старших и младших курсах учились художники, ставшие с годами известными мастерами – В. Буторин, А. Горев, Э. Токтогонов, В. Копотев, А. Ботоканов, В. Улитин и др.

В 1957 году состоялось первое участие Герцена в художественной выставке, посвященной Республиканскому фестивалю молодежи.

В год окончания училища – 1959 – Герцен предпринял попытку поступить в Московский художественный институт им. В.И. Сурикова. Но, опоздав с документами, возвращается домой с твердой уверенностью поступать в следующем году.

Год в Орловке не прошел даром. Единственный художник на всю Таласкую долину, Теодор Герцен писал лозунги, рисовал сатирические листки, сде-

*Иллюстрация
из серии «Токтогул».*

Иллюстрация
«Гости ушли»
к книге К. Карымбаева
«Память сердца»

лал сотни этюдов с натуры – пейзажей, портретов. Ремонтирует старое помещение клуба, данное ему под мастерскую, проводит выставку своих работ. А вскоре вместе с отцом превращает его в выставочный зал (1960), где показывается передвижная зарубежная выставка работ румынских художников-графиков. Вслед за нею экспонируются работы кыргызских графиков: Л. Ильиной, А. Михалева, А. Осташева, И. Белевича, А. Сгибнева, Н. Ефременко, М. Оморкулова и др. Вновь персональная выставка работ Теодора Герцена. Наплыв зрителей в Орловскую галерею превзошел все ожидания – писали газеты той поры.

В 1960 году, победив в большом конкурсе на вступительных экзаменах, Герцен становится студентом Московского высшего художественно-промышленного училища (б. Строгановское), выбрав факультет монументально-декоративной живописи. Занятия ведут крупные советские мастера – В. К. Замков, В.Ф. Бордюченко, А. Х. Максимова, Н.И. Белянина, В.А. Ермолова.

В эту пору в творческой судьбе Теодора Герцена появляется Диль-Фируз Игнатъева, ставшая не просто женой, но и равноправной коллегой, с кем он мог обсуждать профессиональные вопросы искусства. Ее тончайшие по состоянию, изысканного колорита натюрморты, пейзажи обогатили кыргызское искусство.

Итогом обучения в институте явилась дипломная работа Герцена «Национальный праздник песни», за которую он получает отличную оценку. Роспись была предназначена и исполнена в фойе Кыргызского драматического театра в г. Фрунзе.

Ко времени возвращения Герцена в Киргизию в 1966 г. во Фрунзе сложилась группа талантливых художников-монументалистов, работавших бригадой – С. Бакашев, А. Воронин, З. Хабибуллин и А. Каменский.

Это было время романтического пафоса преобразований, продиктованное идеей духовного обновления людей средствами эстетического формирования среды (Л.М. Мосолова). В образной структуре их произведений усиливалось коллективное «хоровое» начало, призванное обеспечивать, организовывать

общественные эмоции, демонстрировать открывшиеся перед народом социальные перспективы.

Творчество Герцена выделилось в особое направление в становлении монументального искусства республики. Ему были чужды чрезмерно обобщенные образно-стилевые формы, лишённые конкретного содержания темы. Герцену было близко художественное решение, опирающееся на сюжетно-тематическую основу.

Особенности творческой индивидуальности Герцена, а именно сюжетный «текст», немногословное, сдержанное повествование в форме лирико-эпической прозы (Л.М. Мосолова) проявились почти во всех его монументальных произведениях: фреске «Отдых» (1967), росписи «Воскресный день» (1976), мозаиках на фасаде школы совхоза «Каракол» (1973) и в интерьере столовой конезавода Иссык-кульской области (1972), мозаике «Табунщик» (1971, в фойе клуба совхоза «Сон-Куль» Кочкорского района), др.

В биографии Герцена большую роль играли поездки по Киргизии. Он работал на строительстве Токтогульской ГЭС, Кировского водохранилища, ездил в Ош, Нарын, Пржевальск, Талас, на Иссык-куль, в Ат-Баши. Объездил Чуйскую и Таласскую долины. Он совершил две поездки за рубеж. Памятным было знакомство с картинами выдающихся мастеров Возрождения в Италии (1981) и Вермеера Дельфтского в Голландии (1973).

В советском искусстве 70-80х годов происходит становление новой системы образности. Искусство становится не столько отражением общественной деятельности людей, сколько открытием путей человеческого познания и самопознания. Монументальное искусство в Киргизии отражает этот процесс. Герцен в этот период создает несколько крупных произведений, в которых проявлены новые тенденции – горельефы для Кировского водохранилища в

Иллюстрация
«Даша и Телегин»
к книге А. Толстого
«Хождение по мукам»

Иллюстрация
к книге Т. Шевченко
«Кобзарь»

Таласской долине (1976-1982), посвященные его строителям (совместно с В. Шестопалом, В. Димовым), мозаичное панно на фасаде швейно-производственного объединения им. ВЛКСМ (1984), мозаика «Женщины» для салона Ай-Пери (1985) – обе в столице республики.

В смальтовой мозаике на фасаде швейно-производственного объединения он отказывается от своей прежней системы повествовательности и приходит к смелому использованию символики графического изображения, совмещая разновременные пространственные элементы, включая ассоциативность восприятия зрителем. Мотив бесконечно льющегося из рук ткачих голубого полотна – метафора их непрестанного труда, неба и материально-осознательной и вместе с тем воздушной среды. На фоне неба – полотна реют бело-синие голуби, над ними – диск солнца.

Одновременно (1972-1980) Герцен выполнил грандиозный цикл иллюстраций к одному из выдающихся произведений мирового фольклора – «океаноподобному», по выражению Ч. Айтматова, кыргызскому эпосу «Манас». Впечатляет количественный состав иллюстраций: из множества вариантов, сделанных художником, двести вошли в четырехтомное сказание манасчи Сагымбая Орозбакова. «Только одаренный, одержимый и необыкновенно трудоспособный человек, испытывающий подлинную любовь к этой земле, ее людям, ее истории и искусству, смог дерзнуть в одиночку выполнить такой труд, можно сказать, – подвиг» (Л.М. Мосолова) «Манас» в творческой интерпретации Теодора Герцена является одним из самых значительных произведений кыргызского изобразительного искусства.

В последующие годы (1983-1985) Герцен с большим желанием работает над созданием иллюстраций к кыргызским народным сказкам. Мастер создал поразительно достоверные народные типы: веселых и умных правдолюбив, алчных и

Лист из серии
«Из истории колхоза».
1976

хитрых богачей, жестоких правителей, простаков и мудрецов, несущих то высокое и низкое, драматическое и комическое, что бывает в судьбах людей.

В эти же годы он выполнил иллюстрации к поэме Егора Исаева «Даль памяти», переведенной на кыргызский язык и к сборнику стихов Токтогула Сатылганова», изданного к 100-летию великого акына. Обе книги отмечены дипломами Всесоюзного конкурса «Искусство книги» (1983, 1985).

В конце 1980-х годов его увлекает серия иллюстраций к повести Ч. Айтматова «Джамиля», которую он выполнил в технике цветной пастели.

Герцен – художник разносторонний. Он много работал цветом как в настенных монументальных росписях и мозаиках, так и в линогравюрах, в сериях акварелей, рисунках и пастелях. Не пренебрегал он и техникой масляной живописи.

Нередко он обращался к темпера, гуаши и акварели. Но именно в цветных пастелях изливается поэтическая стихия его сердца. Их у него великое множество...

Совершенно феноменальным было выполнение Герценом за один год (!) иллюстраций к немецкому эпосу «Песнь о Нибелунгах» (1992). Таковы были

Лист из серии
«Из истории колхоза».
1976

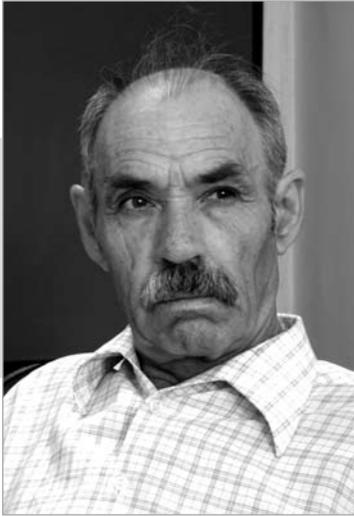
*Иллюстрация
к кыргызским народным
сказкам.*

условия, поставленные перед ним. Все, от иллюстраций до оформления книги – ее одежды – было на ответственности художника. Он справился с этой задачей. Набранный профессиональный потенциал, мудрость, художническое чутье, генная память, начитанность и мечта иллюстрировать Нибелунгов – все служило во имя цели: успеть! Иллюстрации к Нибелунгам, несмотря на лаконичность их выразительных средств, сохраняют свежесть и поэтическую непосредственность их автора, словно на одном дыхании исполненные, словно он всю жизнь жил в Германии.

Когда задумываешься, что движет художником в его страсти к творчеству, что это за сила, поднимающая его в 5-6 часов утра и увлекающая в природу написать зарю и пробуждающуюся землю. При этом вспоминая слова художника: «Творчество для меня не работа, а образ жизни, а жизнь – это вечное преобразование природы с ее волнующей красотой. Воспеть ее, отдать весь свой исповедальный дар – в этом я вижу смысл своего пребывания на земле»

Новейшему времени предстоит открывать для себя Теодора Герцена. Он кровно и навсегда связан с кыргызской землей, хотя и похоронен в Германии. Мы же все ответы видим в имени художника: ТЕОДОР ГЕРЦЕН – Дар Богов, исходящий из сердца.

ГЕРЦЕН о себе

Родительский дом!

Это место сродни со словом Родина!

Для меня Кыргызстан – родительский дом. Я всю жизнь рисую Киргизию и ее людей, вкладываю все тепло моего сердца в свои произведения. Теперь судьба сложилась так, что я на исторической Родине, и надеюсь, бог даст, я найду краски и для этой земли.

Родина моя

Кыргызстан – это горы и долины, прорезанные потоками горных рек, озера, окаймленные грядами горных хребтов, высокогорные цветущие пастбища, где сельские труженики из поколения в поколение творят обыденную, но очень важную работу.

Всю жизнь горы оставались моей большой любовью. Меня удивляло то, что они в любое время дня величественны и прекрасны.

Работая над иллюстрациями к эпосу «Манас», я исходил с этюдником Таласскую долину, Прииссыккулье, Кочкорку и Нарын, так как мне нужно было питать свое воображение реальными образами горных мотивов.

В каждом своем рисунке я пытался постичь эту волшебную магию гор, научиться не срисовывать складки гор, а понять ту среду, в которой люди и животные живут в полной гармонии с этим чудом природы. Мне не раз приходилось видеть, как путники верхом едут по ущелью и поют путевую песню. Меня поражало, насколько эта мелодия сливается с горами, и кажется, что невидимый дирижер так удивительно нашел эту гармонию. Научиться ощущать и передавать это в своих этюдах было для меня всегда той далекой звездой, к которой нужно стремиться. В середине 70-х годов я начал работать над серией пейзажей под общим названием «Мелодии кыргызских гор». Я делал

*Написано Т.Т. Герценом
для журнала «Мээрим» в
январе 2002 года.*

Иллюстрация
«Едут на охоту»
к эпосу «Манас».

все новые и новые сюжеты. Началась эта работа с нескольких листов о Таласской долине, затем пошли пейзажи Прииссыккуля, Кочкорской долины и юга Кыргызстана – и уж так случилось, что уже более 25 лет я пополняю и не вижу как закончить эту тему, если это вообще возможно. Из каждой поездки я привозил все новые и новые сюжеты, и чем больше я рисую, тем больше хочется, т.к. горы – это неиссякаемый источник впечатлений. Я очень много тренировал свою память старался научиться по памяти делать сюжеты, которые не удастся нарисовать с натуры. Я много раз делал маленькие наброски в записной книжке с указанием основных цветовых соотношений, а картину рисовал потом по памяти. И это позволило мне написать ночные мотивы и очень быстро меняющиеся состояния, например радугу, или некоторые сюжеты, которые я наблюдал, но не было возможности сделать этюд. В 90-м году я впервые работал на 22-й телестанции, которая находится на хребте, разделяющей Токтогульскую и Каракульскую долины. Я и раньше много раз поднимался высоко в горы, но тут я увидел удивительную для меня картину. Горные дали наполнялись совершенно новым, до того невиданным мною, состоянием.

Иллюстрация
«Козлодрание»
к эпосу «Манас».

Иллюстрация
«Ханская юрта»
к эпосу «Манас».

Казалось, что я, как парящая птица, увидел просторы эпического величия. Эта поездка была поворотной в моем творчестве. Я как-то вдруг понял, что в моем творчестве появилась новая тропинка, по которой я еще не хаживал. Но как нащупать эту тропинку?

Вдруг я понял, чего не хватает в моих работах: это воздуха, в котором растворяются горные дали. Нужно научиться рисовать воздух, чтобы пейзажи обрели глубину. И все последующие годы эта задача стояла передо мной как особенно важная, так как только воздух в картине позволяет передать этот простор, от которого дух завораживает. Нарисовать, например, конструкцию мотива – это важно, но картина наполняется жизнью лишь тогда, когда художнику удастся передать воздушную среду.

Сейчас, находясь вдали от моей Родины, я продолжаю уже по памяти изображать любимые мною горы. Это, мне кажется, не просто пейзажи, это своеобразная исповедь моего сердца. Это именно то, что я не могу не высказать.

* * *

Из воспоминаний
Т.Т. Герцена о работе
над эпосом для монографии
Л.М. Мосоловой
«Теодор Герцен.
Творческий портрет».
Фрунзе. 1990

«Манас» давно привлекал меня как сокровищница устного народного творчества. С детства запомнилось его напевное, эмоциональное, сопровождающееся красноречивой мимикой и жестикуляцией исполнение – рассказ о силе и могуществе богатыря Манаса, его сподвижнике – мудреце Бакае, верном друге и жене, красавице Каныкей... И, наверняка, я никогда бы не решился делать иллюстрации к эпосу, если бы не родился на земле Манаса, с малых лет не знал бы и не наблюдал той жизни, которую предстояло отразить в гравюрах...

Вновь и вновь перечитывал строки сказаний, пока не запоминал до такой степени, что в какой-то момент отложил рукопись и больше почти к ней не при-

Иллюстрация
«Встреча гостей»
к эпосу «Манас».

касался. Настолько вжился в материал, что любой сюжет вставал перед глазами, стоило лишь взяться за его решение. Я ясно представлял себе, например, как двигались воины Манаса среди мощных гор в великом походе...

Когда садишься резать, начинать думать – поздно. Ходил и думал, учился думать, заставлял себя быть все время на взводе, а когда «созревал» – садился резать. Я пытался найти устойчивые, «чистые» моменты эпоса, простые формулы веков в пластике фигур, действиях людей, в их одежде, колпаках, утвари. Я стал думать о белой плоскости, как положить силуэт, добиться четкости и ажурности изображения, чтобы интересно было смотреть. В работе над «Манасом» меня привлекали панорамы сражения, войны, мирное время. Я настолько вошел в мир эпоса, что долго не мог остановиться, все время видел то, что с ним связано.

* * *

Я – художник, творчество для меня не работа, а образ жизни. Я по сей день абсолютно убежден, что выбрал ту единственную дорогу, без которой моя жизнь не имела бы смысла. Я не представляю себе свою жизнь вне искусства, т.е. я за всю жизнь не ходил на работу, меня несла неведомая сила заниматься любимым делом. Это заполняло все мое существо, меня окрыляли успехи, огорчали и заставляли еще больше трудиться неудачи, но в результате я все же овладел и мастерством, и научился той великой науке творчества, когда кисть, или карандаш, или резец живут в редкой гармонии с воображением и чувствами

Я люблю свои краски, кисти и резцы, которые научились петь песню моего сердца.

*Из письма к Ольге
Шнайдер. 2000 года.
Публикуется впервые*

ГЕРЦЕН О РИСУНКЕНКЕ

*Интервью искусствоведа
Н.М. Уваровой с
Т.Т. Герценом на страни-
цах журнала «Курак».
2001 г. №4*

*Н.М. Уварова (1949-2001)
– кыргызский искусствовед,
окончила в 1973 году
институт им. И.Е. Репина.
Автор статей о кыргызских
художниках, искусстве.
Большой стаж историка
искусства в художественных
вузах республики.
Ответственный редактор
журнала «Курак» фонда
«Сорос-Кыргызстан»*

В последние годы многие вузы Кыргызстана стали готовить живописцев, скульпторов, дизайнеров, модельеров, художников декоративно-прикладного искусства. В учебных планах этих специальностей большое место отводится рисунку – дисциплине, во все времена почитавшейся у художников основополагающей. Не случайно еще великий Леонардо в своем «Трактате о живописи» говорил об огромном значении рисунка: «Юношам, которые хотят совершенствоваться в науках и искусствах, прежде всего надо научиться рисовать».

В наши дни педагогам все чаще приходится констатировать, что призывы Леонардо, как и Давида, обращавшегося к своим ученикам со словами: «Рисунок, рисунок, мой друг, и еще тысячу раз рисунок» для современных юношей и девушек, желающих вкусить успех Пикассо или Кандинского, звучат анахронизмом. Большинство из них без всякого интереса, не вкладывая жар душевный «отрабатывают» положенные по программе задания, так и не осознав, не почувствовав притягательность и ни чем не ограниченные возможности этого вида графики. Именно это холодное равнодушие к рисунку, с которым столкнулся в своей педагогической деятельности Теодор Теодорович Герцен, настолько задело его за живое, что он решил показать персональную выставку в музее Академии художеств в первую очередь для студентов, чтобы разбудить в них интерес. Предлагаемое вниманию читателей интервью с Т. Герценом состоялось еще год назад, когда художник только начал отбирать для выставки работы. Открытие ее состоялось в марте 2000 года в Кыргызском Национальном музее изобразительных искусств им. Г. Айтиева.

Нам представляется небезынтересным познакомить читателей с размышлениями признанного мастера о рисунке, проблемах современной графики и ее значении для творчества молодых художников.

Н. У.: Теодор Теодорович, что для вас значит рисунок?

Т. Г.: Рисунок – это свобода творчества для художника, владение им сразу дает человеку чувство полета. Это первый барьер на пути от замысла до воплощения. Если человек не владеет свободно рисунком, то, как правило, начинается такая пляска..., он ничего не может изобразить, начинает нервничать и, как правило, тогда отменяются сложные сюжеты. Начинается целая цепь неурядиц...

Еще начиная со студенческих лет у меня всегда была единственная задача – научиться рисовать, чтобы то, что я задумал, я мог изобразить. Это была у меня всегда единственная цель и поэтому я страшно много рисовал.

Н. У.: У кого вы учились рисунку?

Т. Г.: Я учился у нашего Виктора Петровича Жукова. Мы каждый день ходили на рисунок. Я был просто фанатиком. В институте я учился у Ермолова. Я был уже на 3 курсе и вдруг Ермолов куда-то уехал, а к нам пришел преподавать рисунок Владимир Иванович Козлинский. Очень хороший педагог. Он посмотрел мои работы (а нужно сказать, что Ермолов меня очень хвалил, и я думал, что уже здорово владею всем) и сказал: «Я вас выгоню, если не научитесь рисовать». И я опять пошел в анатомичку и очень ему благодарен.

Н. У.: В чем различалась их методика преподавания?

Т. Г.: Для Ермолова было достаточно того светотеневого рисования, которое я привез из фрунзенского художественного училища. Для Козлинского все это значения не имело. Если посмотреть мои поздние рисунки, то там, как правило, отсутствует светотень. Там есть только конструкция, и я пытался линией изобразить фигуру без светотени, без иллюзионной лепки. Я пытался создавать только большие формы. Правда, потом, когда я вернулся во Фрунзе, А. Михалев и Л. Ильина страшно ругали меня за эти рисунки.

Н. У.: А что им не нравилось в ваших рисунках?

Т. Г.: Они говорили, что все это очень жесткое. Как только была выставка, то первым ругали меня, но я им все же благодарен, потому что мне не давали успокоиться. Я прошел светотеневую и конструктивную школу рисования, особенно мне это пригодилось при работе над монументальными произведениями. Но потом, спустя много лет, я опять вернулся к тональному рисунку. Менял и техники, испробовал все. От карандаша перешел к пастели, которая привлекла своей мягкостью, подвижностью.

Н. У.: Почему вы все-таки отдали предпочтение пастели?

Т. Г.: У нее широкие живописные возможности. И была еще одна, на мой взгляд, очень важная причина. Карандаш это все-таки материал, который требует длительной работы. А в пастели у меня появилась одна интересная возможность: я создавал просто пятно и потом в конце прорисовывал. Я мог за 2 часа сделать портрет, голову и фигуру, т. е. я овладел тем арсеналом, а когда это наложилось на мягкий материал, рука довольно свободно двигалась. И фигуру в листе я делал за 2-2,5 часа. Вся огромная практика, которую я получил за много лет, наслаивалась. С 1966 по 1993 год мы работали в студии. Там появилась абсолютная свобода. Студия стала еще одним величайшим институтом. Мы рисовали сами, никто нас не заставлял. Рисовали и обнаженных, и портреты, и фигуры и несколько фигур. Каждый раз ставилась новая задача.

*В.П. Жуков (1920-1989)
– кыргызский художник-плакатист, вел в ФХУ занятия по рисунку во Фрунзе с 1938 года. Участник ВОВ 1941-1945 гг. В 1955 году окончил графический факультет Харьковского художественного института. Работал во всех графических техниках.*

Н. У.: Вы никогда не пробовали отойти от реалистичного рисунка и попробовать себя в абстрактном?

Т. Г.: Первый раз, когда я встретился с человеком, который занимался деформированной формой, это был очень хороший художник Григорьев из Москвы. Он тогда уже был на шестом курсе, дипломник, а я всего лишь на первом курсе и был старостой. Когда мы встретились, меня, глядя на то, что он делает, корежило. Однажды я все-таки спросил: «Для чего ты это делаешь?» И он мне рассказал одну очень интересную историю. Жил когда-то в Грузии один художник, который кроме икон ничего не рисовал. Но святые у него были без ушей. Он говорил, что в его конструкции уши мешают голове. Это продолжалось до тех пор, пока ему не заказали портрет Сталина. Его он нарисовал тоже без ушей, после чего пропал на долгое время. Когда появился вновь, то стал вновь писать святых, но уже с огромными ушами. Его спрашивали, зачем он стал рисовать уши такими большими, можно и поменьше. Но он ответил, что там, где он был, его убедили, что самая важная человеческая деталь – уши. Это шутка конечно, но Григорьев мне тогда сказал: «Сконструировать обыкновенную голову можно научить и обезьяну». Правда, в конце концов, он вернулся к реалистическому руслу. А я ни от кого, кто этим занимался, не мог добиться никаких критериев оценки. Просто есть более интересные или менее интересные работы.

Со студенческих лет я «болел» Дюрером. Дюрер лежал у меня на столе, как Библия или Коран у верующих. Я был очарован всем, что он делал: рисовал, резал гравюру, как владел материалом. И то, к чему я всегда по-настоящему стремился – это овладеть рисунком и овладеть формой в совершенстве.

Н. У.: Как Вы считаете, каково нынешнее состояние рисунка в республике?

Т. Г.: По-моему, ужасно. Во всем, что сегодня появляется, не видно культуры рисования. Люди вообще перестали рисовать. На выставках не стало ни портретов, ни тематических композиций. Необходимо владение формой, плоскостью, а этого нет.

Самый большой урок, который я получил в жизни, это когда стал иллюстрировать эпос «Манас». Дай Бог, такой урок каждому. Вот там я сломал все зубы, какие были, сломал все мои преграды и сомнения, все ушло в сторону, когда мне необходимо было компоновать, нужно было владеть настолько всем, что меня упрекали в «Манасе» за то, что я ввел слишком много бытовых деталей. Чего мне только не приписывали! Разговоров была масса. Но тогда я понял, что надо суметь не только какой-то сюжет изобразить, а суметь, чтобы это было неназойливо; сделать всю бытовую палитру, показать всю культуру, которая была у кыргызов. И все это, повторяю, должно ненавязчиво сосуществовать вместе. Вот тут я и осознал, что если не овладею по-настоящему культурой рисунка, общей культурой композиции, то ничего не сделаю. Вот тогда я понял, что внутренне был страшно благодарен Дюреру, которого любил. Дюрер делал невероятные композиции в гравюре на металле и на дереве. Ни до него, ни после него никто такого не делал. Он владеет и рисунком, и композицией, причем у него нет пустых мест на доске. Там каждый кусочек работает на всю композицию. Так я сделал целый ряд гравюр и мне приятно, что я в «Манасе». Я их придумал и сумел их сделать. И это без ложной скромности.

Альбрехт Дюрер (1471-1528) – великий художник-мыслитель Германии. Главный учитель Дюрера – природа. Искусство – форма познания мира. В его творчестве уживаются рассудок и чувство, тяга к монументальному и привязанность к деталям. Его художественные воззрения явили новый этап в немецком искусстве эпохи Возрождения.

Н. У.: Например, какую свою гравюру Вы больше цените?

Т. Г.: Небольшие заставочки. Они уже стали как бы хрестоматийными.

«Заговор ханов» я никак не мог придумать, я чувствовал этот сюжет, а придумать не мог. И вот как-то мы поехали с А. Игнатьевым получать контейнер с товарной станции. Он оформлял документы, а я, покуривая (я тогда еще курил), сидел на лестнице. Сижу, курю, и смотрю, эти работяги тоже стоят курят, а рядом под разными углами стоят контейнеры. Меня вдруг как по голове стукнуло. Боже мой, вот же моя композиция! Я тут же себе в блокнотике зачиркал сразу схему, прибежал и за вечер вырезал эту гравюру. Никаких поправок я больше не делал, отпечатал, и это, по-моему, одна из очень хороших гравюр, которые я сделал. Из-за того, что я мог рисовать, я и нарисовал этих стариков, и глубоко национальная эта штука по всем параметрам.

Н. У.: Безусловно, что работа над «Манасом» стала для Вас незаменимой школой. Однако интересно, почему именно Вам доверили выполнение столь почетного и невероятно трудного заказа?

Т. Г.: Для меня это была совершенно неожиданная книга, вернее тема, о которой я даже и не мечтал, т. к. знал, что это тема для художников этнических кыргызов, а если даже и мог кто-то другой претендовать, то были весьма именитые художники и они бы эту тему никак бы не упустили.

Но руководство издательства, Комитет по печати, Союз художников и самое главное – идеологический отдел ЦК и сектор «Манасоведения» в Академии наук остановили свой выбор на мне, что по тем временам было удивительно, т. к. 5 пункт анкеты мне частенько мешал.

Когда я получил этот заказ в издательстве, я сначала не понял, что от меня хотят получить. Я думал, только оформление обложки и титульного листа. Но как потом оказалось, планировалось иллюстрированное издание, пожалуй, самого фундаментального текста по варианту Сагынбая Орозбакова. Это было первое такое полное издание его варианта текста. Когда до меня дошло, то я попросил назначить мне консультанта, а именно Гапара Айтиева, который, как мне тогда казалось, был большим знатоком национального эпоса. Он провел со мной три беседы и одновременно посмотрел мои первые крохи-эскизы. Не знаю, почему он со мной беседовал на совершенно отвлеченные, но как я потом понял, очень важные темы. Позднее я осознал, что он уводил меня в жизнь древних кочевников, живо повествуя об их укладе жизни, вещах, наконец, питании. Он особенно подчеркивал, что у кочевников не бывает ненужных вещей. Особенно подробно он говорил о питании. В целом же, он ничего не сказал из того, чего бы я не знал, но я очень ему благодарен за то, что он заострил мое внимание и очень ненавязчиво убедил меня в том, что жизнь кочевых народов на протяжении многих столетий не претерпела практически никаких изменений. Когда после второй встречи он отклонил мой второй вариант эскизов, то он (как выяснилось позже) уже не надеялся увидеть третий вариант, но я все же сделал его. Получил одобрение от Айтиева, который, правда, попросил всякие намеки на театральность убирать. Больше мы с ним так официально по этому поводу не встречались, но я уже успел «увязнуть» в великом сказании. Пришлось немало поехать по республике и я с увлечением рисовал горы.

Н. У.: Теодор Теодорович, Вы ведь родились и жили в таласской Орловке, местах легендарных, связанных с именем Манаса, а не сохранила ли ваша память какие-то первые впечатления, связанные с эпосом?

Т. Г.: Когда-то очень давно, в конце 40-х годов в Талас приехала труппа театра оперы и балета со спектаклем «Айчурек». Актеры расположились внизу ущелья, автомашины освещали импровизированную сцену, а зрители сидели на склоне горы. На меня этот спектакль, его феерическая обстановка произвели настолько сильное впечатление, что очень долго в своих детских рисунках я продолжал рисовать Айчурек и Семетея. Конечно, и предположить было не возможно, что великий кыргызский эпос займет в моей жизни такое место.

Н. У.: Но рано или поздно даже самая емкая работа заканчивается. Что Вы испытали, завершив многолетний труд?

Т. Г.: За 8 лет работы над эпосом я настолько сжился с этой работой, что все вокруг воспринимал только через эту тему. И когда работа вдруг закончилась и последняя книга была сдана в печать, я не находил себе места. И вместо радости, что наконец-то окончена такая большая работа, я ощутил какую-то страшную пустоту. Казалось, что жизнь оборвалась, ничто не радовало, не увлекало. Больше месяца ничего не мог делать ни дома, ни в мастерской. Слава Богу, вскоре мне поручили иллюстрировать кыргызские народные сказки, и я снова с головой погрузился в работу, которая во многом перекликалась с предыдущей. А потом был еще «Токтогул», так что эти 3 издания и заняли центральное место не только в моем творчестве, но и в жизни.

Н. У.: И все-таки вернемся к теме рисунка. В Академии художеств, в училище, вузах учат рисунку, учат по-много лет и учат те педагоги, которые сами прошли неплохую школу рисования. А почему такой упадок рисунка, почему у студентов нет к нему интереса?

Т. Г.: Когда я преподавал в Академии, студенты меня спрашивали: «А можно мы будем рисовать абстракцию на композиции?»

«Можно, рисуйте абстракцию. У меня нет к вам никаких претензий, но я хочу, если вы будете рисовать абстракцию, увидеть там ту же конструкцию, тот же конструктивный хребет, что вы делали в фигуративной композиции. Чтобы там была идея, хотя бы графическая, хотя бы пластическая, идея, которая обязательна в фигуративной композиции. Она должна быть и в абстрактной. Поэтому, если абстрактные композиции делает талантливый художник, то там все эти качества есть».

Н. У.: Ну, а почему все-таки нет интереса к реалистическому рисунку?

Т. Г.: Потому что им кажется, что рисовать не надо.

Н. У.: А может быть просто потому, что все-таки реалистической школой овладеть сложнее?

Т. Г.: Это бесспорно.

Н. У.: Но почему Вы все-таки решили сделать эту выставку?

Т. Г.: Когда я преподавал там, то обратил внимание на уровень рисунка вообще, и понял, что у студентов нет вкуса к рисованию. Помню, что когда-то я испытывал колоссальную радость, если мне удавался рисунок. Это, знаете, какое-то непередаваемое чувство, когда вы начинаете постигать эту форму. И начинается уже движение к мастерству. Но это, повторяю,

непередаваемое чувство, надо пережить каждому художнику. А там это еще никак не начиналось. Я приводил этих ребят к себе в мастерскую. Они не видят. И мне кажется, что они не могут отличить, где хороший рисунок, а где не важный. Вот этому надо научить. Не зря у нас на выставках, как правило, нет рисунков. Заметьте, за последние годы рисунок исчез с выставок. Его нет ни на каких выставках, даже на выставках графики нет рисунков. То есть исчезла культура рисования. Люди пытаются подменить рисунок какими-то материалами, какими-то заплатами. Они пытаются что угодно использовать, а настоящего рисунка уже нет. Его и у студентов нет. Набросков они не делают. Я хочу показать им именно наброски. Ведь что такое наброски? Это короткий рисунок, это умение схватить главное и изобразить. Но помимо короткого есть и длительный рисунок. Все это я и хочу показать. Есть, например, рисунок для композиции, где человек ищет не мелкие детали, а его интересует движение фигуры, пропорции и какие-то большие массы, и есть уже рисунок, который требует детальной проработки. И я хочу показать все разнообразие возможностей рисунка – от нескольких линий до фигуры, полного изображения, также и голову, также и несколько фигур, также рисунок и для монументальных работ, для будущей мозаики, например. Все это разные подходы. У меня все равно они лежат мертвым грузом... Осенью...

Н. У.: Сколько на выставке будет работ?

Т. Г.: Я думаю, около 100 рисунков.

Н. У.: Это будет пастель и карандаш?

Т. Г.: Там будет все: и пастель – от одноцветной до нескольких цветов, будет карандаш – от наброска до длительного рисунка. Так же будет кисть, тушь, наброски чернилами, уголь, сангина, соус – все возможные материалы будут.

Н. У.: Как Вы считаете, кто всерьез из кыргызских мастеров занимался рисунком?

Т. Г.: В то время, когда я только приехал, к рисунку был особый интерес. У нас было несколько специальных выставок рисунка, и мне кажется, они сыграли очень большую роль в развитии всего кыргызского искусства.

Н. У.: А почему все-таки пропал интерес к нему у художников-профессионалов?

Т. Г.: Мне кажется, что это увлечение беспредметной формой... Постепенно исчез интерес к гравюре, к графическим техникам, исчез офорт, метаграфия, мало, кто стал заниматься, а ведь в рисунках были портреты, были фигуры композиционные, но потом все это ушло. Появилось много условных работ, где увлекались только фактурой, фактурой бумаги, живописной фактурой. Даже в той студии, которая у нас постоянно работала в Союзе, постепенно уменьшалось количество людей, потом некоторые приходили: раз порисуют, не получается и уже больше не приходят. Ведь там все было очень заметно, – когда работает группа художников, а он ничего не может сделать, конечно, человек исчезал и больше его в студии никто не видел. Я думаю, что все это сработало одно на другое. С одной стороны, увлечение беспредметным искусством, с другой, может быть, и Министерство культуры не заключало договоры на серьезные графические работы. Это играло свою роль. Нет спроса. Поэтому я не думаю, чтобы сейчас кто-

то сидел и делал многофигурные композиции в рисунке. А это первое. Раз в рисунке нет, значит и в живописи тоже нет. В классике ведь мы не найдем примера, чтобы портрет не был нарисован. Даже представить себе такое невозможно, чтобы кто-нибудь из классиков нарисовал портрет, и он не был бы сконструирован. Этого не могло быть, а сейчас это сплошь и рядом. Сейчас даже удивляешься, если появляется нормально нарисованная работа. Это вызывает удивление, и даже восхищение. Но это настолько редко. Зато сейчас появилось очень много всяких экспериментов. Но я не думаю, что от этих экспериментов наше искусство выигрывает. Ведь все-таки конечная цель любого из нас, наверное, изображать ту жизнь, которая нас окружает, и оставлять ее для потомков. Именно через преломление художника.

Сейчас есть могучая техника, которой фотографы блестяще делают свое дело, и есть такие великолепнейшие фотографии. Это своя летопись истории, но должна быть и художественная летопись, которая тоже остается, так мы изучаем классику всех до нас идущих. Я не могу воспринять европейскую беспредметную живопись, вот, к примеру, недавно здесь была выставка германской графики, и я оттуда вышел очень удрученным. Когда человек просто сидит и буквой заполняет, бесконечно заполняет целый тетрадный лист и это выставляет?!... Это сильно удручает. Я как-то беседовал в Германии с одним таким графиком. Мы сидели довольно долго. Он хотел меня убедить, но в конце концов говорит: «То, что делаешь ты, я делать не могу». Он хотя бы честно признался в своей беспомощности перед натурой. А вы знаете, все-таки высшее удовлетворение получаешь от того, если передо мной сидит модель, и могу ее нарисовать, и чувствовать, что делаю это свободно, не мучаясь при этом. Когда-то Ермолов нам говорил: «Вам трудно бывает рисовать, но на бумаге этого не должно быть заметно. На бумаге должно быть видно, что вы владеете материалом, что вы мастер. А как, каким трудом вы этого достигли – это ваши внутренние проблемы. И видеть ваш пот никому не интересно».

Н. У.: Возможно интерес к рисунку падает, потому что... много пота? И часто художники не достигают того, чего они хотели бы, и это просто останавливает их на творческом пути?

Т. Г.: Давайте возьмем такой пример. Менцель был хорошим художником, я его люблю, он очень много работал. Только в европейских каталогах более 6 тысяч его известных рисунков, а сколько нет в каталогах, мы не знаем. Он артистически владел своим мастерством. Страшно плодовит. Не каждый имеет такое трудолюбие, и это, вероятно, останавливает очень многих. Потому что это трудно, это очень трудно.

Н. У.: Да, это трудно, а потом просто не каждый в состоянии кропотливо работать, совершенствовать свое мастерство!

Т. Г.: Это одна сторона медали. Тут есть еще вторая. Одно дело рисовать тупо, а другое дело – уметь анализировать то, что ты делаешь, и намечать себе, пусть миллиметровые, перспективы впереди, но они должны быть. Самое трудное у художника, я думаю, так же как и у любого деятеля искусства, видеть перед собой дальнейшую дорогу, куда надо стремиться. Пусть эта цель хоть и маленькая, но все равно надо всегда ее видеть. Я часто стараюсь именно так смотреть на свои рисунки, смотрю рисунки прошлых лет и очень приятно,

Адольф Менцель (1815-1905). С его именем связан расцвет реализма в немецкой живописи. Блестящий рисовальщик, иллюстрировал «Историю Фридриха Великого»

когда вижу, что где-то иду вперед, и очень огорчает, когда я вдруг где-то что-то потерял. Это сильно огорчает.

Н. У.: А вот сейчас Вы чувствуете, что что-то ушло из ваших рисунков?

Т. Г.: Чувствую, я, например, давно перестал рисовать карандашом и потерял ту линию, которая когда-то в моем искусстве была. Я линейно очень хорошо работал и вот сейчас я это утратил, и меня это жутко огорчило, потому что где-то я пытаюсь это сохранять, но не в той уже степени как было. И не хватает меня на все. Я сейчас увлекся пастелью и начал много рисовать ею, она заполнила мою жизнь настолько, и почему, я могу объяснить. Когда-то я не знал возможностей пастели, даже не подозревал о них. И вдруг когда стал находить тончайшие нюансы, на которых я могу играть, на тончайших нотах, раньше мне не доступных, я понял, что что-то теряю, а что-то приобретаю. Но главное, что у меня есть в жизни – я стараюсь всем интересоваться и очень много работать. Хоть раньше, хоть сейчас. Я работаю постоянно: праздник, не праздник, если днем некогда, то я ночью рисую, но все равно рисую.

Н. У.: Пастель очень красивая техника и вместе с тем, как мне кажется, в этом заключается ее коварство: легко скатиться в красоту, слащавость, что безвозвратно губит произведение.

Т. Г.: Тут есть одна мерка, о которой никогда нельзя забывать: все-таки надо восхищаться жизнью и извлекать те крохи, которые западают в сердце и остаются в искусстве. Именно этим я и пытаюсь сейчас заниматься. Куда бы я ни ехал, я еще ни разу за всю жизнь не упустил возможности, чтобы эта поездка не осталась в 2 – 3 листах. Хотя что-то, но есть, каждый раз, где бы ни был. Для меня это святой закон. По моему творчеству можно проследить, где я был, когда был. У меня дома всегда стоит наготове планшет и всегда в работе, и в мастерской тоже. Я никогда не убираю. Как приспичило, моментально уже все это движется. Каждый работает по-своему: кто-то только в мастерской, а я везде.

Н. У.: Есть ли в гравюре помимо Дюрера художник, которого вы открыли для себя недавно?

Т. Г.: Я очень люблю Гончарова и могу сказать за что. Есть целый ряд графиков, которых я очень люблю, но вот Гончаров меня привлекает тем, что в черно-белой гравюре умеет передать цветную наполненность. Если у Фаворского этот момент очень далек, то Гончаров очень цветной, у него гравюры плотные, цветные, чувствуешь даже биение цвета, хотя они черно-белые. Но почему я о Дюрере так много говорю. Дюрер меня всегда привлекал тем, что у него на плоскости гравюры нет второстепенных углов. Это удивительный художник, как у Врубеля каждый кусочек, каждый сантиметр написан по-настоящему, там нет закрашенных мест, там все написано, так и у Дюрера – каждый кусочек нарезан. Я говорю, что я ему молился, но пытался все равно всегда быть самим собой.

Н. У.: Почему, любя рисунок, Вы никогда не занимались литографией?

Т. Г.: Нет, не занимался. Я очень много работал в мозаике, в монументальном искусстве и почему-то всегда находил какое-то родство между гравюрой и стенкой. И совершенствовался тут, у меня все время существовала параллель. Например, стенную роспись я никогда не делал просто декоративной, я всегда

делал многофигурные, сюжетные вещи, и тем более всегда рисовал и делал множество рисунков с натуры к этим фигурам, а потом все это перевоплощал для языка мозаики. Именно поэтому, наверное, много раз в моих мозаиках встречается Диля. Это была такая модель, которая всегда перед глазами и все движения я зрительно просматривал на ней, и поэтому это была какая-то мерка, которую я всегда представлял первым долгом. Как все это могла бы изобразить Диля пластически. Даже когда она не позировала, я ее себе отчетливо представлял.

Н. У.: А делать гравюру на металле Вы никогда не пробовали?

Т. Г.: Приходилось работать и на металле, в институте делал маленькие офорты. Ведь когда свободно владеешь рисунком, в этом нет никаких проблем, это то же самое. Я все время видел перед собой то, чего я еще не умею делать, и пытался всю жизнь этого достичь. Догонял. И так прошла вся жизнь. Если вы посмотрите на мои работы, то «Манас» – это один, а «Токтогул» – это уже новая серия гравюр, потом «Нибелунги» – это уже третий ход. Конечно, там есть много и промежуточных. А вырезать мне очень хотелось, хотелось овладеть этим делом. По-моему, это ни с чем не сравнимая радость. Достичь того, чтобы она дышала, и свет бы был, и воздушность была. Наверное, все сумеет сделать в гравюре – это и было бы целью. Это как цепная реакция: цепляется одно за другое, и все идешь и идешь, и остановиться не можешь. Я иногда смотрю на то невероятное количество досок, которые у меня сохранились, и не знаю, что с ними делать. Я делал и экслибрисы и буквицы, и монограммы, и заставки – что я только ни делал.

Н. У.: Когда Вы преподавали в Академии художеств, были ли у вас ребята, желавшие заниматься с вами именно станковой графикой?

Т. Г.: Там у меня было всего 5 студентов, и один ко мне иногда приходил в мастерскую, а у остальных я не мог узреть такого интереса не только к станковой графике, а и вообще ни к чему. Например, меня угнетало, что на 3 курсе мне нужно было говорить о тех вещах, которые должны знать студенты 1 курса, может быть училища: композиции листа, как начинать; о том, что собой представляет пространство, в котором предстоит работать. Это же надо чувствовать. А они никак. Я смотрел на то, как они работают, и многое для меня было загадкой. Потому что художник – как музыкант – это прежде всего чувство. И каждый чувствует по-своему и выражает это неповторимо, а не математическими расчетами.

Н. У.: Кого из молодых художников Вы могли бы выделить, кто всерьез, интересно занимается графикой?

Т. Г.: Давлетов интересно занимается графикой, он как приехал из института, всерьез работает, у него есть чувство, это художник с будущим. И Жакыпов был одаренным, очень интересным, когда приехал. Рисунки произвели на меня впечатление, и мне жаль, что он ушел в какие-то дебри. От него можно было многого ожидать. Мне кажется, все из-за того, что все разобщены, это очень плохо. Нет групповых выставок. Все же только осенних и весенних выставок слишком мало. И на выставке сам черт ногу сломит: трудно найти кого-то настоящего. Мне кажется, что целенаправленные выставки, как были раньше, например, выставка рисунка, выставка акварели – способствовали бы развитию художников.

Каныбек Давлетов – график, окончил институт им. В.И. Сурикова, профессор Академии художеств.

Жылкычи Жакыпов – живописец, окончил институт им. В.И. Сурикова, апологет «Новой волны» в 90-е годы, работал в кино.

Люди поневоле, которые и не рисовали, но когда предстояла выставка рисунка, начинали что-то делать. В прошлом много было плохого, но и много хорошего, и жаль, что мы это потеряли.

Н. У.: Как Вы считаете, есть надежда, что что-то изменится в самой художественной ситуации, в отношении художников к своему ремеслу?

Т. Г.: Не думаю, что это произойдет сейчас или очень скоро. Наша ситуация в искусстве не способствует ничему. Если все-таки Министерство культуры или другая организация создаст объединение людей с интересами, а так, по отдельности, кто как может выживает, крутится, а на выставки тащат случайные вещи, никаких тематических серий... Но, повторяю, чтобы сделать такой многофигурный рисунок, надо многое уметь и так просто его не сделаешь, а чтобы к этому вернуться, нужен какой-то интерес, но интереса нет. Все-таки прежде всего Академия художеств и училище должны давать мастерство. И там должна быть жесткая дисциплина, чтобы изучить не только анатомию, а чувство цельности фигуры. Это чувство вырабатывается медленно, трудно и долго. И если это чувство не выработать, то не о чем говорить.

Говорить о рисунке и легко, и трудно одновременно. Легко потому что, казалось бы, с этого начинается изобразительное искусство. Само слово «изобразительное» предполагает владение изобразительным языком, в первую очередь рисунком. А трудно, так как совершенству рисунка нет предела. Человечество рисует всю свою сознательную историю, рисует, начиная с пещерных и наскальных рисунков по сей день и, по-видимому, этот процесс творчества никогда не закончится, так как потребность изображения все возрастает. Человечество переживало периоды взлета рисовальной культуры и упадка и снова взлета. Этот процесс находится в постоянном движении. Меня только очень удивляет, что сейчас, когда уровень человеческой деятельности шагнул так далеко, интерес в среде художников-профессионалов к этой области графики падает, утрачивается уровень мастерства.

Трудно себе представить неграмотного писателя, который не умеет писать. Также я считаю обязательным для художника овладение рисунком, то есть овладение средствами пластического изложения своих мыслей, замыслов на бумаге, холсте. Без этого говорить о начале творческой деятельности нет никакого смысла. Ведь первое, что нужно при изложении своего замысла – это умение превратить плоскость бумаги в пространство, где будет оживать сюжет будущей картины, гравюры и т. д.

Отсюда начинается тот сложный процесс, который позволяет художнику оставить на бумаге тончайшие нюансы чувств, и тут чем выше мастерство рисовальщика, тем шире возможности у художника и здесь, я думаю, нет предела в совершенстве, главное – уметь всегда находить в себе то, чего еще не достиг, и шаг за шагом совершенствовать свое мастерство. Ведь только регулярные тренировки позволяют, как говорят спортсмены, «сохранять спортивную форму».

На мой взгляд, наивно полагать, что без постоянной работы можно мастерски овладеть искусством рисования. На первых курсах художественного училища я вообще не расставался с блокнотом и карандашом и сделать 5-6 набросков в день была норма, что вскоре принесло свой результат: стал

увереннее компоновать изображение на листе и к тому же эта постоянная работа начала меня радовать. Люди на рисунках стали обретать не просто схожесть, но и какую-то индивидуальную выразительность. Отсюда началось увлечение портретом и по сей день я считаю обязательным передачу портретного сходства. Безусловно это не главный критерий в рисовании, но, на мой взгляд, это говорит о том, что автор обладает острым глазом и хорошей профессиональной подготовкой. Я всегда считал характеристику портретируемого одним из главных компонентов рисунка помимо чисто пластических качеств и, конечно, графической выразительности. Когда однажды мне довелось побывать в музее Рембрандта, то поразило невероятное количество офортов (более 2 тысяч!) и гид сказала, что в этот дом никто не мог войти, чтобы не остаться запечатленным хотя бы несколькими линиями на медной пластине, сделанных рукой великого голландца. Я не знаю, о ком из современных мастеров изобразительного искусства можно было бы сказать такое.

Нередко можно услышать расхожую фразу о том, что рисовать можно научить и медведя. Но, увы, рисующих медведей нет и не будет, а культуру рисунка можно совершенствовать до бесконечности, ведь каждый настоящий художник – это еще одна страница в нескончаемой книге искусства рисования, что человечество создает уже на протяжении тысячелетий своей истории. В изобразительном искусстве нет другой более исповедальной области. Я пытался непрерывно развивать свои способности в рисовании с натуры, по памяти, по воображению, и насколько важно владеть всем арсеналом изобразительных и выразительных средств я убедился во время работы над эпосом «Манас», где нужно было изобразить огромное количество сюжетов и постоянно сохранять узнаваемость образов героев.

В 1966 году я закончил Строгановское училище и мне казалось, что с рисунком у меня нет проблем. В Союзе художников до 1994 года работала студия рисунка, завсегдатаем которой я стал. У нас сложился небольшой стабильный коллектив художников, для которых работа на студии была необходимостью. Постоянными ее участниками были А. Осташев, З. Короткова, А. Шведов, О. Мамбеталиева, С. Дараган, К. Шкурпела и еще несколько человек, которые то появлялись, то исчезали. Это было прекрасное время, так как занятия позволили держать ремесло на хорошем уровне, то есть легко владеть листом бумаги.

Увлечение набросками осталось с училища. Я любил проводить много времени на конном дворе, где писал этюды и рисовал. У меня были там излюбленные места. Во время летних каникул я целые дни проводил в соседнем кыргызском селе Кызыл-Сае. Маленькие детишки, которых я много рисовал, завидев меня, бежали навстречу, восклицая: «Суротчу келатат!» Незабываемое время. А потом, когда я один год работал в колхозе... Не могу вспомнить другое время, когда бы я так много рисовал. Ежедневно писал натуру или рисовал. Меня как-то покорила один эпизод. Я сделал выставку в селе. Это были портреты односельчан, рисунки о быте кыргызов, пейзажи наших гор. И как-то приехали аксакалы, привезли с собой самовар, ширдак, расстелили в выставочном зале, пили чай и очень внимательно обсуждали каждую работу, так как в селе все друг друга знают. Тогда я понял, что людей это очень живо интересует и

главное нужно рисовать в характере. Эта страсть к рисованию как-то вошла в мою жизнь и осталась по сей день. В Москве я очень любил просиживать вечера на вокзале с альбомом. Мне кажется, что очень важно тренировать глаз и руку постоянно. Уверен, что без труда мастерства не достичь. И я ни разу не нарушил свой жизненный принцип: из каждой поездки привозить множество этюдов, чтобы если не сразу, то потом, по памяти сделать то, что мне особенно запомнилось. С увлечением работал над книжными иллюстрациями, и тут моя любовь к рисунку очень пригодилась. Я выполнил иллюстрации к большому числу разных книг, главные из которых: «Эпос «Манас»» в 4-х томах, «Память сердца» К. Карымбаева, «Дорога» С. Эралиева, сборник стихов о Ленине, двухтомник произведений Токтогула, «Кыргызские народные сказки», «Кобзарь» Т. Шевченко, «Хождение по мукам» А. Толстого, «Даль памяти» Е. Исаева, «Песнь о нибелунгах», «Джамиля» Ч. Айтматова. Сделал целый ряд фресок, росписей и мозаик. И всегда я оставался верен реалистической традиции, никогда ей не изменял.

Создавая книжные иллюстрации, я всегда работал в линогравюре, где мне все хотелось овладеть резцом в такой степени, чтобы он полностью подчинялся движению мысли. И в конце концов я понял, что пытаться штихелем повторить рисунок – занятие бесперспективное. Нужно научиться рисовать сразу штихелем, это дает живость и остроту гравюре, и тут мои годы рисовальной практики оченьгодились. Теперь, когда прошло довольно много времени после того, как вышла последняя книга, я вижу, что есть целый ряд таких гравюр, и мне приятно, что их сумел сделать я.

Сейчас я уже не режу гравюр, но много рисую пастелью, которая увлекла своей мягкостью, податливостью. Я как-то незаметно для себя перешел от карандаша на уголь, сангину, соус и в конце концов – многоцветную пастель. В последнее время все больше рисую немецкой пастелью «Шмике». Она позволяет выполнять любые нюансы, в ней я не ощущаю никаких преград.

Уверен, что именно постоянное рисование всю жизнь уберегло меня от формальных поисков, так как у меня всегда было что сказать в своих рисунках. Сейчас, на склоне лет, я особенно дорожу временем, чтобы за оставшиеся годы рассказать в своих работах о том, что меня больше всего волнует. Это преимущественно пейзаж. И у меня давно идет серия «Мелодии кыргызских гор» и она, наверное, не кончится, пока я буду жить, ведь чем больше я их рисую, тем больше вижу то, о чем еще не рассказал. Это моя негромкая песня о горах, которые я безмерно люблю.

ГЕРЦЕН
В ВЫСКАЗЫВАНИЯХ
КРИТИКИ

РЕКОМЕНДАЦИИ В СОЮЗ ХУДОЖНИКОВ СССР

Рекомендация

В 1960-е годы в Союз Художников СССР принимали в два этапа – Претендент должен был пройти кандидатский стаж (2 года) и только после этого мог стать членом СХ при условии творческой активности художника.

Рекомендации должны были писать ведущие художники со стажем пребывания в СХ СССР.

Р.Б. Нудель – родился в 1926 году. Участник ВОВ. Эвакуирован во Фрунзе. В 1954 году окончил ФХУ. График, живописец. Работает в акварели. Ныне живет в Израиле.

Художнику Герцену Теодору Теодоровичу.

С Теодором я познакомился, когда он уже был студентом Строгановского училища, хотя по работам знал раньше. В этом году по окончании Строгановского училища он целиком погрузился в творческую работу.

И за год сделано столько, что другому бы этого хватило на пару лет.

Оформление клуба совхоза им. Ильича. Там выполнена монументально-декоративная фресковая роспись на тему «Отдых». Он так же много работает в графике, в технике линогравюры, много рисует, пишет темперой. За год им сделана для издательства одна детская цветная книжица и сборник стихов «Поем о Ленине, о партии», иллюстрации выполнены в технике цветной линогравюры. Эти иллюстрации удостоены диплома на международной выставке книги в Москве.

Библиотечка молодых поэтов на конкурсе Средней Азии и Казахстана в г. Алма-Ата получила Грамоту. В прошлом году за книгу А.Токомбаева «Голос времени» и за политические брошюры на конкурсе в г. Ташкенте Герцен получил два диплома, за «Библиотечку чабана» получил Грамоту. Станковые линогравюры выставлялись на всесоюзных, республиканских и молодежных выставках.

Рекомендую Теодора Герцена в кандидаты по следующим работам:

1. Фреска в клубе совхоза им. Ильича
2. Иллюстрации к сборнику «Поем о Ленине, о партии»
3. По станковым линогравюрам «Прохладный ручей», «Утро в деревне», «Перекур», «Осень в горах».

*Р. Нудель
2 ноября 1967 г.*

Рекомендация

Т.Т. Герцена я узнал как способного, творчески активного и трудолюбивого учащегося Фрунзенского художественного училища на втором курсе в 1955-56 учебном году на моих уроках по композиции. А затем в 1957-58 учебном году на моих уроках по декоративному искусству на четвертом курсе.

Еще учась в ФХУ, Герцен уже в 1957 году участвовал в художественной выставке, посвященной республиканскому фестивалю молодежи. По окончании института Т.Герцен ведет активную творческую работу и участвует в республиканских и всесоюзных выставках.

За монументальное панно на тему «Отдых», написанное им в технике фрески в фойе клуба совхоза им. Ильича Кеминского района и серию этюдов 1966-67 гг. рекомендую принять Т.Герцена кандидатом в члены Союза художников СССР.

*Л.Г. Трусковский (1908-1980)
График. Родился в г. Суздале. Окончил курсы при Московском институте изобразительных искусств по монументальной живописи. Работал в Киргизии в станковой, книжной графике, проектировании.*

*Л. Трусковский
14.11.1967 г.*

Рекомендация

Я, Акылбеков Сабырбек Мамбетсадыкович, член Союза художников Киргизской ССР с 1937 года билет номер 1385, рекомендую товарища Герцена Теодора Теодоровича кандидатом в члены Союза художников Киргизской ССР за работы:

1. «Отдых» фреска панно для клуба совхоза им. Ильича
2. «Дорога на Кок-бель»
3. «Вечерние горы»
4. «Нарын» и «Мост над Нарыном»
5. «Дорога» и др.

Думаю, что товарищ Герцен будучи кандидатом в члены СХ еще более активно включится в творческую жизнь СХ. Желаю ему быть только честным художником как в творческой, также в общественной работе и в личной жизни.

*С.М. Акылбеков (1914-1968).
Живописец. Учился в Московском художественном училище «Памяти 1905 года». Мастер этюда, пейзажист.*

*С. Акылбеков
Заслуженный деятель искусств Киргизской ССР
1 октября 1967 г.*

Рекомендация

Я, Белевич Иосиф Антонович, член Союза художников с 1949 года, знаю Т.Т. Герцена с 1960 года. Герцен учился во Фрунзенском художественном училище, а затем в Московском высшем художественно-промышленном училище (б. Строгановское), по окончании которого упорно и плодотворно работает как монументалист и график.

Интерьер фойе клуба колхоза «Победа» Таласского района украшает его мозаичное панно. В клубе совхоза им. Ильича (Кеминский район) написана

*И.А. Белевич (1916-1983).
Художник театра, график. Окончил художественно-промышленный техникум (Ленинград). Оформил более 50 спектаклей на сценах театров республики.*

сложная интересная фреска. Недавно Художественным советом утверждены его эскизы оформления двух лестничных клеток основного корпуса Фрунзенского камвольно-суконного комбината.

Работая над оформлением книги «Думы о вожде», Герцен создал большую серию линогравюр, отражающую этапы жизни, борьбы и побед советского народа со времен Октября. Часть работ из этой серии экспонируется на 4-й Всесоюзной выставке эстампа. С 1966 г. художник участвует в ряде Всесоюзных и всех республиканских художественных выставок, работает много и плодотворно.

Рекомендую принять Герцена Теодора Теодоровича в Союз художников СССР.

*И. Белевич
октябрь 1969 г.*

Рекомендация

*А.С. Осташев (1929-2002).
График. Родился в с. Никольское Московской области.
Учился в институте им. И.Е. Репина у А.Ф. Пахомова.
В г. Фрунзе с 1949 года.
Русская и киргизская тема в его творчестве основана на духовной культуре этих народов.*

Герцен Теодор Теодорович за кандидатский срок показал себя как активный и целеустремленный художник широкого диапазона. Он работает в области монументального искусства в самых различных техниках (мозаика, фреска), в станковой живописи и графике, а также как оформитель и иллюстратор книги. За кандидатский срок им выполнены следующие работы:

1. «Материнство» – мозаика из глазурованной керамической плитки для фойе клуба колхоза «Победа» Таласского района.
2. «Табачница» – фрагмент из мозаики «Табачницы», выполненный для всесоюзной выставки Монументального искусства в Москве.
3. В настоящее время работает над мозаичным панно для камвольно-суконного комбината в г. Фрунзе «Гимнастки» (керамическая плитка).

Т. Герцен много работает по оформлению книжных изданий республики. Книги, оформленные им, неоднократно отмечались дипломами Всесоюзных и Межреспубликанских конкурсов республик Средней Азии и Казахстана на лучшие книги по художественному оформлению и полиграфическому исполнению.

За кандидатский срок Герценом оформлены следующие книги:

1. Байтемиров Н. «Расплавленный камень». За оформление Т.Герцен получил диплом I степени на Межреспубликанском конкурсе республик Средней Азии и Казахстана на лучшие книги.
2. Эралиев С. «Дорога». За оформление Герцен получил грамоту на том же конкурсе.
3. «Думы о вожде» – сборник стихов. За оформление Герцен удостоен высшего диплома на том же конкурсе и Почетного диплома на всесоюзном конкурсе на лучшие книги в г.Москве.

В станковой графике Герцен выполнил серию линогравюр в родном колхозе, а также ряд отдельных листов на сельские темы: «Дождь», «Деревенский натюрморт», «Тополя», «Осень в Кичи-Кемине», «Весеннее утро».

Герцен за это время участвовал на следующих выставках:

1. Республиканская художественная выставка, посвященная 50-летию ВЛКСМ.
2. Всесоюзная художественная выставка, посвященная 50-летию ВЛКСМ.
3. Республиканская выставка монументального искусства (г. Фрунзе).
4. Всесоюзная художественная выставка монументального искусства в г. Москве.
5. Четвертая всесоюзная выставка эстампа.
6. Республиканская художественная выставка, посвященная 100-летию В.И.Ленина.
7. Персональная отчетная выставка Т. Герцена (г. Фрунзе).
8. Выставка произведений художников Киргизии в г.Ташкенте, Риге, Ашхабаде.
9. Всесоюзная художественная выставка, посвященная 100-летию В.И.Ленина (г.Москва).

Герцен принимает активное участие в общественной жизни Союза художников. Он работал главным художником ХФ Киргизской ССР, в настоящее время является членом Художественного совета Киргизской ССР, заведующим графической мастерской, ответственным по работе студии рисунка в СХ, членом редколлегии стенгазеты «Творчество».

Все вышесказанное дает полную возможность рекомендовать художника Т.Герцена в Союз художников СССР.

*А. Осташев
4 июня 1970 г.*

Рекомендация

Я, Ильина Лидия Александровна, член СХ с 1939 г. (билет номер 1391) считаю возможным принять в СХ СССР Герцена Теодора Теодоровича. Герцен за время кандидатского стажа активно работал и творчески и по общественной линии, он органично вошел в коллектив и на каждую выставку предлагает целый ряд новых работ, которые в художественном отношении сильно выросли. Серии иллюстраций в линогравюре к книге «Думы о вожде», серия листов «В родном колхозе», рисунки «Утро», «Зимний пейзаж», мозаика в клубе колхоза «Победа» Таласской области – дают все основания принять Герцена Т.Т. в Союз художников СССР.

*Л.А. Ильина (1915-1994).
График. В 1939 окончила
московский полиграфический
институт. Училась у
В.А. Фаворского. В творчестве
создала обобщенный образ
киргизского народа.*

*Л. Ильина
11 июня 1970 г.*

МАТЕРИАЛ К ДОКУМЕНТАМ Т.Т. ГЕРЦЕНА ДЛЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЕГО К ЗВАНИЮ «ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ИСКУССТВ КИРГИЗСКОЙ ССР» (1984)

*Печатается по хранящимся
в архиве СХ Кыргызстана
документам Т.Т. Герцена.
Публикуется впервые.*

*Л.А. Прыткова – искус-
ствовед, культуролог.
Окончила филфак КГУ,
аспирантуру, доктор
культурологии, действи-
тельный член Академии
художеств, професор.
Автор большого ряда ста-
тей, книг по проблемам
и истории кыргызского
искусства.*

Теодора Герцена, как художника, отличает ясность мировоззренческих и эстетических позиций, богатство жизненных наблюдений, многогранности творческих интересов. Монументалист по образованию, он много и успешно работает не только в монументальном искусстве, но и в области станковой и книжной графики, создал ряд живописных полотен. Последовательный реалист, он стойко привержен к работе с натуры, непосредствен и искренен в выражении своих чувств. Выросший в Таласской долине в среде сельских тружеников и прекрасной горной природы, он особо привязан в своем творчестве к сельской тематике, к жизненному материалу родного колхоза, скромным сельским труженикам, величественным горным ландшафтам, среди которых прошло его детство. Здесь крепло его понимание красоты, гармонии, радости бытия.

Герцен, как правило, и в монументальном искусстве, и в графике создает повествовательные, насыщенные конкретным жизненным материалом композиции, которые отличает обстоятельность проработанного рисунка, строгое следование принципам линейной перспективы в построении пространства, внимание к деталям.

Как мастер монументальной живописи Герцен начал формироваться в 60-е годы после окончания Московского высшего художественно-промышленного училища (б. Строгановское). В ту пору монументальное искусство Киргизии делало свои первые шаги и раннее творчество Герцена, как и последующее стало значительным вкладом в становление и развитие в Киргизии искусства монументальных форм.

Этапной работой монументальной живописи Киргизии 60-х годов явилась настенная фреска Т. Герцена «Отдых» (1967) в фойе клуба совхоза им. Ильича Кеминского района. Здесь проявились основные творческие принципы складывающегося мастера монументальной живописи, которому ближе забота о содержательности своих произведений и реалистической убедительности художественной формы. Он склонен к развернутой сюжетности изображения,

*В.П. Димов,
Т.Т. Герцен,
В.А.Шестогал.
Барельеф на Кировском
водохранилище, 1976-1982.*

точности рисунка, основанного на натуральных наблюдениях, психологической характеристике персонажей.

Многофигурная композиция фрески вписана в среду типического ландшафта горной Киргизии. Изображая природу, неторопливые в движениях фигуры колхозниц, одетых в белое, художник стремился передать свое с детства прочувствованное впечатление от эпического простора Киргизии, поэзию любимого им сельского быта, нравственную чистоту простых тружеников земли. Фреска создает лирический образ Киргизии, отличается праздничностью настроения, достигнутого ритмической организацией изображения фигур, наполненного светом и воздухом пейзажа, звонкостью голубых, золотистых, белого цветов. По реалистически проработанной форме и эмоциональности образного звучания фреска перекликается с лучшими полотнами киргизской станковой живописи.

Герцен одним из первых в Киргизии обратился к созданию произведений монументальной живописи в производственном интерьере. Его мозаика «Гимнастки» (1969) значительно обогащает один из цехов Фрунзенского камвольно-суконного комбината. Расположенная на торцовой стене интерьера, она как бы расширяет его узкое, сумрачное пространство. Сама тема спорта, юности, многообразие и красота движений фигур, цветовые контрасты вносят в помещение жизнерадостное настроение, способствуют эмоциональности восприятия, выполняя тем самым свою эстетическую функцию.

Герцен много и охотно работал над созданием произведений монументальной живописи в сельской местности. Им выполнены керамическая мозаика «Табунщики» в фойе клуба совхоза «Сон-Куль» Кочкорского района (1971), керамические мозаики в столовой конезавода номер 54 Нарынской области (1972) и на торце средней школы совхоза «Кара-Кол» Ак-Суйского района. Эти работы отличает ясность поставленной задачи, достоверность положенного в основу художественных образов жизненного материала, профессионализм. Герцен (в соавторстве с Дж. Молдохматовым) работал над комплексным художественным оформлением Ошского киргизского драматического

театра (смальтовые мозаики, витражи, резьба по дереву, 1974). Мозаичная композиция «Театр» (смальта) как и вторая («Артистическая молодежь») исполненная Дж. Молдохматовым, решена как плоскостно-условное пространство с театральной атрибутикой, населенное обобщенно-трактованными свободно расставленными фигурами актеров. Персонажи и аксессуары символизируют театральную жизнь и жанры сценического искусства, традиции и современность. Вписываясь в плоскость стены, мозаика широко просматривается в среде на фоне монументального здания театра, возвышающегося среди невысоких городских застроек, внося в пространство заметный эмоционально-декоративный акцент.

Характер образного мышления и пластического языка Герцена раскрылись в темперной росписи на тему жизни сельской молодежи во Дворце культуры совхоза «Красная заря» Сокулукского района. Здесь, как и во фреске «Отдых», Герцен строит полновесно реалистическую многофигурную композицию, вписывая ее в широко, эмоционально трактованный пейзаж с холмами, весенним цветением яблонь – вечерней тишиной степного простора. Будучи уроженцем сельской Киргизии Герцен с пониманием и лирическим проникновением рисует своих героев – собравшихся на вечерний отдых девушек в белых платьях и спортивных, загорелых юношей. Художник, мастерски характеризует персонажи, их настроение и взаимоотношения создает поэтический образ сельской жизни, атмосферу близости к природе, физического и нравственного здоровья. Роспись вместе с витражами на торцовой стене не только декоративно обогащает строгий интерьер, но и создает настроение, располагающее к поэтическим переживаниям.

Новые веяния в творчестве Герцена ощутимы в смальтовой мозаике на фасаде здания Фрунзенского швейно-производственного объединения им. ВЛКСМ (1984), посвященной трудовой жизни киргизских работниц – ткачих и швей. Отказавшись от сюжетно-повествовательного развития темы, художник использует здесь приемы современной динамической композиции, совмещая в изображении разнопространственное и разновременное, реалистически трактованные фигуры и символы, используя смещения и наплывы формы. Доминирующая на изобрази-

*В.П. Димов,
Т.Т. Герцен,
В.А.Шестопап.
Барельеф на Кировском
водохранилище, 1976-1982.*

тельной плоскости монументальная, стройная фигура женщины с распахнутым жестом рук, три швыи за работой, мотив развевающейся всеером ткани, замыкающее композицию сверху символическое солнце с контражурным освещением – все это увязало ритмически целостную композицию, утверждающую гражданский пафос и эстетику труда. В живописную ткань удачно вплетен подчеркивающий идею мозаики лозунг «Тебе, Родина, наш труд!»

Разумен цветовой акцент мозаики, ставшей частью архитектурно-художественного облика здания, имеющего вытянутую по горизонтали форму правильного параллелепипеда. Крупномасштабное мозаичное панно, расположенное над центральным входом в углублении галереи, объединяющей два корпуса фабрики, придает всему сооружению законченный вид. Мозаика рассчитана на фронтальное обозрение с близких и дальних расстояний и благотворно влияет на настроение входящего в здание человека. Образная, красочная, органично вошедшая в среду мозаика является одним из лучших произведений художника.

В графике Герцен работает преимущественно в линогравюре, пастели, карандашном рисунке. Здесь он также проявляет прочную профессиональную выучку, склонность к сюжетному повествованию, интерес к дорогим его сердцу темам сельской жизни и мотивам киргизской горной природы. В его творчестве немало удачных отдельных линогравюр («Прохладный ручей», 1966 «Осень в Кичи-Кемине», 1967 «Тополя», 1967, «Теплый дождь», 1968 «Тишина», 1969 «Горный ручей» 1976). Он хорошо знает и с неизменным чувством теплоты воспроизводит сельский быт (линогравюры «Сельское воскресенье», 1968, «Сельский натюрморт», 1969, «Трудовые будни», 1970). Но основные его достижения в эстампе связаны с работой сериями. Так, открытием художника явились серии, посвященные трудовой колхозной деревне. Такова серия линогравюр «В родном колхозе» (1969) и «На земле моей колхозной» (1971). Последняя, исполненная в цветной гравюре на картоне, являет красочный, жизнерадостный рассказ художника о преображенной трудом земле, о людях, прекрасных в своей близости к природе, физическом и нравственном здоровье. Гимном трудовой молодости, сегодняшнему дню

*Т.Т. Герцен.
Цветная гравюра из цикла
«На земле колхозной»,
1973.*

Мозаичное панно
«Женщины» в салоне
Ай-пери, Бишкек.
1985.

колхозной деревни звучит одна из лучших гравюр серии «Доярка», полная непосредственности, безудержной радости жизни.

Значительным произведением является его серия цветных линогравюр «Из истории родного колхоза» (1984). Это обстоятельное повествование вобравшее большой историко-этнографический и натурный материал. Листы серии «Агитбригада», «В колхоз», «Посехали в поле», «Праздник первой борозды», «На колхозных полях» последовательно воспроизводят этапы становления колхозной Киргизии. Это многофигурные, насыщенные интересными подробностями и деталями композиции, свидетельствующие о большой подготовительной работе художника, знании жизненного и историко-документального материала, о его любви к своей земле.

Крупнейшей работой Герцена в области книжной графики явился обширный цикл иллюстраций-линогравюр (более двухсот) к четырехтомному изданию героического киргизского эпоса «Манас» (1973-1980). В этом труде, требующем специального исследования, синтезировался весь опыт работы художника над киргизской тематикой, глубокое знание быта, истории, духовных традиций киргизского народа. Для этого цикла Герцен собрал и использовал огромный этнографический материал, сделал сотни набросков костюмов народов Востока, эпизодов жизни и типажей жителей Таласской и Чуйской долин. В иллюстрациях он руководствовался вариантом эпоса в пересказе С. Орозбакова, который более сдержан в эмоциях и фантазии, нежели тот, что известен из уст пламенного импровизатора С. Каралаева и оказавшийся более близким дарованию другого художника – Б. Джумабаева.

Жанровые и портретные гравюры Герцена к «Манасу» - это развернутое повествование о событиях и героях грандиозной энциклопедической эпопеи. В них автор стремился к достоверно-реалистической убедительности изображения героических, жанровых, батальных сцен, к индивидуализации персонажей. В отличие от Б. Джумабаева, тяготеющего в работе над эпической темой к обобщению, поиск большой формы, не боявшегося метафоричности, гипер-

Роспись
«Воскресный день»
в фойе Дома культуры
колхоза «Красная заря»,
1986.

болы, декоративной выразительности формы, Герцен строго конкретизирует свои композиции, где много описательности, богатого этнографического и натурального материала, интересных подробностей жизни прошлых эпох. В этом их ценность. В работе над циклом выросло и профессиональное мастерство художника, добивающегося разнообразия композиционных схем и пластических задач, варьирующего приемы резьбы линолеумных досок.

Конкретно-реалистическое восприятие мира лежит в основе всего творчества Герцена, в том числе и как иллюстратора книги. Он иллюстрировал в линогравюре сборники стихов киргизских поэтов С.Эралиева, О.Султанова, С.Токомбаевой. Его неоднократно привлекала тема произведений Токтогула. Он создал цикл иллюстраций к книге «Назидания Токтогула» (1976 г).

Значительна одна из последних по времени работ художника - серия из двадцати гравюр на пластике к новому сборнику произведений Токтогула. Следуя автобиографичности поэзии Токтогула, Герцен создал цикл, который является как бы изобразительной летописью жизни Токтогула, где последовательно прослеживаются эпизоды его судьбы. В основе эстампов лежит внимательное изучение художником поэтического наследия Токтогула, богатого размышлениями и жизненными наблюдениями. Содержателен, эмоционально трактован образ самого Токтогула, открывающий цикл.

С увлечением работал художник над иллюстрированием поэмы Е. Исаева «Даль памяти», впервые осваивая тему Великой Отечественной войны через произведение русской литературы. Композиционные рисунки этого цикла глубоко раскрыли психологию персонажей, реалистическое мастерство.

Немалый опыт накопил Герцен в работе над миниатюрной графической формой – экслибрисом. Создавая работы в этом своеобразном жанре, художник кропотливо ищет точные, психологически убедительные характеристики людей, которым они предназначаются. К числу удач в этой области относятся экслибрисы Ч. Айтматова, С.Токомбаевой, М.Ахунбаева, Дж. Уметова, А.Игнатьева, А.Осташева и другие.

В основе монументальных и графических произведений Герцена лежит владение реалистическим рисунком. Свое мастерство рисовальщика художник

непрестанно совершенствуется. Им собрано большое количество пейзажных, жанровых и портретных зарисовок, набросков, детально проработанных натуральных наблюдений. Нередко Герцен создает выставочные рисунки, неизменно заключающие в себе жанровую связь художника с реальностью, его жизненные привязанности и творческие принципы («Мундусбай» 1965, «Праздничные хлопоты» 1969, «Коммунистический субботник» 1971, «Сварщики. Пятиминутка» 1972, «На Иссык-Куле» 1975, «Перед сном» 1976, серия «Подмосковье» 1978, «Вечерние горы» 1979, «Табачница» 1979, «За работой» 1980, «Автопортрет» 1981, «Портрет С. Мусаева» 1982, «Портрет К. Баялинова» 1982, «Мелодия осенней пахоты» 1983, «Утро. Горная даль» 1984 и др.)

Присущее Герцену мастерство рисовальщика и чувство цветовой гармонии со всей очевидностью сказались в обширном, созданном на рубеже 70-80х годов цикла пастелей, посвященных природе Таласской долины. Это дань любви художника к родным местам. Здесь немало впечатляющих пейзажей - искренних, передающих поэтическую взволнованность художника внимательного, пристрастного, чуткого к реальной красоте мира.

Прыткова Людмила Александровна,
искусствовед, доктор культурологии.

*Выдержки из монографии
Л.М. Мосоловой
«Теодор Герцен».
Фрунзе, 1990, стр. 44, 53*

«...Одна из сильных сторон творчества Герцена – рисунок. В рисунке, как и графическом искусстве вообще, он не только нашел себя, свою тему. Он сформировал себя как творческую личность. Рисовал он всегда много, совершенствуя мастерство и способность ко все более отточенному восприятию и познанию действительности.

*Иллюстрация к книге
«Токтогул».
Суперобложка, стр. 1.
1984.*

Иллюстрация
к книге «Токтогул».
Суперобложка, стр. 2.
1984.

В 60-е годы рисунок был для него первоисточником и основой творчества, важным этапом подготовительной работы в создании монументальных произведений, станковой графики и книжной иллюстрации. В это время он выполнил много рисунков – штудий обнаженной натуры, подготовительных рисунков к фрескам, зарисовок и набросков, свидетельствующих о стремлении анализировать и обобщать увиденное точной, пластичной, экономной и выразительной линией, почти не прибегая к штриху и светотени...

... Если кратко сформулировать вывод об эмоционально-содержательном лейтмотиве всех рисованных композиций Герцена, то можно сказать, что в них – поэзия человечности.

В рисованном портрете выявляется психологическая связь художника с натурой и потому он выступает как наиболее конкретное, непосредственное и эмоциональное взаимоотношение между художником и жизнью. Совершенно чуждый идеализированному отражению внешности и характера людей, Герцен создает глубоко содержательные, порой беспощадные по своей правдивости карандашные портреты. Достаточно назвать портрет манасоведа Самара Мусаева, автопортрет, портрет старика Бейшеналы, художника Р. Нуделя или портрет сына.

... О серии портретов современников, выполненных сангиной, углем, серым соусом, а также в смешанной технике с активным использованием различных видов рисунка и цветной пастели. В них художник отказывается от сюжетного решения портрета, сосредотачивая внимание на лице, руках, фигуре, переходя к портрету-состоянию. Экспрессия образов обретает здесь другие формы, выражаясь не только в движении, сколько в напряженности состояния, достигаемого средствами цвета, света, композиционным сопоставлением объемов и масс.

... В многоликом ряду герценовских моделей есть известные деятели культуры, люди родного села, рабочие, дети, студенты и другие представители

Л.М. Мосолова – искусствовед, культуролог, заведует кафедрой теории и истории культуры С-Петербургского педагогического университета им. А.И. Герцена, профессор, действительный член Академии художеств К.Р. Автор статей, книг по проблемам культуры, искусства, кыргызского и мирового.

Иллюстрация
«Родился малыш у
Чыйырды» к эпосу
«Манас».
1972-1980..

народа Киргизии: «скульптор Бурлин», «Доярка из колхоза «Красная Заря», «Мальчик Куштарбек», «Сидящий юноша», «Портрет матери», «Зухра», «Бетонщик», «Таня», «Портрет пожилой женщины», «Анюта» и другие, созданные в 1970-1989 годах. Эти портреты – и искусство, и исторический документ особого рода, в котором жизнь общества отражается единственной человеческой судьбой. В облике, в характерах этих людей воплощались сначала подспудно, а затем все более явственно новые представления о личности современника, его связях с коллективом и обществом...

... Гражданственность позиции художника, создающего портрет современника, заключается именно в том, чтобы донести до зрителя все богатство внутреннего мира человека наших дней, перед которым раскрылись новые социальные перспективы. В станковом рисунке Герцена гораздо больше эстетических открытий, чем в его линогравюрах, «когда человек постоянно рисует, – говорит художник, – все в творчестве идет гораздо честнее». Вспоминаются слова великого французского рисовальщика Ж.Д. Энгра о том, что «... рисунок – это высшая честность искусства».

Мосолова Любовь Михайловна,
искусствовед, доктор культурологии.
Санкт-Петербург.

В лице Теодора Герцена произошло совмещение культурных пластов двух народов, отдаленных друг от друга не только большим расстоянием, но, в какой-то степени, и временем. И в этом мне видится нечто символическое: на уровне художественного творчества встретились разновременные и разнопространственные цивилизации. И это встречное движение обнаруживает человеческую общность, где бы и когда бы ни жил человек.

В этом аспекте Герцен выполнил весьма гуманную миссию, так что не случайно его знают прежде всего как автора иллюстраций к двум произведениям эпического жанра.

Однако Герцен как художник не исчерпывается этими циклами гравюр, которые не могли возникнуть спонтанно и быть исполненными на высочайшем профессиональном уровне, не пройди автор к этому времени длительный творческий путь.

По первичному профессиональному образованию в ФХУ, ныне Кыргызском государственном художественном училище имени С.А. Чуйкова Герцен – живописец.

В технике масляной живописи и в методе работы на пленэре он испытывал сильное влияние художников А.И. Игнатъева и Ф.М. Стукошина, которые сами были незаурядными живописцами реалистического направления, придавшими большое значение цветовой гармонии, живописной фактуре при точной передаче реального пространства, пластических масштабов и состояния природы. При совместной работе на природе Игнатъев и Стукошин научили Герцена тому, чтобы цвет и фактура красок на поверхности холста были и выразительными сами по себе, отвечая каждым мазком настроению художника в процессе работы, и в то же время, неуловимо перетекали в изображение предметного мира. Такой метод работы был близок личным устремлениям Герцена.

... Институтскими педагогами, оказавшими на Герцена сильное влияние,

Выдержки из вступительной статьи О.П. Поповой к альбому «Теодор Герцен» Москва, 2000.

О.П. Попова – искусствовед. Окончила МГУ им. М.В. Ломоносова в 1964 году. Являлась редактором художественно-экспертной коллегии Министерства культуры КССР. Заслуженный деятель культуры, Профессор в Академии художеств К.Р. Автор книг и статей о кыргызском искусстве.

Иллюстрация «Манас впервые увидел Таласскую долину» к эпосу «Манас». 1972-1980.

Иллюстрация
«После битвы»
к эпосу «Манас».
1972-1980.

были В.Ф. Бордиченко, В.К. Замков и В.А. Ермолов. Получив в институте высшую профессиональную квалификацию, Герцен, убежденно чуждый авангардизму, в своей творческой практике навсегда отменил какие-либо авангардные изыски, добиваясь в монументальной живописи (как и в других видах изобразительного искусства) полнокровной выразительности реалистического изображения.

Надо сказать, что, создав несколько мозаик и росписей по рисунку и пространственному решению композиций в стиле реалистического монументализма, Герцен не нашел поддержки и признания среди своих коллег, считавших его творческим ретроградом и нужно было обладать незаурядной душевной силой, чтобы не сломиться, остаться верным реализму.

Попова Ольга Петровна,
искусствовед

Выдержки из вступительной статьи А.С. Осташева к каталогу «Теодор Герцен».
Бишкек, 1995

Жизнь киргизов, особенности народного быта были знакомы Герцену с детства, проведенного в селе Орловка, где он родился. Эти знания пополнились при работе над иллюстративным циклом к кыргызскому эпосу.

Герцен рисовал в Таласской области – на родине Манаса – пейзажи, людей, бытовую утварь; изучал народное прикладное искусство – орнаменты ширдаков, алакийизов, музейные экспонаты мемориальной культуры того времени. Он советовался с учеными – манасоведами и часто безропотно переделывал уже готовые иллюстрации по их замечаниям, понимая, что эпос «Манас» является своеобразной энциклопедией жизни киргизского народа.

К четырехтомному изданию эпоса «Манас» было выполнено около двухсот иллюстраций: заставок, полуполосных разворотов и полосных. К каждому тому были сделаны сюжетные суперобложки, вводящие в события этого тома.

Иллюстрация
«Сыргак»
к эпосу «Манас».
1972-1980

В заставках и на полуполосных разворотах решены массовые сцены походов, батальи, пиров и различных бытовых эпизодов, согласно разворачиванию сюжета; на полосных иллюстрациях – герои эпоса: Манас, Бакай, Алмамбет, Кошой, Сыргак, Конурбай, Чыйырды, Каныкей, Кыз Сайкал. Иллюстрации обрамляются свободно трактованным орнаментом.

Издание отличается цельностью общего замысла, единством стиля, хоть весь цикл иллюстраций неравноценен: видно, как от тома к тому росло и крепло мастерство художника. Несомненной удачей являются портретные полосные иллюстрации, раскрывающие образ Манаса: могучий богатырь, полный сдержанной силы; Манас, стоящий с мечом; Манас, летящий на коне в битве. Много удач, образных и пластических находок также в заставках и полуполосных иллюстрациях.

В ходе повествования появляются летающие кони, великаны и фантастические драконы, происходят богатырские сражения. Наполнение же иллюстраций бытовыми и жизненными реалиями не приземлило эпос, а придало ему особенную убедительность. В киргизском народе «Манас» стал неотделим от этих иллюстраций. Большая работа художника нашла признание киргизского народа.

Герцена знают повсюду: в Таласе, Нарыне, на Иссык-Куле, юге Киргизии. Когда говорят о Манасе – вспоминают иллюстрации Герцена, когда говорят о Герцене – вспоминают Манаса. Народ признал Герцена значительно раньше, чем ему было присвоено звание народного художника республики.

Осташев Аркадий Сергеевич,
художник-график.

*А.С. Осташев (1929-2002)
– график, художник книги.
Окончил художественный
институт им. И.Е. Репина.
Оказал влияние на развитие
полиграфического качества
кыргызской книги.*

ВОСПОМИНАНИЯ
О ГЕРЦЕНЕ

Акынбекова Медеркуль Бозгунчиевна, ИСКУССТВОВЕД

Родилась в 1949 году в с. Торт-Куль, Иссык-Кульская область.

В 1968 году окончила педагогическое отделение Фрунзеского художественного училища. В 1981-м окончила факультет русской филологии Кыргызского государственного педагогического университета. С 1971 по 2000 годы работала зав.отделом графики КНМПИ им. Г. Айтиева.

С 1993 года ведет преподавательскую деятельность в вузах, читая спец. дисциплину «История искусств» (Педагогический университет им. И Арабаева, Академия художеств им. Т. Садыкова, КГТУ им. И. Раззакова). В целях просвещения молодого поколения средствами визуальной информации ею была предложена рубрика на кыргызском языке «Художник и время» и проведен ряд телепередач, посвященных кыргызским художникам и пропаганде наследия, хранящегося в кыргызском музее изобразительных искусств в 1975-1985 г.г. В течение 30-ти лет с 1970 по 2000 опубликованы статьи о проблемах кыргызского изобразительного искусства, его истории, развитии в еженедельнике «Кыргызстан маданияты», «Вечернем Фрунзе», «Советтик Кыргызстан» журнале «Курак», изданы каталоги хранящихся в фондах графики произведений.

Теодору Герцену стать художником было предопределено самой судьбой. Для этого он был наделен особым художественным зрением и трудолюбием – качествами, одаряемыми свыше. Для этого он родился в семье, где заложены были условия для воспитания и формирования в нем личности. Для этого он учился в единственно возможных и лучших на тот период учебных заведениях и выносит из них сокровенное, необходимое ему знание, научающее думать и созидать, отличать главное от наносного.

Герцен «вошел» в искусство Кыргызстана в 1960-70е годы. Оно – Время – так же «настало» для него, как и для многих деятелей культуры, творивших кыргызское чудо в кино, театре, музыке, литературе, изобразительном искусстве.

У многих и ныне на слуху эти имена: Б. Минжилкиев, Т. Океев, Б. Бейшеналиев, Ч. Айтматов, Т. Садыков, С. Чокморов, М. Байджиев, Т. Турсунбаева, К. Молдобасанов, Д. Асанова, Б. Шамшиев, Г. Базаров, Дж. Уметов, Т. Герцен, Дж. Джумабаев, С. Айтиев и др.

В изобразительном искусстве республики в этот период «поднялись дружные всходы» - целый отряд способных целеустремленных художников во всех областях творческой специализации, обучившихся в центральных вузах и вкушивших радость первых побед на престижных всесоюзных выставках.

Предпосылки для расцвета искусств в 1960-70е годы были заложены основоположниками во всех видах профессиональной деятельности.

В театрах, кинотеатрах, библиотеках, музеях, выставочных залах, домах культуры – всюду жизнь, в столице и окраинах, школах и вузах. Всеобщий подъем. Но не подумайте, что воспевается идиллия ушедшего времени, эдакая ностальгия по молодым годам. Времена всегда были непростыми. И какими они были в каждый отдельный период, зависело от людей, от прозаического повседневного труда каждого человека.

В этом подъеме были свои рифы. Чтобы быть допущенным к участию в выставке, следовало представить Художественному совету достойную работу. Отбор был строжайшим. «Проходные» произведения не делали имени художнику. Быть активным участником выставок означало быть результативным художником. Творческие натуры друг другу не давали спуска и поблажек.

Герцену в активности не было равных. На каждую выставку он откликнулся новыми вещами. Столь же ровно и регулярно пополнялся его произведениями графический раздел коллекции музея. Это было его время. Мотивы приобретения его произведений в фонды музея были оправданы высокой гражданственностью его листов, в них всегда звучала нота непосредственности.

*На открытии выставки
в КНМИИ.*

На вернисаже в музее
– мастерской Г. Айтиева.
Выставка работ Т. Герце-
на и Д. Игнатъевой.
В центре: А. Момаханова,
А. Осташев, Т. Герцен,
Д. Игнатъева,
И. Игнатъев. 1993.

Графика Герцена легко оформлялась в самостоятельную выставку, обычную в музейной практике. Его искусство так полно выразившее национальную тематику было обязательным компонентом выставки, вывозимой за рубеж, в подготовке Дней кыргызской культуры.

При построении постоянной экспозиции в музее графический раздел не может обходиться без листов Л.А. Ильиной и Т.Г. Герцена. Они были и остаются главными столпами кыргызской графики.

В том, как он сдавал в фонды купленные для музея работы можно было видеть благоговейное и уважительное отношение к своему труду художника и нашему – музейных работников. Листы, упакованные в папке, были правильно подписаны, оформлены, переложены специальной прокладочной (микалентной) бумагой. Нам, музейщикам, оставалось только поставить инвентарный номер.

Герцен на протяжении всей жизни находил стимулы для своей работы даже в превратностях судьбы... Уезжая навсегда в Германию в 2001 году, он передал в дар художественному музею родного Кыргызстана все свои доски, а их около 600, с которых печатались иллюстрации к четырехтомному изданию «Манас», к поэтическому сборнику «Токтогул», буквиц «Кыргызских народных сказок» и отдельных листов. Это великий, ни с чем не сравнимый, последний вклад большого мастера в пору затянувшегося затишья: фонды музея в последние 15 лет почти не пополнялись кыргызской графикой.

Асанбеков Сарман Асанбекович,
искусствовед, культуролог

Родился в 1935 году в городе Таласе, Кыргызстан.

Окончил в 1958 году филологический факультет КГУ. В 1966 окончил аспирантуру при Институте философии и права Академии наук по специальности изобразительное искусство, разрабатывая тему «Особенности становления и развития профессионального искусства Киргизии». Работал научным сотрудником Киргизского государственного музея изобразительных искусств (1958-1961), заведующим учебной частью и директором Фрунзенского художественного училища (1968-1975), заведующим Отделом искусства еженедельника «Кыргызстан маданияты» (1968) и редакцией искусства Киргизской Советской Энциклопедии (1975-1977). С 1977 года работает заведующим редакцией литературы по искусству издательства «Кыргызстан». Член Союза художников СССР и Кыргызстана с 1980 г. В его книгах и статьях, докладах и выступлениях подняты актуальные проблемы профессионального искусства республики в контексте мирового.

Заслуженный деятель культуры Кыргызской республики, профессор. Последние 20 лет ведет просветительскую и преподавательскую деятельность.

Написать срочно обстоятельную статью о Теодоре Герцене я не имел возможности в силу чрезвычайных дел, помешавших мне. Но и молчать я не мог и решил быть кратким в высказывании своего мнения об этом художнике. Обычное перечисление сделанного им, его заслуг перед кыргызским, да и немецким народом, рассказ о его человеческом обаянии – все это не раскрывает до конца феномен Герценов (отца и сына), того особого места, какое они занимают в нашей культуре, и более того, в духовной жизни, ибо искусство – это и духовная ипостась.

В 1984 г. вышла в свет моя книга «Колхозный музей», где я попытался рассказать о Герценах, больших энтузиастах эстетической пропаганды на селе, силами и энергией которых была создана прекрасная коллекция произведений

*Общий вид музея в
с. Орловка.*

изобразительного искусства. Об этом Орловском музее, что в колхозе «Красная заря» Ленинпольского района, и его многоотраслевом хозяйстве слава расходилась по всей республике.

Сейчас по прошествии времени, когда многое изменилось, а через призму времени видишь, что было и что стало, поневоле задумаешься о целях человеческого пути, о миссии художника на земле, о его роли в истории народа.

Размышляя об этом, я думал: удивительное дело, как воссоединились кыргызский эпос «Манас» и художник Теодор Герцен, немец по национальности, кыргыз по духу. А его отец Теодор Гергардович, взявшийся на радость людям, ныне живущих и будущих поколений, создать музей на селе. Энтузиаст, поднявший на хрупких стариковских плечах такое непростое дело, как музей. Для всей Таласской области это – Эрмитаж, имеющий в экспозиции все виды, жанры искусства известных кыргызских мастеров, утоляющий эстетическую потребность простых людей.

*Интерьер музея в
с. Орловка.*

Интерьер музея в с. Орловка.

Мне в моей жизни встретилось много интересных личностей, сыгравших роль в истории нашего народа. Герцены в этом ряду занимают весьма заметное место. Встреча с такими людьми – это праздник, я наслаждаюсь общением с ними, радуюсь красоте души, переживаю счастливые мгновения жизни.

Наша кыргызская культура – литература, изобразительное искусство, театр, кинематограф, цирк – сформировалась в профессиональные области искусства. Все это слагалось тщанием, усердием, трудолюбием, выстраданностью и талантами таких людей как Герцены, в основе которых заложено нормальное человеческое стремление выразить себя, состояться через труд, воспеть землю, на которой живешь. Творчество для таких людей как навязчивая идея, как смысл бытия, как воздух. В этом было счастье Теодора-отца и Теодора-сына. Их созидательный труд – пример филантропии, неотъемлемая часть существования Художника и образец для подражания последующим поколениям молодых творцов.

Я не могу обойти вниманием человека, прошедшего рядом с Теодором по жизни – Диль-Фируз Игнатьеву. Она окружила его какой-то особой красотой своих натюрмортов, из которых исходили ароматы полевых цветов, запах хлеба и дома. Простые бытовые предметы, изображенные ее кистью, создавали даже на выставке атмосферу отрады и тепла, заставляя зрителя замереть от волшебства ее живописи.

Если говорить о кыргызском натюрморте, то это значит в большей мере говорить о творчестве Д-Ф. Игнатьевой. Именно ее работы в наибольшем количестве представлены как в Орловском музее, так и в музее на Белгородчине в селе Валуйки, созданном ее отцом А.И. Игнатьевым, известным живописцем наряду с первыми художниками. Этот музей в России – островок кыргызского искусства, где хранят память о Т. Герцене, Д-Ф. и А.И. Игнатьевых, С.А. Чуйкове, Т. Айтиеве, С. Акылбекове и многих других.

Снимки музея выполнены в 2007 году.

Бывшее здание музея одноэтажное, стоявшее у проезжей дороги, не сохранилось

Ботоканов Алымкул Турпанович, живописец

Родился в 1942 году в с. Сары-Булак, Кыргызстан.

Рисовал с детства, с того времени как начал осознавать себя. Всякий более или менее подходящий инструмент использовал как материал искусства. После семилетки в сельской школе Кок-Мойноке в 1957 году поступил во Фрунзенское художественное училище на педагогическое отделение. Окончил его в 1962 году. Его учителями были К.К. Керимбеков, А.И. Духанин, А.Ф. Воронин, Б.Н. Безикович.

Служил в Военно-морском флоте с 1962 по 1966 годы в Кронштадте и Ленинграде. По возвращении работал учителем рисования, черчения и физкультуры в 1969-1970 годах в школе колхоза «Коммунизм» Тянь-Шаньского района, а с 1970 по 1978 годы работал художником в отдаленных районах: Рыбачье, Нарын, Дюрбельджин, Тогуз-Тороо.

С 1978 года живет и работает в г. Бишкеке, в Художественном фонде СХ Кыргызстана. В 1997 году вступил в Союз художников КР. Участник десятка республиканских выставок. В 2005 году состоялась персональная выставка в КНМПИ им. Г. Айтиева.

Не меньшей страстью является увлечение шахматами. Имеет статус шахматного композитора. Опубликованы полсотни шахматных этюдов, многие композиции отмечены самыми высокими призами в международных конкурсах. Любовь к шахматам отразилась в живописи. На выставке было представлено несколько произведений, в которых «обыгрывалась» шахматная тема.

Герцен был типичный художник. Что бы он ни делал, ко всему прикладывая меру художественности. Его рисунки близки мне, моему видению и пониманию того, как переложить реальный сюжет в плоскость картины. Работа с натуры мне тоже представляется важной задачей для художника. Этот начальный период нас всех сближает как братьев. А вот следующий

Т.Т. Герцен.
Буквицы к книге «Кыргыз-
ские народные сказки»,
Фрунзе, «Мектеп», 1989.

этап, когда строится концепция, идея произведения, вот тут художники начинают различаться.

Мне запомнилась чуткость Герцена к слову. Ведь он параллельно работал как над монументальными произведениями, так и над книжной иллюстрацией. Большой формат и малый формат, цветное панно и черно-белая иллюстрация. В последней – слово и изображение. И все это разом «помещается» в Герцене. Поэтому чаще всего он выглядел очень сосредоточенным и серьезным.

Вспоминаю начало семидесятых годов. В совхозе «Сон-Куль» Кочкорского района Герцен делал мозаичное панно. Мы тогда с небезызвестным Мукашом Джумагуловым делали свои заказы и вот мы оказались вместе. Коммуникабельный Мукаш дал свой подготовленный сказ Манас-айтыш на русском языке, переведенный нами вдвоем с киргизского текста Саякбая Каралаева. И он исполнил нараспев:

А с геройства Манаса
Начинаем мы рассказ
Акбая тюрка сыновья
Что Вам сделал я?!

Век труднее с каждым днем
.....

Тут невозмутимый и всегда уравновешенный Федор расхохотался, указав на строки вольно переведенного эпоса. Сам рассказал пару своих анекдотов и мы свободно сидели до самого вечера, вспоминая разные истории.

Буторин Владимир Георгиевич,
монументалист, живописец.

Родился в 1937 году в с. Старо-Юрьево, Воронежской области.

В 1953 году окончил Фрунзенское художественное училище. В 1969-м – факультет живописи Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Ленинград). Учился в мастерской монументально-декоративной живописи А. А. Мыльникова.

Выставляется на республиканских, всесоюзных и международных выставках с 1959 года. Член союза художников СССР и Кыргызстана с 1974 года.

Работал в республиканских издательствах как оформитель и иллюстратор книги, участвовал в конкурсах книги. С 70-х годов выполняет монументальную и станковую живопись. Им сделаны декоративные росписи в фойе домов культуры в совхозе «Кара-Суу» Ошской области, колхозе «Россия» Таласского района, роспись «Купающиеся мальчики» в кафе поселка Тюп Иссык-кульской области, др.

Участвует в составе творческого объединения «Товарищество – Тенгри», которое провело серию выставок с названием «Тенгри – от 999 до 03». Присвоено звание «Заслуженный деятель искусств Кыргызской Республики».

Работы хранятся в КНМПИ им. Г. Айтиева, Дирекции выставок (Москва), галереях и частных коллекциях стран СНГ и дальнего зарубежья.

Теодора Герцена я знал еще со времен Фрунзенского художественного училища, то есть с 1954 года. Я учился тогда на втором курсе, а Федя (так мы его тогда называли) – на первом. В то время училище еще не готовило художников-авангардистов и выпускало преподавателей черчения и рисования для школ. Был у нас педагог по черчению И.Р. Тарнопольский, который ориентировал всех учащихся только на это, хотя и

допускал с большим сарказмом какие-то творческие перспективы для самых непокорных. Таких было немного, именно они и поступали впоследствии в самые престижные ВУЗы страны. Из них был и Теодор. Их как-то сразу выделяли и сами ребята, и педагоги, художники по профессии. Педагоги были замечательные: Стукошин, Кожаметов, Флекман, Усубалиев, Черенщиков, Бирюкович. Будучи сами прекрасными художниками, они поощряли тех студентов, которые обнаруживали тягу к искусству. После всех занятий, вечером, разбивались на небольшие кучки, а кто в одиночку, шли на этюды. Я не любил ходить большой компанией, поэтому ходил один или вдвоем с таким же фанатиком, каким когда-то был. Вот так мы одно время подружились с Федей. Ходили далеко, иногда в противоположный конец города, а то и за город, по дороге трепались про искусство и вообще о разном.

Работали остервенело. Занятия начинались с девяти, к этому времени некоторые умудрялись приносить по два этюда, сделанные этим же утром. Конечно, это были маленькие картинки, загрунтованные столярным клеем и прикрепленные к внутренней крышке самодельного этюдника. Просматривалось сообща, всеми курсами, с критикой, похвалами и так далее. В общем, была атмосфера...

Не могу сказать, что мы были друзьями, но симпатию к Феде я испытывал всегда. Добродушный, порядочный трудяга, с ним было как-то хорошо.

Затем появилась в его жизни Диля, и наши вылазки на этюды как-то прекратились. Возобновились наши отношения уже после окончания институтов, он – Московского, я Ленинградского. Он окончил институт раньше меня и уже вполне влился в коллектив художников, даже, по-моему, вступил в Союз художников. Так что к моему приезду во Фрунзе в 1969 году он был

*Т.Т. Герцен.
«Портрет В.Г. Буторина».
1999.*

Т.Т. Герцен и В.Г. Буторин
за работой. 1998.

уже вполне своим человеком в Союзе художников и в Художественном фонде, всюю делал росписи, мозаики и так далее. В начале 70-х он получил заказ на оформление Ошского драматического театра, грандиозную по объему работу. Эскизы делали они вдвоем с Дж. Молдохматовым, ну а на исполнение пригласили меня и еще двух оформителей из Художественного фонда. Это, по-моему, единственная монументальная работа, которую выполнял не он сам, а с бригадой. Все остальные монументальные работы, фрески, витражи, мозаики он выполнял сам по собственным эскизам, от начала до конца.

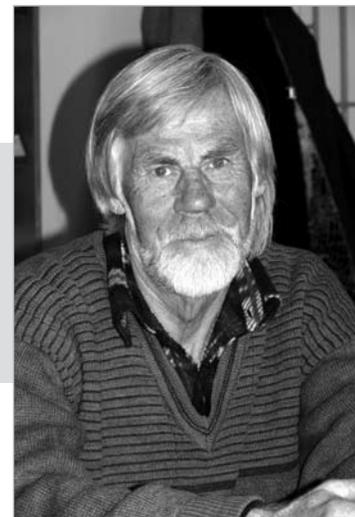
Теодор был невероятный трудяга. Одной только монументальной работы хватило бы на него одного.

А ведь, в основном, он считал себя графиком. Масса станковой графики, в разных техниках, станковая живопись и, конечно, книжная графика. По-моему, все регалии он получил после оформления эпоса «Манас». Это гигантская по объему работа. А «Нибелунги»! На мой взгляд «Нибелунги» – самая совершенная его работа. Некоторые листы на уровне самых знаменитых мастеров гравюры на линолеуме.

Особенно мы сблизились в последние два-три года. Я часто бывал у них дома, конечно, в мастерской. Мне нравилось быть с ними, когда на душе кошки скребли. Ставили с Дилей чай, домашнее варенье, а если дома, то и одну, две стопки (да больше!) какой – нибудь наливки, настоящей из дачных урожаев. Так хорошо было с ними!

Я ничего не сказал, каким он был художником. Дело в том, что нас, уже не оставшихся стариков давно зачислили в непроходимые ретрограды. Но, кто знает, сколько еще пройдет времени, когда авангард превратится в арьергард. Как жаль, что таких честных, добрых, глубоко порядочных людей, каким был Теодор, остается все меньше.

**Горев Александр Николаевич,
живописец**

*Родился в 1942 году в дер. Шандровка Омской области, Россия
В Киргизию приехал в 1952 году. В 1962 году окончил педагогическое отделение Фрунзенского художественного училища. С 1966 по настоящее время работает в Художественном фонде КР художником-оформителем. С 1970 года – постоянный участник республиканских, всесоюзных выставок. В 1997 году принят в Союз художников Кыргызстана. Творческие работы приобретаются любителями живописи.*

Теодора Теодоровича Герцена я знал задолго до моего знакомства с ним. Знал по его работам, появлявшимся на каждой крупной выставке, монументальным мозаикам. Поэтому интересно было встретиться с тем, чье имя слышится то тут, то там. Он входил в Художественный совет фонда, в котором я работал оформителем, он возглавлял студию рисунка в Союзе художников, куда я потянулся после его критического разбора моих панно и плакатов, а так же он успевал делать творческие вещи к выставкам. Его слову и профессиональным советам внимали все художники-оформители. Требования к наглядной агитации, эскизам зрелищных праздников предъявлялись высокие. Человеческая фигура на большом панно, плакате должна быть грамотно прорисована. Это и побудило меня посещать вечернюю студию рисунка, руководимую и организованную Герценом и которая уже работала несколько лет.

Видя, что сам мэтр рисунка не гнушается ежедневно рисовать и как школяр изучать модель в разных ракурсах с карандашом в руке, потянулись и студийцы. Каждое новое занятие было для нас радостью. Теодор учил анатомии, моделировке формы, композиции. Ставил разные задачи: на силуэтное изображение и градацию теней, на быстрый набросок и продолжительный рисунок.

Т.Т. Герцен.
«На студии».
1991.

Это был не просто пример трудолюбия, это было подлинное откровение искусства, словно приоткрывалась дверь в святая святых, откуда исходит свет творчества. Становилось понятно, почему так исступленно работает Мастер, потому что только тогда и бывает результат. Там мы переживали атмосферу духовности, единства, хотя много спорили, и каждый имел право на свое мнение. Общим предметом для нас было искусство.

Вот этот небольшой отрезок времени, проведенный в обществе Теодора Теодоровича, остается памятным, незабываемым.

Сейчас оставлена эта традиция. Давно погашен тот очаг, собирающий нас на вечерний рисунок и разговоры об искусстве. Остается сожалеть о том, что натурная работа не имеет ныне того значения, как в эпоху Герцена.

«Эпоха Герцена» так может стать, что взлет кыргызского искусства может быть обозначен впоследствии этим словосочетанием.

Горовой Владимир Романович, художник

Родился в 1949 году в с. Каракол, Кыргызстан.

В 1974 году окончил Фрунзенское художественное училище, педагогическое отделение. Преподавателями были А.И. Духанин, Ф.М. Стукошин, К.К. Керимбеков, Д.Н. Флекман.

С 1974 по 2004 годы работает в ХФ, выполняя художественное проектирование общественных интерьеров. Им созданы десятки проектных решений, реализованных в жизнь, среди которых выделяется оформление завода сельхозремонта и ряд крупных объектов.

В качестве художника-постановщика участвовал в создании кинофильма студии «Кыргызфильм» – «Восхождение на Фудзияму» по Ч. Айтматову (1989). Участник всесоюзных, международных выставок (10). В течение 15 лет является участником Всесоюзной группы маринистов (в составе 26 художников), маршрут которой охватывает береговую линию, граничащую с окружающими Россию морями. Основной материал художника – дерево (конструкция, резьба, маркетри, декоративные рамы, интарсия и др.).

С Теодором Герценом меня связывала работа в Художественном фонде и мои посещения заседаний графической секции СХ, где велись разговоры о проблемах графики и ее технологических возможностях. Герцен острее других осознавал необходимость создания в Киргизии эстампного цеха. К этому времени (70-80-е годы) здесь сложился талантливый коллектив художников-графиков, для которых открывалась возможность резать гравюру. Гравюра - это печатное воспроизведение рисунка, вырезанного и вытравленного на металлической или деревянной доске. Особенностью гравюры является возможность ее тиражирования. С одной доски, награвированной художником, можно напечатать большое количество оттисков-эстампов. По характеру обработки печатной формы (доски) различают выпуклую и углуб-

ленную гравюры – в дереве (ксило) и в металлической пластине. Плоская печать – это литография. Оттиски считаются авторскими произведениями и одновременно из-за тиража удешевляются, становясь при этом доступными большому числу людей. В этом видится демократичность этой техники позволяющей приобщать к прекрасному, воспитывать художественный вкус у народа.

Мне довелось специально обучаться эстампному делу во всех его деталях в Москве (1977). Я загорелся идеей создания эстампного цеха в Киргизии. Видя прекрасные графические листы кыргызских художников и в особенности Теодора Герцена, его иллюстрации к эпосу «Манас», я воображал, как из книжного разворота они, умноженные во сто крат, шагнут в школы, вузы, общественные интерьеры, неся возвышенные идеи людям.

Горячо отозвался на мою инициативу Т. Герцен и как мог поддерживал начатый мной проект по созданию эстампного цеха.

Это время совпало, к сожалению, с развалом Союза. Уходили из жизни и уезжали из Киргизии художники-графики. Недальновидность руководства СХ вела к тому, что закрывались и продавались цеха фонда. Изготовление эстампов, хотя и сулило выгоду художникам, стало невозможным.

С тех пор пролетело почти четверть века. Боль за несостоявшийся эстампный цех долго не утихала. В память о Теодоре Герцене и нашей совместной инициативе я сделал – таки постоянную выставку его иллюстраций к эпосу «Манас» в библиотеке Медицинской академии. Пусть тысячи и тысячи людей видят эти удивительные работы, в которых отразилась великая история кыргызского народа. И знают, какой замечательный художник здесь жил, любил эту землю и служил искусству.

Художник жив, и память о нем люди хранят, когда видят его работы.

А о технике эстампа скажу, что ныне гравировать и печатать стали меньше. Перешли на облегченные компьютерные технологии. Надо ли предавать забвению уроки Л. Ильиной, Т. Герцена, Е. Кузовкина, А. Сгибнева, судите сами.

Мне близок жанр натюрморта, особенно в том деле, которым я занимаюсь ныне. Я выкладываю картины из шпона дерева разных оттенков. Натюрморты Д-Ф. Игнатъевой считаю высокими образцами искусства.

**Игнатъева Диль-Фируз Александровна,
живописец**

Живописец. Родилась в 1937 году во Фрунзе. Окончила в 1961 году Московское художественное училище «Памяти 1905 года». Участвовала в выставках с 1957 года. Член Союза художников СССР с 1968 года. В 1994 году присвоено почетное звание «Заслуженного деятеля культуры Кыргызской Республики». Любимый ее жанр натюрморт. Она работала также в пейзаже и жанровой картине. Охотно писала южные фрукты и овощи, простые предметы быта, следы их взаимодействия с человеком. В лучших натюрмортах Игнатъева достигала определенности настроения, художественной цельности – «Осенний натюрморт» (1970), «Сливы» (1979). В жанровой картине она разрабатывала темы мирной жизни и новостроек – «Городок строителей» (1971), «Строительство высокогорной дороги» (1974), «Изыскатели» (1975), «Солдат вернулся» (1977). Неброские мотивы природы, искренность, добротная пленэрность отличает пейзажи Игнатъевой.

Умерла в 2000 году.

Работы находятся в музеях и частных коллекциях Кыргызстана, России, США, Англии, Германии, Франции, Турции, Японии, Израиля.

Самое трудное – учить самого себя и рассказывать о себе. Каждая работа художника – это его биография.

Если художник наделен индивидуальностью, то удивление и радость перед красотой окружающего мира помогут ему найти средства для передачи увиденного.

Я всегда придавала огромное значение работе с натуры, пытаюсь понять ее закономерности. Это не значит, что нужно пассивно копировать натуру. Можно работать по памяти, по собранному материалу, но толчком должна быть натура, впечатления, бережно сохраненные и обогащенные душевным теплом.

И еще нужно любить то, что изображаешь, и доверять себе, своему чувству.

*Из бесед в мастерской Д-
Ф. Игнатъевой в 1987 г.
Записала Г.И. Токтосунова*

С Федей Герценом мы познакомились на одном из просмотров студенческих работ во время сессии в училище. Затем были Москва, Ленинград с музеями, театрами. В Москве я занималась в мастерской живописца М. Добросердова. Мы с Федей ходили по выставкам, но больше любили мастеров мирового класса. Подолгу стояли замерев перед Рембрандтом в Эрмитаже и перед импрессионистами в Ленинграде и в ГМИИ им. А.С. Пушкина (Москве). Его влекла гравюра, меня волновала живопись.

Искусство нас роднило смолоду и на протяжении всей жизни. Он всегда приносил с этюдов и привозил из поездок букеты полевых цветов. Мне хотелось на холсте продлить их жизнь.

Федор очень чуток к юмору. Помню, как его рассмешил мой дружеский шарж на него. Я изобразила его в виде сфинкса с добродушным выражением лица.

Дети, в особенности Аннушка, рисовали в детстве и неплохо. Но династию не продолжили, увлеклись точными науками.

Обо мне думают, что я только натюрморты пишу, хотя у меня немало пейзажей, есть портреты, картины сюжетно-тематические, в том числе на индустриальную тему. Но правда и то, что эти картины у меня строятся по принципу натюрморта.

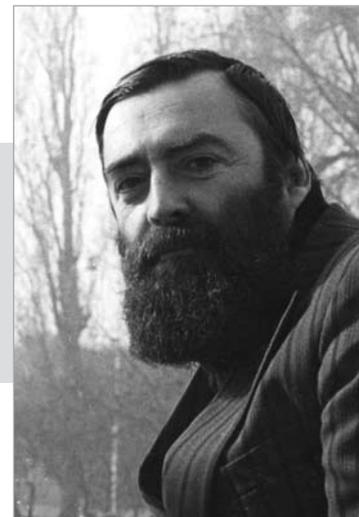
Как-то на всесоюзную выставку «Физкультура и спорт» требовалось представить произведение по теме. У меня такового не оказалось. Среди своих работ я нашла «Зимний пейзаж» с заснеженными деревьями. Немного воображения и вот уже вереницей между деревьев покати лыжники. Художественный Совет принял мою работу на выставку.

К секретам моего творчества могу отнести и мою нелюбовь к работе по заказу. Заданные формат, сроки, тема, конкретные параметры того, что от меня требуется, просто парализуют меня и работа не идет. Но случалось так, что председателя колхоза устраивала моя работа, выставленная в экспозиции, и тогда он мог ее приобрести.

Федя успешно и много работает по заказам. В сущности, все монументальные его произведения и книжная графика являлись заказами. К тому же, он пребывает многие годы членом и председателем Художественного Совета в Фонде, а это означает вести контроль за всеми заказами по республике.

Бывало, на пленэр выезжали втроем: папа, Федя и я. У каждого выработаны свои отношения с предметом изображения. Работаем самостоятельно и независимо, уважая позицию другого. В конце знакомимся с результатами друг друга, обмениваемся замечаниями. Думаю, что только художник может оценить в полную меру произведение своего коллеги, потому что знает цену искусства. Зрителю не всегда ведомы глубины искусства.

Каменский Алексей Николаевич,
монументалист, живописец

Родился в 1938 году в Москве.

В 1962 году окончил МВХПУ (б. Строгановское), отделение монументально-декоративной живописи. Педагоги С.В. Герасимов, Б.В. Иорданский.

В 1962 году приехал в город Фрунзе. В течение года преподает в художественном училище.

Член Союза художников СССР и Кыргызстана с 1966г. Им выполнено мозаичное панно в фойе концертного зала музыкальной школы им. Шубина. В Доме бракосочетания – два панно из чия и керамика.

В 2005 году выполнены два мозаичных панно на торцах здания Академии Художеств.

Кыргызская Государственная филармония, Дворец бракосочетания, «Южные ворота» – наиболее значительные монументальные работы.

Действительный член Национальной Академии художеств, Народный художник Кыргызской Республики, профессор. Ведет специальные дисциплины в Национальной Академии художеств КР.

Работает в станковой живописи.

Как часто мы бываем невнимательны, порой и несправедливы к человеку, коллеге, который работает в одно время с нами, рядом с нами.

Групповые интересы, личные пристрастия, амбиции очень часто не позволяют увидеть, понять и принять лучшее, что есть в художнике, если он не такой как другие, отличается и в творчестве, и в поведении и упорно движется своим путем, отвергая стереотипы и не стараясь быть похожим на других.

Полагаю, что и по отношению к Теодору Герцену некоторые из нас, его современников, при его жизни были не всегда справедливы в оценке его творчества.

И даже такое его качество, как невероятное трудолюбие, порой встречало негативное отношение. Будем считать, что молодости позволительно заблуждаться. Важно вовремя понять и признать свои ошибки, увидеть

и объективно оценить талант, профессионализм, преданность искусству другого художника. А таким художником был и навсегда останется в нашей памяти Теодор Герцен, профессионал и настоящий мастер во всех областях изобразительного искусства, в которых он работал.

Теодор был разносторонним художником. Монументалист по образованию, график по призванию и особой любви к этому жанру, он создал достойные произведения, которые развили и обогатили кыргызское искусство. И сейчас, когда прошло значительное время, и его уже несколько лет нет с нами, необходимо по достоинству оценить тот вклад, который он внес в изобразительное искусство республики, своим талантом и упорным трудом, подняв его планку на самый высокий уровень.

Я познакомился с Герценом в Москве во время учебы в Строгановском училище, но по-настоящему узнал уже во Фрунзе, куда он вернулся в 1966 г., закончив отделение монументально-декоративной живописи.

Он сразу же активно включился в художественную жизнь республики, выполнив уже в 1967 г. одно из самых значительных своих произведений – фреску «Отдых» в фойе клуба совхоза им. Ильича в Кеминском районе, не прекращая в то же время работать в области станковой и книжной графики. Уже тогда в самом начале своего творческого пути он поражал всех нас своим потрясающим трудолюбием, граничащим с фанатизмом, в лучшем смысле этого слова, активно и плодотворно участвуя на республиканских, региональных и всесоюзных выставках, создавая работы, которые не могли пройти незамеченными.

Его невозможно было увидеть праздным, вне работы, он постоянно уходил от всевозможных коллективных встреч, застолий, он слишком дорого ценил время, так необходимое ему для творчества.

И всегда рядом с ним была его верная подруга, жена, коллега, замечательный художник Диль-Фируз Игнатьева. Мы узнаем ее во многих женских образах, созданных им и в монументальных и в станковых произведениях; она всю жизнь его вдохновляла, была его музой. Этот замечательный тандем был великолепным образцом дружбы, любви, сотворчества.

Искусство Д-Ф. Игнатьевой заслуживает отдельного исследования и издания.

Конгурбаев Нурдамир Ашимович, живописец

Родился в 1940 году в г. Фрунзе, Кыргызстан.

Член Союза художников Кыргызстана с 1976. Член Ассоциации Бельгийских художников с 2002, член профессионального Союза художников России с 2003. Окончил Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина, Ленинград (ныне Санкт-Петербург), Россия в 1971 году. Был преподавателем и директором Фрунзенского художественного училища в 1971-1975 гг., председателем Объединения молодых художников СХ в 1978г. Совершил творческие поездки в Чехословакию, Польшу, Францию, Англию, Германию в 1977-1986гг., в 1988 году совершил пеший переход по территории США в составе «Марша мира», с финальным участием в выставке в г. Сан-Франциско. В 1990-м организовал и возглавил Международное объединение художников «Ассоциация культурных инициатив», результатом которой явилось проведение целого ряда выставок. В 1996-м организовал международное творческое объединение «Товарищество-Тенгри». Последовала серия выставок с названием «Тенгри – от 999 до 03». Проходил творческую стажировку в Международном Центре искусств в г. Париж, Франция. Участвовал в более чем 30-ти выставках, из которых половина являются международными в ближнем и дальнем зарубежье.

В 1991 году ему присвоено звание Заслуженного деятеля культуры Кыргызстана. Он обладатель 1-й и 2-й премий ПРООН по результатам конкурса «Хэбитат». В 2002-м – Диплом имени Г. Айтиева за лучшую работу года в области живописи. В этом же году – Диплом Международной Конференции СХ России за вклад в выставочную деятельность и содействие развитию изобразительного искусства стран СНГ, г. Москва.

Работы хранятся в Государственной Третьяковской галерее, музее Востока, Дирекции выставок (Москва), в музеях изобразительного искусства г. Бишкек, Алматы, Красноярск, а также в галереях и частных коллекциях США, Германии, Франции, Бельгии, Чехии, Польши, Китая, Израиля.

Формирование Теодора Герцена, как художника и творческой личности, пришлось на 60-е и 70-е годы. К этому времени он закончил обучение, сначала во Фрунзенском художественном училище, затем окончил Московское высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановское). Его современники так же окончившие в эти годы учебные заведения стали известными художниками, определившие высокий уровень искусства республики в советский период, и в следующий переходный период условно обозначаемый как постсоветский. Среди них – Белек Джумабаев, Сабитжан Бакашев, Абдрай Осмонов, Владимир Буторин, Джумабай Уметов, Суйменкул Чокморов, Алибек Мухутдинов, Георгий Белкин, многие другие, число может составить еще два десятка художников. Каждый из них в своей области и по-своему был сподвижником искусства и проходил свой тернистый путь, потому что иным творческий путь не бывает. Несколько позже коллектив кыргызских художников пополнился приехавшими из разных городов СССР художниками (А.Н. Каменский, А.Ф. Воронин, Константинов и другие). Кто-то чуть старше, кто-то моложе, но все современники. Разделялись, а точнее отличались поколениями. Старшее поколение творило в 30-50-е годы, следующее за ними «зрело» в 60-е, 70-е годы. На смену нашему поколению выросло новое – 80-х, 90-х годов, обучаясь у старших товарищей, что-то беря от них, что-то отвергая, созидая свое, а что-то предавая забвению. Закон философии – развития и преемственности или отрицанием отрицания. Закон жизни, ее эволюции и ухода из нее. Пребывает вечным то, что подлинно и истинно, что актуально во все времена...

Теодор Герцен, будучи человеком необычайной скромности и неприязнительности, держался среди своих шумных и обласканных творческой славой коллег особняком, несколько в стороне. Он избегал мероприятий, связанных с подведением творческих итогов выставок, поездок на пленэр, вручений наград, присвоения званий, обычно сопровождавшихся длинными речами в честь юбиляров. Культурные акции и праздники мало привлекали его. Они не могли отвлечь его от творчества – главного дела жизни. Вот что было праздником для него.

Вспоминая Теодора Герцена, можно говорить о нем как о выдающейся личности в культуре и изобразительном искусстве Кыргызстана. Его обращение к эпическому наследию нашего народа «Манас», выполненные им в материале линогравюры с виртуозным мастерством, графические иллюстрации по пластической форме и содержанию историко-этнических характеристик персонажей, ставят рапсода-иллюстратора Теодора Герцена в первые ряды представителей изобразительного искусства Кыргызстана, рядом с именами С.А. Чуйкова, В.В. Образцова, Г.А. Айтиева, Л.А. Ильиной, и другими мастерами.

Его работоспособность и беспредельная любовь к изобразительному искусству поражала многих из нас и, говоря откровенно, служила для нас образцом отношения художника к своему делу. Это, прежде всего, человеческие, а затем уже творческие качества можно объяснить не только личным отношением к работе, но и чем-то мистическим, непостижимым,

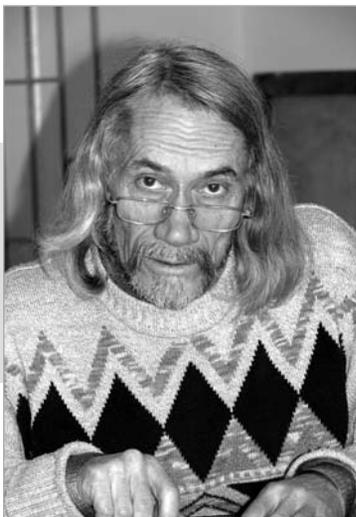
свойственным только ему, Герцену, сокрытом, вероятно, в его имени: Теодор. Он спешил жить, потому что все, что ему хотелось выполнить, надо было успеть в продолжение этой жизни, другой у него не было. И он не смел прожигать время. Нелепо было тратить драгоценное время для обид, для соперничества, для удовлетворения самолюбия и тщеславия. Может быть, поэтому они были ему чужды. И именно поэтому обращение со временем было для него вопросом этики.

Герцена плотным кольцом обступало искусство. Оно было средой его обитания, растворялось в воздухе, горах, лесах, речке, людях. Сам он был сыном художника, рядом с ним трудилась и создавала свои великолепные натюрморты супруга Диль-Фируз Игнатъева, и отец ее – Александр Игнатъев, с которым у Теодора были не только родственные отношения, но и взаимодействие коллег, двух мастеров, сам являлся заметной фигурой в кыргызском изобразительном искусстве.

Мне думается, что творения таких «одержимых» искусством людей – это ценность высшего порядка, без которой трудно представить художественное наследие Кыргызстана.

*Н.А. Конгурбаев.
Дружеский шарж
"Герцен на собрании".
1989.*

Коптев Вячеслав Викторович,
медальер, живописец

Родился в 1942 году в г. Куйбышеве (Самаре), Россия. С 1948 года живет во Фрунзе (ныне Бишкек). В 1962 окончил Фрунзенское художественное училище. С 1962 г. по 1966 г. преподавал в школе уроки рисования и черчения. С 1966 г. по 1999 г. работал в Художественном фонде Киргизской ССР. Член СХ СССР и Кыргызстана с 1975 года. Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики. Участник республиканских, всесоюзных и международных выставок с 1974 года. Им созданы медали, посвященные памятным событиям истории Кыргызстана.

Он выполнял государственные заказы Правительства КР по разработке эскизов первых государственных орденов и медалей независимого Кыргызстана – Ордена «Ак-Шумкар», «Манас», «Данакер», «Батыр-эне», и медали «Данк», «Эрдик», «Эне данкы», медали и нагрудный знак к 50-летию Кыргызской ССР, к 100-летию г. Фрунзе, к 60-летию Киргизской ССР (отчеканены на Московском Монетном дворе).

Работы имеются: в музее Манаса в г. Таласе, КНМИИ имени Г. Айтиева Бишкек (42 работы), Выставочном фонде СХ СССР Москва (6), ГИМЕ Бишкек, Музеях при Монетных дворах Москвы, Санкт-Петербурга, ГМИИ им. А.С. Пушкина Москва, Государственном Эрмитаже Санкт-Петербург, музее «Куликово поле» Тульская область, а также в частных коллекциях США, Англии, Франции, Италии, Пакистана, Польши, Германии.

Художественное училище (бульвар Дзержинского, 36) было для нас вторым домом. После обеда, по окончании занятий, наскоро перекусив, а то и без этого, торопились на этюды, которые писали в немалом количестве. Чаще всего ездили в Карагачевую рощу, или на бывшую территорию сегодняшнего «Дордоя». Тогда это были пустыри с живописными рощицами, прудиками и незамысловатыми застройками. Несколько раз в неделю в училище был вечерний рисунок

(часа на 2-3). Так и получалось, что мы часто по целым дням пропадали в своих маленьких аудиториях, и нам там было так удобно! Студенты настолько сроднились за 5 лет учебы, и сегодня, спустя почти полвека встречаясь на выставках, мы чувствуем себя братьями.

Заканчивали курс в мае, а в июне ехали на практику, то есть куда-либо на природу, каждый курс со своим преподавателем. Жили примерно по месяцу там, писали этюды. Так мы побывали в с. Сосновка, Ак-Бекет, Быстровка. Нашими учителями были Кульчоро Керимбекович Керимбеков, Александр Иванович Духанин, Борис Николаевич Безикович. Разумеется, мы к ним привыкли, как выводок к наседке, а теперь мы с большим теплом и с благодарностью вспоминаем их. Они сопровождали нас и в месячной поездке после 4 курса в Москву и Ленинград. Это входило в программу обучения, оплачивало государство. Целью поездки было знакомство с Третьяковской галереей, Музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, Русским музеем и Эрмитажем. Для нас это было чудом! Мы увидели своими глазами творения великих мастеров. В особенности я восхищался передвижниками и французскими импрессионистами. Другим было чувство подавленности. Нам казалось, что никогда не приблизиться к такому мастерству, не постигнуть волшебных тайн искусства. Но мы получили мощный импульс, заряд энергии и наша мечта – стать художниками – только укрепилась. Цель всей жизни – приблизиться к высоким идеалам.

Во двореке художественного училища мы были вперемешку все курсы. И на переменах, и на обходах. Вот там и помню этих ребят: С. Федоровского, А. Осмонова, М. Мукамбетова, В. Буторина, М. Ахмедова, Дж. Джумабаева, А. Милехина (впоследствии был реставратором в КГММИ), Т. Герцена. Теодор (мы звали его Федя) был всегда серьезен, дисциплинирован и пропадал за работой, казалось, отдыхать ему было некогда.

Много позже, после учебы в Москве, в Союзе художников, где была его мастерская на 2-м этаже, он так же сидел днями, только изредка спускаясь вниз. А в вестибюле СХ бурлила жизнь, толпились люди, приходили и уходили, разговаривали о своем, группировались и, само собой, продолжали диспуты где-нибудь в летнем кафе часами, потом маленькими стайками разлетались по мастерским, и снова споры об одном для всех нас предмете – искусстве. Так было во все времена и во всех странах. Теодор участия в этих бдениях не принимал, предпочитая одиночество в мастерской, где ворохом и стопами накапливались плоды его деятельности, а он, как одержимый, все работал и работал, словно хотел дойти до сути. Он-то точно в споре с самим собой многое понял в этой жизни. Ответы – в его творчестве.

Мысли об искусстве

Тем, что мы научились делать, мы обязаны поделиться со зрителем. Мы просто должны отдать это людям. Иначе наше сокровенное в нас уйдет вместе с нами.

Моя живопись, медали, – все, что я сделал в искусстве – это исповедь о любви к природе, к ее Величеству – Красоте и Мудрости. Жаль только, что

художнику отпущено для постижения мира так мало времени, а сказать надо так много, ведь столько на свете красоты...

О пустоте

Пусто в доме, пусто в сердце
Улицы пусты.
Крутит ветер очумелый
Тополям хвосты.

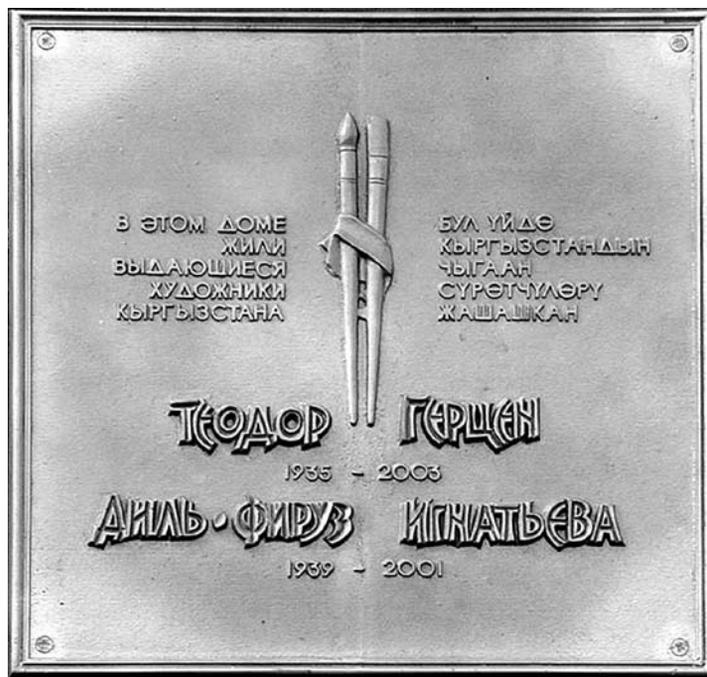
О цветах

Цветы. Их много. Вот они передо мной
Не тронуты суетностью земной
Все к солнцу потянулись
Раскрыли стебли, лепестки и рыльца.
Дрожит над ними воздух чуть хмельной.

О времени

Мне уж очень скоро
Стукнет много лет
Молодость уходит
Молодости нет
Защемит ли грустью
От ушедших лет
Но о том, что было,
Сожалений нет.

В.В. Коптев.
Мемориальная доска
Т.Т. Герцена и Д-Ф. Игна-
тьевой на доме, в котором
они жили. по адресу Жибек-
Жолу, 376 (Исанова, 147).
2005.

Курманов Таалай Табылдиевич,
график.

Родился в 1949 году в с. Талды-Булак, Чуйской области.

1963-1968 – учился во Фрунзенском художественном училище.

1969-1971 – служба в рядах СА.

1971-1976 гг. учился в ЛВХПУ им. В. И. Мухиной на отделении промышленной графики.

В 1983 году вступает в Союз художников СССР.

С 1973-го участвует в республиканских, всесоюзных, международных выставках.

1988-1989 – работал главным художником Госкомиздата «Кыргызстан».

С 1976 по 1998 года сотрудничал в Художественном фонде СХ.

С 1998 и поныне является Председателем Союза художников Кыргызстана.

1989 год – награжден международной премией им. Абая (Алматы).

На выставке книги был представлен 5-ти томный эпос «Манас» вариант Саякбая Каралаева с иллюстрациями Т. Курманова.

1992 – присвоено звание «Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики». 2003 присвоено звание «Народный художник Кыргызской республики»

2005 – Действительный член национальной Академии художеств Кыргызской Республики.

2007 – награжден Золотой медалью Всемирной интеллектуальной собственности.

Искусство – это наваждение, это сон наяву, который смотришь открытыми глазами и не в силах проснуться.

Мысли об искусстве

**Дамы и господа, уважаемые Госсекретарь,
Посол Германии в Кыргызстане,
Председатель Совета немцев,
уважаемая Ольга Андреевна!**

Выступление председателя Правления Союза художников Кыргызской Республики Курманова Т.Т. на конференции, посвященной 70-летию со дня рождения Народного художника Кыргызстана Т.Т. Герцена 15 марта 2005.

В силу возрастной разницы мои взаимоотношения с Теодором Герценом, к сожалению, были ограничены, я не учился с ним, не был другом, не мог запросто посетить его творческую мастерскую, чтобы посмотреть над чем он работает, спросить совета...

Тем не менее, думаю, я хорошо знал Т. Герцена, как художника и человека. Среди его человеческих качеств я выделил бы доброжелательность, так как ее я много раз испытал на себе.

В 1980 году Т. Герцен завершил большую работу над 4-х томным изданием эпоса «Манас» по варианту Сагымбая Орозбакова. Им было выполнено 200 гравюр (досок) не считая многочисленных поисковых эскизов и рисунков.

Прав А.С. Осташев, написавший, что к тому времени еще до получения звания Народного художника КР Т. Герцен уже был известен народу.

В том году я приступил к работе над 5-ти томным изданием эпоса «Манас» по варианту Саякбая Каралаева, это было советское время, существовали многочисленные советы, приходилось показывать эскизы совету сектора «Манас» Академии наук Кыргызской ССР, Ч.Т. Айтматову, т.к. он был главным редактором редколлегии Академии наук, отделу культуры и третьему секретарю ЦК, художественным советам издательства и Госкомиздата. Естественно, среди этого множества цензоров, важным для меня было мнение Т. Герцена, как члена художественного совета. В течение семи лет, пока шла работа, я услышал много критики, порой разгромной, от людей, не работавших над темой «Манас». и, я уверен, не знающих до конца содержание эпоса.

К тому времени Белека Джумабаева, оставившего блестящую серию к эпосу, не было в живых, и крупным художником-манасоведом, оставался Т. Герцен, чьи немногословные советы и доброжелательное отношение к моим иллюстрациям вселяли в меня уверенность. Как-то он сказал: «Талай, как тебе повезло, ты эпос читаешь сам, а я работал с переводами». Действительно, в секторе «Манас» ему к каждой главе готовили подстрочный перевод.

После «Манаса» Т. Герцен выполнил великолепную серию иллюстраций к «Киргизским народным сказкам». Знатоки и мастера гравюры Л.А. Ильина, А.С. Осташев, А.И. Мисюрев, М.Х. Ахмедов отмечали, что в этих гравюрах он достиг высокого мастерства, что он почувствовал гравюру, материал (пластик), штихель.

В 1991-92 гг. он завершил работу над немецким эпосом «Песнь о Нибелунгах». Я не видел всей серии, знаю только отдельные листы, но полагаюсь на высказывания А.С. Осташева, как об удаче Т. Герцена.

Германия – историческая родина Т.Герцена, и он хорошо знал историю немецкого народа, знал язык, читал эпос в подлиннике, но и этого

оказалось недостаточно, чтобы раскрыть столь серьезную тему, и опять же прав А.С. Осташев, отметивший, что во многом ему помогли интуиция, генная память и воображение.

В начале 1999 года, мы с Т. Герценом встретились в Союзе художников, он был тяжело болен, худ, я спросил его о здоровье, он махнул рукой, перевел разговор на другую тему и поинтересовался, чем я сейчас занимаюсь. Тогда я работал над 2-х томником «Антология кыргызской поэзии», он заметил, что это серьезная работа и опять же поддержал меня, сказав: «я знаю, ты – справишься», – и, достав из сумки книгу, дал ее мне. Увидев мою заинтересованность, сказал – «подержи у себя пару дней, потом занесешь ко мне в мастерскую, я некоторое время пробуду в Бишкеке».

Книгой оказалась «Песнь о Нибелунгах» с иллюстрациями великого немецкого художника-скульптора Барлаха. Я не стал уточнять у него, но про себя подумал, что хотя прошло семь лет после окончания работы над немецким эпосом, тема Нибелунгов находится у него в мысленном завершении, ведь только автор большой серии знает, в каких листах он достиг желаемого.

В связи с обострением болезни Т. Герцен должен был уехать в Германию. Были проводы здесь, в этом зале музея, потом на его квартире. Я от имени Союза художников подарил ему кнут, изготовленный народными умельцами, он усмехнулся и сказал: – «вряд ли я воспользуюсь им, вряд ли я сяду на коня». Я пошутил, не для коня предназначен этот кнут, а чтобы он изгнал ею болезнь. Видимо, поздновато мы подарили кнут, все же он не успел им воспользоваться.

В заключение хотел бы сказать, что творчество Т. Герцена, как любого крупного художника, было многогранным, он работал в монументальном искусстве, в живописи, станковой и книжной графике.

Он оставил много ярких образов о нашей земле, о людях, о героях книг и эпосов, и каждый художник вправе воспринимать эти образы по-своему, но важным для меня является отношение Т. Герцена к творчеству, его служение искусству, бескорыстное, с полной самоотдачей.

Т. Герцен был и пахарем, и сеятелем, и жнецом, и результаты своего труда приносил на алтарь искусства.

Он, однажды сделав шаг в народный эпос, тем самым определил свою творческую судьбу и во многом определил память о себе, как Художнике и Человеке с большой буквы.

Момаханова Арман Керимкуловна,
культпросветработник

*Родилась в 1949 году в с. Отогон, Курдайский район, Казахстан.
В 1983 году окончила Кыргызский государственный институт искусств им. Б. Бейшеналиевой*

С 1968 по 1980 годы артист хора в Кыргызском театре оперы и балета.

С 1982 по настоящее время работает в директором в мемориальных музеях г. Бишкек. Благодаря ее активным направленным действиям в г. Бишкек созданы мемориальные Дома-музеи С.А. Чуйкова, Г.Айтиева, О.М. Мануиловой, И. Раззакова, проведены несколько десятков выставок, памятных вечеров, сотни экскурсий, лекций для всех слоев населения.

1999 год был годом 70-летия Ч. Айтматова. Мы задумали провести в мемориальном музее-мастерской Г.Айтиева выставку станковых листов Т.Т. Герцена «По мотивам произведений Ч. Айтматова». Я предполагала, что такой художник как Герцен не мог не откликнуться на прозу этого писателя. Ведь они почти земляки, современники (Герцен несколько младше Айтматова) и сомасштабны друг другу. И не ошиблась. Герцен действительно без всякого заказа работал над станковыми листами, посвященными «Джамиле», несмотря на то, что книга с его иллюстрациями к этой повести была издана в 1986 г. А тема, судьба Джамиле продолжала его волновать. К предложению провести выставку его работ он отнесся с большим воодушевлением еще и потому, что счел за честь выставиться в музее-мастерской Г. Айтиева, которого он глубоко почитал. И работы их, соединившиеся на время в одном пространстве, словно перекликались. Для работ Герцена предоставлена собственно мастерская со вторым ярусом-антресолюю. Этюды Г. Айтиева с картинами оставались в небольших помещениях и лестничном марше.

Герцен обмерил предварительно стены по ширине, высоте, чтобы точно рассчитать сколько поместится и какие работы отобрать для экспозиции,

потому что, судя по всему, число его работ превосходило размеры предлагаемой площади. Сюжетное повествование разворачивалось от входа со стороны камина и спиралеобразно по лестнице переходило на второй этаж.

...Вспоминается вернисаж весенним днем 18 мая. Было много гостей, почитателей прозы Ч. Айтматова и искусства Т. Герцена.. Звучала живая музыка. Много было белых цветов нарциссов – дар художнику.

Герцен был счастлив, хотя и недомогал. После поздравлений и открытия выставки он обратился ко мне: – Арман Керимкуловна, Вы мою вторую выставку проводите бесплатно. Возьмите в знак благодарности любую работу.

Я не посмела разрушить целостность серии. Каждый лист был связан с последующим. И как нельзя выкинуть слова из песни, так нельзя было дробить эту графическую симфонию. Меня особенно тронула работа, излучающая свет, на которой были изображены, держась за руки и уходящие Данияр и Джамия.

В душе моей звучала «Песня Данияра», написанная казахскими авторами – поэтом Саттаром Сейитказиным и композитором Ильясом Жакановым, которую я исполнила в узком кругу сотрудников музея. Нам всем тогда подумалось, что и мы, скромные труженики музея, причастны к важному делу на земле – сеянию доброго и вечного.

Позже, в этих же стенах состоялась персональная выставка Диль-Фируз Игнатъевой. Она была слаба и не поднималась. Организованная выставка Диль-Фируз – большая заслуга Герцена. К ее творчеству он относился с уважением.

Музей литературы и искусства им. Токтогула (что по ул. Токтогула, 170) так же хранит добрую память о Теодоре Герцене. Один из залов музея, посвященный творчеству акына, именем которого назван музей, имеет постоянную экспозицию графических листов Герцена, изобразившего поэта в разные периоды жизни (любовь его к Алымкан, годы ссылки, возвращение к матери и др.). Эти листы создали концепцию зала Токтогула и «легли» в основы музея со дня его открытия в 1989 году. Формат этих листов хорошо соотносится с пространством интерьера музея. Размер книжных иллюстраций в два раза меньше (книга «Токтогул» издана в 1984 г.). Серия гравюр воздействует на читателя книги и посетителя музея своим психологизмом и глубиной проникновения в образ. Вглядываясь в тонкие, нервные линии, прорезанные герценовским резцом, видишь наглядную, развернутую картину жизни кыргызского поэта-демократа. И не перестаешь удивляться таланту гравера, его умению чувствовать себя кыргызом.

Мне доводилось видеть выставки герценовских работ к кыргызским литературным произведениям во всех крупных библиотеках Бишкека. Я удивлялась тому, что всякий раз это были его новые работы.

Мамбеталиева Орозган Асаналиевна,
Президент НПО «Ассоциация женщин-художников и
искусствоведов Кыргызстана»

*Родилась в 1946 году в с. Керге-Таш Иссык-Кульской области.
Училась во Фрунзенском художественном училище (1965-1969) у Ф.И. Стуко-
шина, А.И. Духанина, А. Мухутдинова, Б. Шаймкулова, Н.Ф. Ефременко*

*С 1980 года участвует на выставках городских республиканских, все-
союзных. Имеет 15 персональных выставок.*

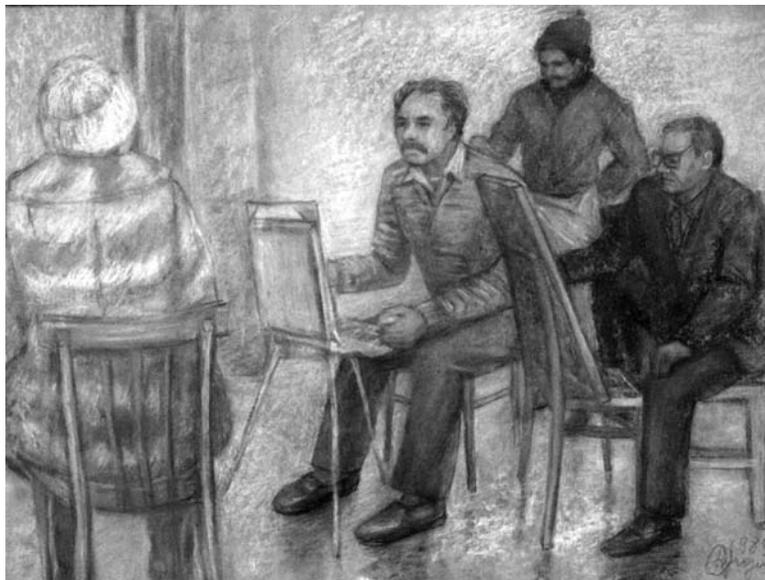
В 1992 вступила в Союз художников Кыргызстана

*В 1993-м создала Ассоциацию женщин-художников Кыргызстана. Ве-
дет активную общественную работу. На I съезде Конгресса женщин ор-
ганизовала первую выставку произведений женщин-художниц. С тех пор
за 15 лет существования Ассоциации организовано около 70 выставок
работ женщин, создана детская изостудия, изданы каталоги выставок,
оказана материальная поддержка особо нуждающимся*

Работы хранятся в КНМИИ им. Г. Айтиева, частных коллекциях.

Я считаю Т.Т. Герцена своим учителем. С 1985 по 1993 годы я посещала студию рисунка в Доме художника, которая была открыта для желающих заниматься в ней художников. Определенный круг людей стал постоянным ядром студии. Это были А.С. Осташев, Т.Т. Герцен, К. Шкурпела, Р.Б. Нудель. Все работали по-разному, каждый со своим материалом: акварелью, углем, сангиной, соусом. Я пробовала все эти материалы, чтобы довести рисунок в масляной живописи. Видя мои старания и любовь к цвету, Теодор Теодорович очень деликатно помогал мне, направляя советом, показывая как лучше скомпоновать рисунок модели. А вместо масляной живописи советовал перейти к пастели, которая также многоцветна и на первых порах учебы удобна в работе: ею легче конструировать рисунок.

Я много рисовала пастелью. Рисунки выстраивались в серию на тему природы. Теодор Теодорович одобрял мои усилия и результаты, желал удачи. Как-то пригласил к себе в мастерскую, которая была тут же в Доме художника. Он показал серию работ к повести Ч. Айтматова «Джамиля». Перед моими глазами прошли более 20 листов,

О.А. Мамбеталиева.
Т.Т. Герцен, А.С. Остаев,
К.А. Шкурпела в студии
рисунка.
1987.

выполненные в пастели. Словно в кино, кадр за кадром, сменялись лист за листом, повествуя драму человеческой судьбы. Я с восхищением смотрела на листы, поражаясь таланту художника, сумевшего по-своему, но так же сильно как Ч. Айтматов пересказать в цвете, рисунке, пространстве чувства писателя, самих героев, читателя, а может и свои чувства, созвучные персонажам повести. Посещение мастерской мастера, учителя было для меня самым большим учебным уроком.

Вспоминаю другой сюжет (1998). Диль-Фируз Александровне сделали операцию, Теодор Теодорович дежурил у нее в палате. Мы с Г. Токтосуновой пришли навестить их. Теодор Теодорович сказал тогда: «Вот поднимется Дилечка, моя очередь наступит оперироваться. Пока вот обследуюсь». Потом я заходила проведать их домой. Они интересовались, чем я занимаюсь. Я рассказала, что создала «Ассоциацию женщин-художников» для поддержки их творческих инициатив и что уже 5 лет ведется общественная работа в помощь женщинам. Сейчас на юге Киргизии война, поэтому здесь и в других местах много беженцев из Баткена. Среди них дети. Мы, Ассоциация, собираем одежду нуждающимся беженцам.

Диль-Фируз сказала: «Мы тоже приготовим одежду». Назавтра Теодор Теодорович дал целый мешок одежды, которую мы, соединив со всем, что собрали, передали для беженцев.

20 мая 2000 года ушла из жизни замечательный художник – живописец, мастер натюрморта Диль-Фируз Александровна Игнатъева, жена, подруга, коллега Т.Т. Герцена, мать двух его детей. Вскоре после смерти Диль-Фируз Теодор Теодорович организовал в большом зале КНМИИ им. Г. Айтисва выставку ее работ. Никогда раньше не светились столь жизнеутверждающе ее натюрморты из плодов, хлеба, цветов, портреты близких ей людей, одаривавших и согревавших ее радостью бытия.

Через неполных три года уйдет из жизни мой учитель – Теодор Теодорович Герцен. Я благодарна судьбе за встречу с ним.

Молдохматов Джылдызбек Асанбекович,
живописец, монументалист, сценограф.

Родился в 1948 году в г. Фрунзе, Кыргызстан.

В 1967 году окончил Московскую среднюю художественно-промышленную школу, а в 1972-м Московское высшее художественно-промышленное училище (б. Строгановское), учился у Г. Коржева. С 1968 года выставляется в республиканских и всесоюзных выставках. С 1976 года член Союза художников СССР и Кыргызстана.

Участвовал в создании комплекса монументально-декоративных работ в интерьерах и экстерьерах Ошского кыргызского театра драмы (1972-1974), пансионата «Кыргызское взморье» на Иссык-Куле (1974), Нарынского музыкально-драматического театра (1978), Кыргызского цирка в столице (1979).

В станковой живописи художник работает над жанровой картиной, портретом, пейзажем. Ему свойственны эмоциональная трактовка сюжета, внимание к характеру и состоянию человека и природы, поиск выразительных и композиционных решений.

Образное мышление, живописная культура монументалиста позволили решать театрально-постановочные задачи в оформлении спектаклей на сцене театра оперы и балета имени А. Малдыбаева. Будучи главным художником этого театра поставил более 20 спектаклей мировой и национальной классики.

Последние 20 лет сосредоточен на живописи, в ее жанрах портрета и пейзажа в стремлении отразить сегодняшнее лицо эпохи.

Судьба свела меня с Теодором Герценом на совместной работе по оформлению Ошского драматического театра в 1973 г. Мы оба закончили в разные годы отделение монументальной живописи в МВХПУ (б. Строгановское) и его предложение поработать над мозаичным панно я принял с благодарностью. Вспоминая то удивительное время, я не буду останавливаться на

*Т.Т. Герцен.
Мозаичное панно на здании
Ошского драмтеатра.
1972-1974.*

работе по оформлению театра. Мне хочется вспомнить о Теодоре Герцене, когда мы контактировали не только по монументальной работе, рассказать о проявлении его таланта. Порой кажется, что одному художнику невозможно создать такое количество работ и плодотворно творить в различных жанрах и видах изобразительного искусства. Он оставил заметный след в монументальной живописи, графике, полиграфической продукции.

Во все времена творчество любого художника воспринималось неоднозначно со стороны критики, коллег художников, этого не миновал и Т. Герцен. Наверное, позиция самого Т.Герцена по некоторым вопросам пластики, стиля и формы вызывала неоднозначную оценку, что вполне естественно – и сколько художников – столько мнений об искусстве. Но никто не может отрицать его большой вклад в наше искусство.

Возвращаясь к периоду совместной работы, хочется отметить личные качества художника, которые удивляют и восхищают по сей день: работоспособность, энергия, жадность к работе, системность, «немецкая» точность и пунктуальность. Его день начинался с 6 часов утра за досками – линогравюрами над иллюстрациями к 4-х томному шедевру кыргызского устного народного творчества эпосу «Манас».

Он резал доски для линогравюры в формате полиграфического издания: суперобложки, титулы, шмуцтитулы, заставки, иллюстрации, полосные иллюстрации, начиная от эскизов, вариантов, черновых оттисков. Такой титанический труд в этой технике за короткий промежуток времени был не под силу другому художнику и поэтому народный художник СССР Г.Айтиев – руководитель художественного оформления эпоса «Манас» доверил эту работу Т. Герцену, зная его ответственность, усердие и добросовестность. Многие кыргызские художники обращались к материалам эпоса, делали иллюстрации, отдельные графические листы, писали картины, росписи, и каждый стремился найти свой стиль, язык выражения. Помимо этого капитального труда

Д. А. Молдохматов.
Мозаичное пано на здании
Ошского драмтеатра.
1972-1974.

Теодор Герцен успевал параллельно работать в других жанрах, техниках, видах изобразительного искусства.

Монументальные росписи, мозаики, живопись, различные техники графики, работа во всех жанрах, и порой казалось, что его напору не было выхода.

И такое количество выполненных работ, объемы его деятельности вызвали у коллег художников, у критики смешанные чувства в оценке его творчества. В истории кыргызского изобразительного искусства Теодор Герцен останется как большой труженик, самобытный мастер, который хотел остановить время, стараясь успеть объять все стороны нашей жизни – от изображения малой бытовой жанровой сценки до работ обобщающего философского характера – и достигший большого профессионального мастерства.

Судьба была несправедлива к Т. Герцену, дав ему времени недостаточного для его большого таланта. Творческое наследие Т. Герцена необходимо собрать воедино, систематизировать, сделать полную атрибуцию и сохранить будущим поколениям.

Никитенко Зоя Яковлевна,
генеральный директор ОсОО
«Художественный фонд СХ Кыргызской Республики»

Родилась в Башкирии. Образование высшее. Специальность – экономист. В Киргизию приехала в 1966. С 1978 года работает в Художественном фонде СХ начав со старшего мастера, затем руководителем творческого цеха (1978).

В 1980 году – начальник производственного отдела, а ныне является Генеральным директором ОсОО Художественного фонда СХ Кыргызской Республики.

Все крупные монументальные скульптурно-архитектурные объекты в республике выполнялись Художественным фондом СХ, где было обеспечено финансовое обоснование, поэтапно-плановая реализация объекта, за которые отвечала З.Я. Никитенко.

За свой труд отмечена Грамотой Верховного Совета Киргизской ССР (1985), Почетной грамотой Правительства Кыргызской Республики (2000). В связи с 70-летним юбилеем творческой организации избрана почетным членом Союза художников Кыргызстана (2004).

В 1976 мне судьба подарила встречу с Т.Т. Герценом. Я в тот год была назначена старшим мастером творческого цеха в Художественный фонд. В тот же год выполнялся грандиозный проект республиканского значения – Кировское водохранилище. Авторами монументально-скульптурного комплекса были Т.Т. Герцен, В.А. Шестопал, В.П. Димов. Работа требовала напряжения всех сил, ответственности и высокой организованности, сроки коротки. Я увидела этих людей в деле: они были не только талантливыми художниками, но спаянной командой, когда достоинство и порядочность каждого дают высокий творческий результат. Выделялся Т. Герцен. Через Художественный фонд проходили его фрески и мозаики. Уровень их и качество были высоки.

Позже я не раз убеждалась в умении Теодора Теодоровича сглаживать острые углы на очень спорных проблемных вопросах в обсуждении творческих работ художников. При своей скромности и доброте, он умел аргументировано вывести из тупика Художественный совет. Его мнение было авторитетно, хотя и немногословно. Это был подлинный интеллигент и талантливейший человек своего времени.

Осмонов Абдырай Осмонович, живописец

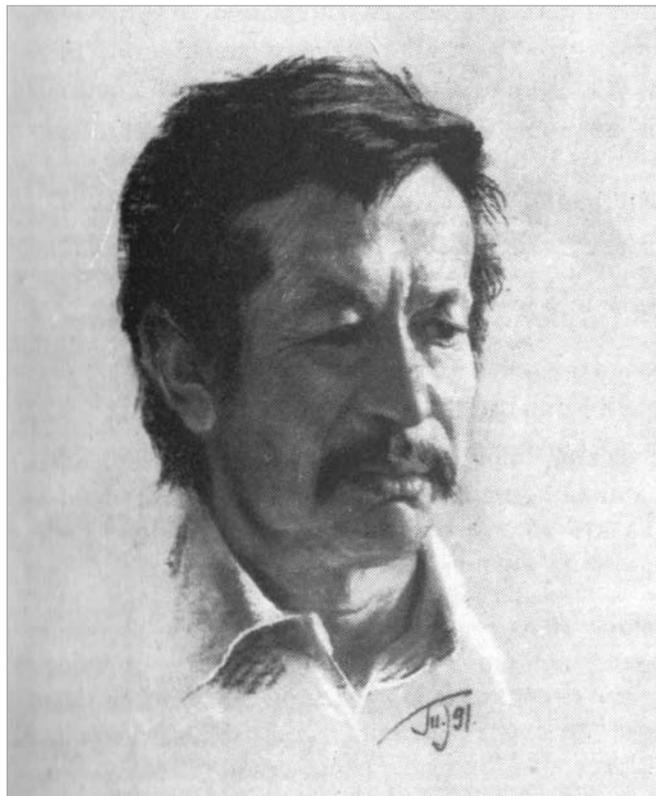
Родился в 1939 в с. Шалба, Джеты-Огузского района.

В 1965 году окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е. Репина. Член Союза Художников СССР и Кыргызстана с 1968 года. Участник республиканских, все-союзных и международных выставок. Работы находятся в музеях Кыргызстана и России. Народный художник Кыргызской Республики. Действительный член Национальной Академии художеств Кыргызской Республики.

Работает в области сюжетно-тематической картины. Темы народных празднеств выразились в картинах «Оодарыш» (1967), «Куреш» (1971). Работы последних лет охватывают стороны современной жизни кыргызского народа «Монтажники» (1983), «Катастрофа» (1990). В последнее десятилетие много работает над пейзажем и портретом.

Со времени окончания вуза по сегодняшний день ведет преподавательскую деятельность в Художественном училище имени С.А. Чуйкова.

Я познакомился с Теодором на вступительном экзамене в художественное училище. Тогда в 1954 году меня старший брат Оторбай привез во Фрунзе учиться на художника. Среди поступающих я заметил крупного телосложения с большой черной шевелюрой парня, хорошо рисующего и хорошо владеющего акварелью. У меня такой подготовки, естественно, не было, ведь я приехал из далекой деревни. Он очень помог мне при поступлении. Показывал, рассказывал, делился всем, чем мог. Это был Теодор. Получилось так, что после поступления я, Федя, и еще двое ребят поселились в частном секторе на окраине города. С тех пор я стал непосредственным свидетелем того, как Теодор начал прокладывать свой долгий путь

*Т.Т. Герцен.
Портрет художника
А.О. Осмонова.
1991.*

к искусству, осваивая его ремесленную сторону, постигая духовную сущность, оставляя свои вехи.

В учебе Теодор был для нас всех примером. Мы старались равняться на него. Он нас водил на этюды, показывал, как пользоваться кистью, карандашом. Порой ему приходилось защищать нас от местных драчунов. Незаметно кончились наши золотые студенческие годы. У Теодора в Москве, а у меня в Ленинграде начались творческие будни – настоящая серьезная учеба.

Теодор как художник и человек удивительно простой и цельный, в то же время сложный и многогранный. Таким он вошел в мою память, мой собрат по творчеству. Его правдивое реалистическое искусство проникнуто верой в красоту и величие природы. Мы наслаждались в его произведениях безмерной глубиной неба, прозрачной далью, изломами горных круч, словно перед живой природой, забывая, что перед нами нарисованная картина.

Руппель Валерий Федорович,
художник современного искусства

*Родился в 1948 году в г. Коркино Челябинской области.
Образование: Уральское училище прикладного искусства г. Нижний Тагил
1968 г.*

Сенежская студия при СХ СССР г. Москва 1971-76 гг.

*2002 Международная выставка «Внутренняя Азия II» г. Алматы, Казах-
стан*

2004 Выставка «Status Quo» г. Бишкек

2004 Выставка «... и Другие» г. Бишкек

2005 Выставка в галерее «Paradigma» г. Линц, Австрия

*2006 Персональная выставка в галерее «English elements» г. Зальцбург,
Австрия*

*2006 Живопись в современном медиапространстве, международный про-
ект стран ЦА и Закавказья г. Алматы, Казахстан*

– Диплом Министерства культуры СССР, 1976 г.

*– Диплом 4-й quadriennale декоративно-прикладного искусства г. Эр-
фурт, Германия, 1986 г.*

– I-я премия выставки – конкурса «Фонд Сорос – Кыргызстан», 1997 г.

– Премия им. Гапара Айтиева за лучшее произведение 1998 года, 1999 г.

*– Диплом «За пластическую выразительность» II Новосибирской биеннале
графики, 2001 г.*

Говорить об этом художнике и просто и вместе с тем трудно. Просто потому что, творческое наследие Теодора Герцена легко поддается классификации: монументальные произведения – фрески, рельефы, станковая живопись – портрет, пейзаж, станковая графика – пастель, рисунок, книжная графика – иллюстрации к народным эпосам «Манас» и «Песнь о Нибелунгах».

С другой стороны, общаясь с этим молчаливым, грузноватым человеком, меня не покидало ощущение некоторой неловкости от мысли, что время, которое он готов был тебе уделить, давно кончилось: «Пора уходить!», а уходить не хотелось. Не отпускало его невозмутимое спокойствие и доброжелательность, не отпускала его ненавязчивая уверенность в разговоре, не отпускала его харизма. Кстати охотнее всего он говорил о ремесле и о материале. Мог долго и подробно объяснять, как правильно, по его мнению, заточить штихель для линогравюры или рассказывать об особенностях того или иного вида пастели и свойствах бумаги для нее.

Давно подмечено, что пристальное внимание к ремеслу – признак большого мастера. О вдохновении, о так называемых муках творчества мне слышать не приходилось. Предпочитал приводить примеры, а примером в искусстве для Теодора Герцена служили самые высокие вершины, Леонардо да Винчи и Рембрандт. Будучи признанным мастером, большую часть времени в европейских поездках проводил в музеях и художественных лавках, тщательно выбирая, из огромного количества оттенков, так любимые им охристые, умбристые и коричневые мелки пастели.

И еще одна частность, на протяжении ряда лет в выставочном зале Союза Художников проводились занятия студии рисунка. Теодор Герцен был неизменным участником всех занятий. Больше того, в его отсутствие, что случалось крайне редко, рисование как бы теряло смысл, хотя никогда никаких замечаний и указаний он не давал. К тому же состав художников был неоднороден и по уровню подготовки неодинаков. Но присутствие Мастера, его сосредоточенная на модели работа удивительным образом влияла на рабочую атмосферу в течении трех часов занятий. И даже острые политические дискуссии, дело происходило в годы гласности и перестройки, не могли вывести Мастера из состояния полной растворенности в работе, состояния напряженного покоя, состояния, которое японцы называют «саматху». Часто одного ироничного взгляда Герцена было достаточно, чтобы успокоить суетливого и больше всех дискутирующего Костю Шкурпела.

К слову сказать, занятия в студии для многих художников были единственной возможностью поработать с живой моделью, будь то фигура или портрет. Константин Шкурпела создал своеобразную галерею маленьких по размеру, сильных, крепких и энергичных по цвету и пластике масляных работ. Виктор Бояркин, блестящий рисовальщик, до сих пор не оцененный в современном киргизском искусстве никак, за три часа успевал сделать несколько совершенно удивительных по красоте листов. Скульптор Владимир Зухин не без успеха доказывал правоту своего конструктивно-аналитического метода рисования. Тогда еще молодые Шведов и Короткова умиляли присутствующих своими крохотными с академической дотошностью выполненными рисунками. Мрачноватый молчун Коля Евсеев работал так, будто в руках у него не карандаш, а молоток и стамеска. В конце занятий, как ритуал, студийцы с почтением рассматривали законченный, иногда с излишней тщательностью, рисунок Теодора Герцена. Занятия закончились, громыхая этюдником, торопливо убежал Костя, внимательно рассматривая сделанное, не торопясь сворачивал папку Бояркин, подхватив планшет с рисунком поднимался в свою мастерскую Мастер.

В.Р. 7 июня 2007.

Садыков Тургунбай Садыкович,
скульптор, Эл Баатыр.

Родился в 1935 году в с. Говсувар, Ошской области.

В 1960 году окончил Фрунзенское художественное училище. В 1964 году – курсы при Московском высшем художественно-промышленном училище (б. Строгановское). Учителями в разные периоды были В. А. Пузыревский, С. Т. Коненков, Е. Ф. Белашова.

Выставляется в выставках с 1957 года. Член Союза Художников СССР и Кыргызстана с 1959.

1968-1988 годы возглавляет Союз художников Киргизии.

1989-1992 – создает Фонд культуры Кыргызской Республики.

1992 – по настоящее время – основатель Национальной Академии художеств Кыргызской республики, ее Президент.

За монументальную пропаганду идеалов своего народа, общественную деятельность удостоен званий Народного художника СССР и Кыргызской Республики, лауреата Ленинской и Токтогульской премий, золотых медалей Академии художеств СССР и имени Грекова, ордена «Эл Баатыр».

Действительный член Российской Академии художеств, профессор.

Как знак признания его вклада в просветительскую образовательную деятельность его именем названо основанное им художественное учебное заведение.

С Теодором Герценом меня многое объединяло: мы ровесники, вместе учились в одном художественном вузе Москвы – Строгановке. Он – на факультете монументальной живописи, я – на скульптуре. Жили в одном общежитии. Огромная Москва 1960-х, этот крупнейший город большой страны с бурлящей жизнью, запахом метро, свистком и шумом трамваев и всякого транспорта – все «усугубляло» наше родство с Теодором Герценом, притягивало как земляков, понимавших с полуслова друг друга, приехавших из Киргизии с одной целью – стать художниками!

Он как раз тогда открыл для себя линогравюру и увлекся этой техникой всерьез и надолго. Комната являла собой вид мастерской: стол служил ему станком, а кровать рабочим полем, устланным полностью линогравюрными досками. Инструмент он умудрялся сделать своими руками. Удивительным трудолюбием он отличался всегда, а в эпоху студенчества особенно. Думаю, в искусстве иначе нельзя. Непосвященный в труд художника не способен оценить до конца и по достоинству результат этого труда – само искусство. Сколько раз я в этом убеждался.

В последующие годы (я – будучи председателем правления СХ, а он – член правления СХ или председатель Художественного совета, или главный художник Фонда в силу активности и востребованности) наше взаимодействие было творческим и полезным. Художнику всегда ценно услышать мнение коллеги. К его замечаниям по поводу чего-либо я всегда прислушивался. В свою очередь, я, отзываясь на предложение Теодора посмотреть его работы, находил их вполне законченными, но не успокаивающийся на достигнутом требовательный к себе Теодор, перерабатывал и шлифовал до безупречности, стремясь к совершенству, которому нет предела. При этом что-то неумолимо ценное в предыдущем варианте безнадежно утрачивалось во имя нового художественного качества или поворота темы. Это проблемы чисто творческие, потому они так влекут художника, побуждая устремляться его вглубь, открывая дверь за дверью, пока он не обнаружит все ответы на вопрос, какие же тайны сокрыло в себе искусство. Мы много говорили с ним по текущим проблемам Союза. Но на главные вопросы времени не хватало...

В силу обязанностей Председателя правления СХ и по собственной воле я был свидетелем, участником судебных художников, искусства, преобразившего лик столицы и всей республики. Теперь те годы определяются как история советского периода кыргызского искусства, точнее сказать заметный этап в культуре народа. А может быть даже ее расцвет.

Ученые и литераторы работали над изданием эпоса, собирая и записывая историю, живое слово манасчей. Реставраторы восстанавливали архитектурные памятники, в т.ч. кумбиз Манаса. Строились архитектурные ансамбли, возводились здания музеев. И не только в нашей кыргызской столице. Галереи, музеи поднимались в селе Орловка Таласской области по инициативе Герценов и на Белгородчине в г. Валуйки благодаря усилиям А. И. Игнатъева и его дочери Диль-Фируз Игнатъевой. Из выставочного фонда СХ Киргизии мы отправляли неоднократно коллекции картин кыргызских художников в оба музея. Мы планировали «музейный бум» и он был: выставки вызвали споры в среде художников и резонанс у посетителей. Событиями культуры была наполнена наша жизнь.

Мы, художники той поры, были современниками. Пройденная часть пути – это наша эпоха, всех тех, кто созидал, наполнял это время произведениями, достойными кыргызской земли, ее славной истории. К этой эпохе принадлежал и Герцен.

Иногда мы совпадали с Теодором творческими устремлениями, в разное время работая над одной темой (например «Токтогул» или герои Ч. Айтма-

това, равно как и портреты людей). Время работы над образом Манаса у нас совпало: 1972-1980 годы. Это был правительственный заказ, ответственный для нас обоих. Нам предстояло изучить литературную основу эпоса и создать зримый облик народного героя. Я искал пространственно-пластический символ батыра, Теодор – графическую трактовку образа эпического богатыря. Мы работали в разных художественных системах выражения, решая свои задачи. У меня была цель – вписать памятник в пространственную среду, в то же время вознести летящего на коне Манаса над суетностью земной жизни, найти раз и навсегда единственно верный силуэт, учитывая меняющуюся в течение суток и времен года картину неба. Теодор в протяжении многостраничных 4-х томов книги разворачивал свою изобразительную эпопею. Она поражает и сегодня силой и мощью графического языка наше воображение. Герцен – достойный соавтор знаменитого манасчи С. Орозбакова. Немецкий эпос «Песнь о Нибелунгах» тоже выполнен им на высоком уровне.

Как-то я пригласил Теодора Герцена в Академию художеств преподавать. В его педагогическом даре я не сомневался. Тактичный, пунктуальный, доброжелательный, он ясно и доходчиво мог ставить перед студентом задачу. Он был находкой для учебного заведения и словно родился быть преподавателем.

Я мог положиться на него, зная, что он не подведет. Он собою олицетворял все существующие в мире пособия по обучению рисованию. Такой непревзойденный рисовальщик на собственных работах мог выучить студента и строить, и компоновать, и мыслить образами. Проработал уважаемый мною Теодор Герцен всего лишь один учебный год (1996). Ему предстояла поездка в Германию...

В библиотеке Академии художеств имеются все книги о жизни и творчестве Герцена, хотя это одно и то же. Его жизнь была творчеством, а творчество было жизнью. Книги о нем – это пособия для студентов, в которых изложены уроки становления художника.

Таков был Герцен, которого я знал более полувека. Большой мастер, надежный товарищ, честный работник, талантливый педагог.

Тенизбаева Бегаим Садыковна, керамист-дизайнер

Родилась в г. Фрунзе, Кыргызстан.

В 1979 году окончила Фрунзенское художественное училище. В 1991 году – ЛВХПУ им. В. И. Мухиной, отделение художественной керамики. Член Союза художников Кыргызстана. С 1981 года – участник республиканских, всесоюзных, международных выставок. Произведения находятся в КНМПИ им. Г. Айтиева, в частных коллекциях США, Германии, Англии, Австралии, России, странах СНГ.

С 1993 года по настоящее время заведует кафедрой Художественной керамики в Национальной академии художеств Кыргызской Республики.

Удостоена 2-ой премии на Международном симпозиуме фарфора г. Капчыгай. 1991. Казахстан; премии фонда «Сорос – Кыргызстан», 1997; премии и диплома НАХ КР им Т.С. Садыкова. Является член-корреспондентом Национальной академии художеств КР, профессор.

Художник, творя искусство, пишет свой автопортрет. Работы Теодора Герцена узнаваемы, как только его, их не перепутаешь. Чтобы так почувствовать и столько сделать, надо быть Герценом. Должно быть не случайно на Герцене был остановлен выбор иллюстрирования эпоса «Манас». Он сумел подняться в уровень кыргызского эпоса и адекватно силе звучащего слова передать ментальность этого народа, с которым он соединился волей судьбы. Его графика мужественна и лапидарна, остра и выразительна, распевна и могуча... А рядом с его графикой видится живопись Диль-Фируз Игнатъевой, его супруги. Королевой натюрморта называли ее. Ее натюрморты обязательны в экспозиции музея как некая постоянная величина, без которой картина кыргызского искусства будет неполна.

Два мастера, два красивых светлых душой человека, которых объединяла святая любовь к искусству, общая судьба, одно на двоих время, сын и дочь.

Перед моими глазами два идущих человека – Теодор Теодорович и Диль-Фируз Игнатъева – взявшиеся за руку, счастливые, сияющие как дети. За ними – шлейф любви. Такими я их видела не раз. Такими я их запомнила, идущими из дома в мастерскую. Такими они остались в моей памяти навсегда.

**Токтосунова Гульчахра Искендеровна,
ИСКУССТВОВЕД.**

Родилась в г. Фрунзе (Бишкек)

1965-1968 – учеба во Фрунзенском художественном училище

1973 – факультет искусствоведения института архитектуры, скульптуры и живописи им. И. Е. Репина (Ленинград)

1974-1985 – главный хранитель Калмыцкой картинной галереи

1985-1989 – референт, заведующая творческими секциями СХ Киргизии

С 1991 – член СХ СССР, член СХ Кыргызстана

1989-2000 – научный сотрудник отдела искусствоведения Центра манусоведения и художественной культуры НАН

1998-2005 – заместитель директора по научной работе КНМПИ им. Г. Айтиева

С 2005 – доцент кафедры гуманитарных наук Национальной Академии художеств. Ведет просветительскую работу, читая в разные годы лекции по искусству в художественных ВУЗах города Бишкек, публикуя в научных сборниках статьи по проблемам кыргызского искусства

2004 – присвоено звание Заслуженного деятеля культуры Кыргызской Республики

С 2005 – Член-корреспондент Национальной Академии художеств

Людам хотелось бы
все сохранить –
и розы и снег

А.И. Герцен

А я храню крупички живого общения с людьми, с кем довелось встретиться в жизни. Самое первое и сильное впечатление, связанное с именем Герценов, было от музея, созданного ими в селе Орловка, что близ Таласа, где я жила и училась

в школе. Это был вообще первый в моей жизни музей с настоящими картинами. Позже были другие и во многом превосходящие музеи. Но тот первый, стоящий у дороги в с. Орловка со скульптурной композицией перед фасадом, открыл мне дверь в мир прекрасного. Имя Герценов в ту пору было для меня символом искусства.

Хранителя музея Теодора Гергардовича, высокого седого доброго человека довелось увидеть один раз. Он очень органично вписывался в пространство музея, как всякий человек может быть естественен только в своей среде, ведь этот музей был делом его рук.

Предметом уважительного с его стороны к юному посетителю (ко мне) и моего почтительного молчания – в музее незачем говорить – были картины, удивлявшие иллюзией правдоподобия, магией превращения простых мазков на зернистом холсте в живопись.

Когда мне, студентке художественного ВУЗа, повезло оказаться в с. Михайловском (Пушкинских горах) и слушать С.С. Гейченко, хранителя пушкинского музея-заповедника, я вспомнила Т.Г. Герцена из далекой Киргизии. Они были чем-то неувлимо похожи – эти Хранители культуры.

Теодора Теодоровича Герцена – сына Хранителя колхозного музея, я встретила двадцать лет спустя, в 1985 году, отучившись в Ленинграде и проработав в

*Т.Т. Герцен.
Девочка-кыргызка.
1978.*

Калмыцкой картинной галерее около двенадцати лет. Его имя мне живо напомнило орловский музей, цепко сидевший в памяти. Сам же Герцен предстал на одном из заседаний секции графики открытым доброжелательным человеком и одновременно принципиальным в творческих вопросах профессионалом. Обсуждения чьих-либо работ на этих заседаниях проходили весьма бурно. Художники честно высказывались о достоинствах и недостатках той или иной работы, давали советы, были и резкие нелицеприятные оценки. Часто затевался разговор о том, что пора выходить на регулярные межреспубликанские выставки графики (Биеннале), где можно системно продемонстрировать все ее разновидности (станковая, книжная, журнальная, сатира, плакат и др.) и многообразие техник от уникальных (рисунок, акварель) до печатных (офорт, гравюра, пр.)

Вторая половина 80-х годов прошлого века была особенно знаковой: в расцвете сил пребывало созвездие кыргызских графиков – Л. Ильина, Р. Нудель, А. Осташев, М. Оморкулов, Т. Герцен, М. Бекджанов, Е. Кузовкин, Н. Евдокимов, А. Мисюрев, В. Гладков, М. Ахмедов, М. Томилов, Т. Курманов, А. Биймырзасев, Н. Иманалиева, Г. Мусабай и др. Они были современниками, но относились к разным поколениям. И как сойственно закону развития в это период было сильно противостояние «отцов» и «детей».

*Т.Т. Герцен.
Портрет старой женщины.
1967.*

Р.Б. Нудель был главой (председателем) секции, А.С. Осташев – наблюдателем и летописцем, Т.Т. Герцен – сердцем секции, ибо рисунок, графика занимали его полностью. Видимое вокруг, поглощаемое его душой, было подобно вдоху, отраженное на полотне (стене, бумаге) – выдохом. В этом ритме Герцен жил, дышал, творил.

Уже в 90-е годы все распадется: сменится руководство, кто-то уедет за границу, кто-то уйдет из жизни...

Сейчас Теодора Теодоровича уже нет с нами. Я вспоминаю мгновения жизни, когда он обычно сосредоточенный, проявлялся напористо и активно, выражая удивление, радость или недоумение. Он буквально страдал за тестя – старика А. И. Игнатьева, известного художника, что тому не позволили вывести свои произведения в Москву на персональную выставку. Игнатьев хотел предстать перед столичными коллегами с творческим отчетом за 60 лет пребывания в Киргизии по путевке Наркомпроса.

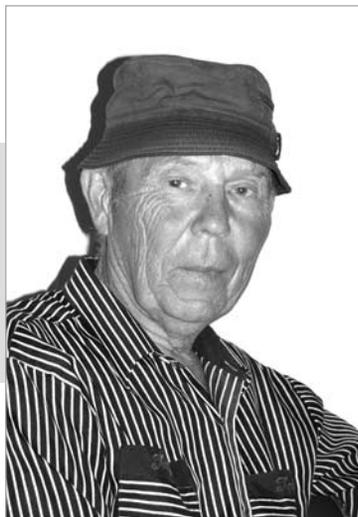
Герцен с уважением отзывался о творчестве жены Диль-Фируз Игнатьевой. Неприметные мотивы из бытовых предметов превращались в своего рода элегии в жанре натюрморта. «Я не мог уследить когда и как она работала. Я видел готовый результат». Незабудки любила писать Диля. Незабудки писал и Теодор Теодорович.

В творчестве это были две самодостаточные личности. У каждого свои темы, векторы, отдельные мастерские. У них не было совместных работ, как иногда бывает в искусстве (Вайнеры, Стругацкие, Кукрыниксы). Их содружество выражалось в том, что они ценили труд художника, поддерживали этот дар друг в друге. В Диле Герцен видел идеальную модель для своих фресок и мозаик. В отдельных ее произведениях возникает Теодор Теодорович как персонаж ее судьбы (Семейный портрет. 1998).

Когда после ухода из жизни Диль-Фируз он встретил Ольгу Шнайдер, школьную подругу, мы искренне за него порадовались. Цельный, преданный искусству, с кристально чистой душой, Герцен заслуживал любви этих двух удивительных женщин, которые в разное время были в его жизни.

Теодор Теодорович Герцен оставил большое наследие и главное, о чем он хотел сказать своим искусством, выразил. Но, в то же время, он растворился в небытие унеся с собой неисчерпанный потенциал идей и возможностей словно затем, чтобы вернуться...

В городе Талас, в парке стоит памятник (бюст) Т. Г. Герцену как дань признания этому человеку, поднявшему художественный музей в глубинке Таласской долины. Ветшает, тебуя ремонта, уже другое двухэтажное здание орловского музея с вывеской «Художественный музей колхоза «Красная Заря» имени Т. Г. Герцена». Каждая картина в нем хранит тепло рук создателей музея. Село переименовано в Ак-Добо. На всем патина времени.

Томилов Михаил Леонидович,
художник декоративного искусства, плакатист,
карикатурист.

Родился в 1939 году в городе Новосибирск, Россия.

1966-1970гг учился во Фрунзенском художественном училище на отделении декоративно-прикладного искусства

1959-1967 работал в Художественном фонде СХ мастером-костюмером. 1970-1983гг – старшим художником в ОНХП «Кыял». В 1983 году вступает в Союз художников СССР. Выступает на выставках с 1971 года (республиканских, всесоюзных, международных) печатался и работал в сатирическом журнале «Чалкан». Преподавал в ДХШ при Академии художеств Кыргызской Республики.

Награжден Дипломом и бронзовой медалью «За вклад в дело мира» по итогам IV-й международной выставки «Сатира в борьбе за мир» Москва 1983. Награжден бронзовой медалью «ВДНХ – СССР – 1977». В 1992 году удостоен I-й премии им. Асанбека Турумбекова за развитие сатиры в кыргызском искусстве.

Теодора Герцена знаю по студии рисунка в Доме художника, которую в 70-е годы посещал и я. Он никогда не пропускал ее, работал очень быстро. Мгновенно схватывал характер, идеального сходства модели достигал скупыми средствами, при этом передавал богатство природы, глубину души портретируемого. Когда бы ни заглянул к нему в мастерскую, он всегда работал, да так увлеченно, что думалось: это главное дело его жизни. В те 70-е годы его беспощадно критиковали. На волне авангарда художники игнорировали такие признаки в искусстве как реалистичность, правдивость, наблюдаемость, натурность. На передний план выступили формальные искания, оправданные новыми тенденциями, поисками стиля, такие процессы в искусстве закономерны.

Герцен пропускал критику «мимо ушей» и отрицал такие «новации», где натура для картины не нужна. Он как большой корабль плыл и плыл,

не сбиваясь с курса. Мне он советовал рисовать по памяти или по впечатлению. «Увидел примечательное – приди домой и зарисуй. Это поможет построить композицию».

Герцен не стремился ни к власти, ни к славе. Не отвлекался на тусовки художников. Творчество – единственная цель, которая как маяк светила, заставляя неутомимо двигаться вперед.

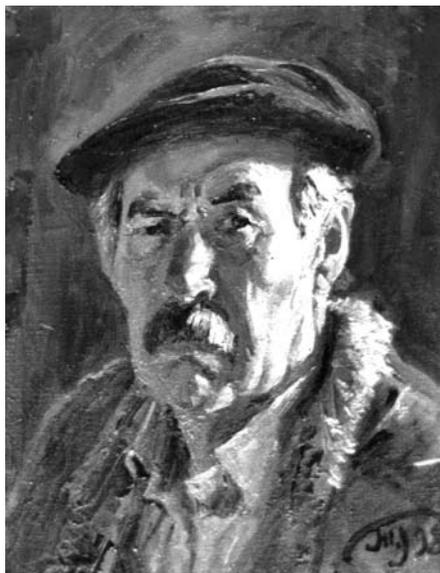
Свои мозаики он выкладывал сам, не доверяя исполнителям. Его мозаики в городе самые лучшие. Сейчас это уже очевидно. Герцен много ездил по Киргизии и рисовал, рисовал, рисовал. Все ему было интересно: люди, пейзаж, животные, жилище.

Помню, он привез много работ из Новосибирска, где живет его дочь. Это был взрыв какого-то другого видения, он очень точно почувствовал климат сибирского края, иную культуру. Для меня открылась новая грань Герцена.

Когда работал над иллюстрациями и оформлением книги, делал тысячи вариантов, при этом основательно исследуя литературную основу.

Охотно показывал рисунки, был открыт и щедр на помощь, оставляя впечатление великого трудяги. В рисунке он стал знаменем. Он отстаивал своими совершенными рисунками традиции реалистического искусства, основанных на документальном источнике – натуре. Он был непревзойденным портретистом, а это дается постоянной студией с натуры.

Когда Теодор узнал про свою болезнь, стал работать еще более неистово, словно хотел надышаться, ведь творчество для него означало жизнь. Перед отъездом в Германию он уничтожил кучу своих работ. Герцен их забраковал. Мне повезло кое-что спасти. Среди них был его автопортрет. А.С. Осташев – знаток его творчества заметил, что это одна из лучших работ художника.

*Т.Т. Герцен.
Автопортрет.
1998.*

Улитин Валерий Степанович, живописец.

Родился в 1941 году в с. Ново-Покровка, Кантского района. Учился во Фрунзенском художественном училище (1957-1962), работал в отделении Художественного Фонда г. Ош. С 1964 по 1976 год был преподавателем изостудии РДНТ Минкультуры Киргизской ССР. 1976-1984 годы работал художником ВДНХ Киргизской ССР. В 1985-1994 годах главный художник ряда организаций Минкультуры. В 2000 году работал по приглашению в Южной Корее. С 2001 по настоящее время является художником театра оперы и балета им. А. Малдыбаева.

Занимался дизайнерской разработкой интерьеров ряда музеев республики, в том числе мемориальных музеев Г. Айтиева и С. Чуйкова в г. Бишкек. Разрабатывал эталон Герба Кыргызской Республики (цветовое решение). Делал оценку «Diamond hand» в Южной Корее. Создавал (совместно с главным художником театра оперы и балета М. Шарафитдиновым) эскизы декораций для Большого Театра в Москве к Дням культуры Кыргызстана (2003).

Награжден Дипломом участника Всемирной выставки «Экспо-2005» в Японии. Ряд его картин находится у коллекционеров Франции, Германии, Италии, Японии в КНМИИ имени Г. Айтиева.

Сейчас по прохождении времени иначе видится то, что в свое время было обычным. Всмотриваясь в рисунки да и в живописные работы Теодора Герцена, я поражаюсь тому, как все в них живет, дышит, трепещет, хотя вижу: вот тут не тронута бумага, вот здесь едва прошла кисть и весь холст просвечивается. Сидящая пожилая кыргызка, играющая на темир-комузе (1992), погруженная в звуки извлекаемой мелодии, полна внутреннего достоинства. А вот – «Трио Кандинский», исполненный углем быстрый рисунок, где грациозно, качаясь в такт сонате играет группа музыкантов,

*Т.Т. Герцен.
Трио Кандинский
1994.*

творя звуки музыки. Какое единство трех фигур! Рисунок 1994 года – в нем автор, как впрочем и в сотнях других, достиг нового пластического качества, новой идеи, выражение которой с годами у Герцена становилось мощнее и проще. Этого качества он достиг тем, что передал скрытое, т.е. то, что не может быть видимо, а только слышимо. Передать саму музыку, изображая музыкантов. Это не всякому дано. В этом сила, талант и мудрость Теодора Герцена.

«Наблюдать и изучать» – это мой девиз, совпадающий, возможно, с тем, чем занимался и Герцен. Но я склонен больше к пейзажу. Мое общение с природой как с открытой книгой наполняет меня знанием и благоговением. Думаю, это состояние было близко Герцену. В нем я ценю его жажду творчества, фанатизм и стремление дойти до сути. Такими были все большие художники!

Шестопал Виктор Арнольдovich, скульптор.

Родился в 1936 году в городе Петропавловске, Казахстан.

В 1956 году окончил скульптурное отделение Одесского художественного училища, а в 1965 году – Ташкентский театрально-художественный институт. Выставляется с 1957 года. В Киргизии живет с 1965 года. Член Союза художников СССР и Кыргызстана с 1970 года.

Работает в станковой и монументальной скульптуре. Создал тематические композиции, цикл портретов современников, произведения монументального искусства.

В 1978 году работал в составе художников Киргизии на Малой Земле.

В 1979 году стал победителем в конкурсе на лучший проект памятника Скрыбина (архитектор В. Шкаев).

В 1980-е годы являлся членом многих Художественных советов (Министерства культуры, Союза художников, Министерства местной промышленности по народным художественным промыслам).

В 2007 году награжден медалью «Данк».

В последнее десятилетие им созданы значительные произведения, преобразующие городскую среду (Памятники А.С. Пушкину перед Российско-Славянским университетом, Курманжан-Датка в Дубовом парке, др.). Более 20 лет занимается преподавательской деятельностью. Народный художник Кыргызской Республики, лауреат Государственной премии Токтогула, профессор.

С Теодором Теодоровичем Герценом меня долгие годы связывали тесные товарищеские отношения, а в течение девяти лет, с 1974 по 1983 соавторская работа над монументально-скульптурным оформлением Кировского водохранилища. Между нами за долгие годы сложились весьма доверчивые отношения. Мы разделяли многие взгляды на развитие искусства. Мы с ним явились последователями реалистического искусства, с большим уважением относились к профессионализму художника. Мы считали всегда, что талант

художника не может развиваться без совершенствования профессионального мастерства.

Теодор, для нас художников Федя, Федор, отличался мягким, даже стеснительным характером, но в отстаивании своих взглядов ему была присуща принципиальность. Я всегда ценил его мнение и часто приглашал в мастерскую, показывал свои работы. Он без всяких скидок, после внимательного ознакомления, делал свои замечания. Я мог их разделять или нет. Но я всегда чувствовал, что замечания высказаны с чистой душой и откровенно. А когда распались художественные советы, я старался по возможности приглашать Федора к себе в мастерскую, показывать ему свои последние работы. Так было и тогда, когда я завершил работу над памятником А.С. Пушкину. Я привез Теодора, и он, посмотрев работу, сделал ряд ценных замечаний, которые я постарался, проанализировав, учесть при окончательном завершении памятника.

Федор всегда мог прийти на помощь и в чисто бытовых вопросах. Как-то в молодые годы меня призвал военкомат на переподготовку на Курдай. Жена была в командировке. А дома оставалась с тремя маленькими детьми моя мать. Ей тяжело было вести хозяйство и обеспечивать детей продуктами. Никого близких у меня не было, и я попросил Теодора помочь семье, и вот почти ежедневно он заезжал ко мне домой, привозил продукты, интересовался здоровьем старушки и детей. Мама всегда вспоминала эти дни и всегда с большим уважением относилась к Теодору. Вообще у него сложились теплые доверительные отношения и с моей женой, она всегда следила за его дачным участком, пока он бывал в отъездах. Меня удивляла в нем та высочайшая требовательность к творческому процессу. Никогда он не выпускал в жизнь сырые произведения. Я вспоминаю время, когда мы работали над скульптурным оформлением Кировского водохранилища. А нас было трое соавторов, кроме Теодора и меня, с нами работал Виктор Димов.

Некоторые наши коллеги, приходя в мастерскую, где мы лепили рельефы, задавали нам вопрос, почему мы не сдаем законченную работу художественному совету. Теодор отвечал: «А наш худсовет (то есть мы – авторы) еще считает сдачу преждевременной». Мне часто приходилось бывать в его мастерской, где он мне показывал свои работы, делился своими мыслями и планами. И я тоже мягко, но без скидок указывал на те места, которые в работе следовало улучшить или вообще убрать.

*В.А. Шестопал и
Т.Т. Герцен на выставке
своих работ в выставоч-
ном зале Дубового парка.
1975.*

В.А. Шестопап.
В мастерской Т.Т. Герцена
1980.

Наиболее интересные встречи были тогда, когда в его мастерскую, слыша мой голос, заглядывал его сосед по мастерской А.С. Осташев, великолепный график, образованнейший человек, книголюб и тонкий юморист. Мы все трое были единомышленниками и разделяли взгляды на историю развития искусства и на современное положение в советском искусстве, и киргизском в особенности. Мы трое любили и разделяли принципы реалистического искусства, переживали за него, в период его дискредитации со стороны отдельных искусствоведов. Не любили любые формы спекуляции на модных течениях и эпатажности с элементами рекламности. Мы считали, что серьезное искусство не любит и не терпит суеты.

Особо хочу отметить колоссальное трудолюбие Теодора. Он никогда не расставался с карандашом, резцом и кистью. С утра до вечера, а часто и до ночи Теодор работал, не уставая. Его творческое наследие грандиозно. Я был свидетелем (так как работа шла одновременно с оформлением Кировского водохранилища) создания иллюстраций к эпосу «Манас». Эта огромная по своим масштабам работа получила при его жизни колоссальную популярность, он стал любимцем киргизского народа, его знали многие в любой местности республики. В иллюстрациях, выполненных Теодором, эпос «Манас» вышел на многих языках мира.

Герцен оставил значительный след в монументальном искусстве Кыргызстана. Он был не только талантливым художником-монументалистом, но и великолепным профессионалом своего дела, свободно владел мастерством этого сложного вида искусства. Его монументальным произведениям чужды лозунговые решения, которые господствовали тогда в монументальном искусстве. Ложность, декоративность и фальшивость этих произведений сейчас, в совершенно новых условиях развития нашего искусства, особенно проявляются, и смотрятся со стен наивными произведениями. Монументальные росписи и мозаики Т. Герцена всегда проникнуты разнообразием человеческих чувств, они очень теплы и психологичны. Они выдержали испытание временем и прекрасно воспринимаются и в наши дни.

Теодор был прекрасный рисовальщик. Его рисунки покоряют своим большим мастерством, убедительностью и разнообразием технических приемов.

В последние годы Теодор много времени отдавал живописи, он создал ряд великолепных портретов, пейзажей и композиций. Мне особенно понравился цикл картин, посвященный эпосу «Манас». От ряда холстов веет «рембрандтовским» колоритом и духом. Они искрятся цветом, и каждый небольшой холст представляет собой драгоценность.

В советский период, когда в творческом союзе художников создавались группы художников, которые иногда занимали воинственные позиции по отношению к своим коллегам, которые не разделяли их взгляды и не примыкали к ним, творчество таких художников, как Т.Т. Герцен развивалось в нелегких условиях. Особенно то иное мнение создавала искусствоведческая критика, которая чаще всего состояла на услужении той группы, которая оказывалась у власти. Критика могла вознести до высот творчество того или иного художника или «не пускать», давить иную творческую личность. Особенно любили приклеивать те или иные ярлыки и «измы». Но Т. Герцен, которого считали очень трудолюбивым человеком, и вместе с тем отказывались признавать в нем яркую индивидуальность, в трудных условиях не сдавался и остался верен своим принципам. Он выстоял и он победил. А когда рухнули вместе с советской властью все ее культурные «надстройки» и каждый художник остался наедине с обществом, все увидели во всей мощи этот яркий талант, увидели Мастера.

* * *

Обращаясь к периоду создания Т. Герценом монументальных произведений, хочу отметить такие качества, как прекрасное владение композицией, он не боялся сложностей в решении компоновки объемов, владел очень тонкой ритмикой частей композиции. Фигуры очень пластичны. Кстати, у него я научился не стыковать объемы, а перекрывать один объем другим. Герцен взвешенно, с тонким чувством относился к организации цветовой гаммы.

*Совместная работа
В.П. Димова, Т.Т. Герцена и
В.А. Шестопала на Кировском
водохранилище.
1974-1983.*

Мы с ним пришли в кыргызское искусство в середине 60-х годов, это было время пересмотра устоявшихся ценностей и принципов 50-х годов. Наше поколение работало с большим напряжением. Каждый искал свой путь в искусстве. Мы изучили искусство разных культур, различных цивилизаций. Что-то привносилось в современное искусство. Стали более доступны достижения художников стран социалистического лагеря. Особенно в пластике привлекали находки художников Венгрии, Польши, Германии.

Творческому росту и совершенствованию способствовали Всесоюзные выставки в г. Москве, постоянный обмен мнениями на обсуждениях этих выставок. Эта была прекрасная школа творческого роста. А поездки в творческие группы в Прибалтику и другие города вносили свежесть в наши работы.

Наше поколение жило искусством. Мы были жестки в своих оценках, занимая иногда полярные позиции в искусстве. Шла постоянная состязательная борьба между сторонниками разных направлений. Время прошло, ушли мои многие оппоненты, но я вспоминаю их добрым словом сейчас на склоне своих лет.

Я понимал всегда, что не имею права сделать слабую вещь, даже посредственную. Нужно выложиться. Каждая вещь должна быть выполнена на максимуме моих возможностей.

Вообще считаю, что художник не имеет морального права делить то, что он делает, то что выходит из его мастерской на «халтуру» для заработка и на творчество.

Профессионал должен к каждой работе подходить ответственно. Если взялся за выполнение того или иного заказа, то должен выполнить его на высоком художественном, профессиональном уровне. Или лучше не приступать к работе, вежливо отказаться, не обидев заказчика. Чувство ответственности – одно из основных качеств художника.

Творчество для серьезного художника не только профессия – это его образ жизни, без него художник теряет смысл жизни, свою востребованность, весь смысл своего существования.

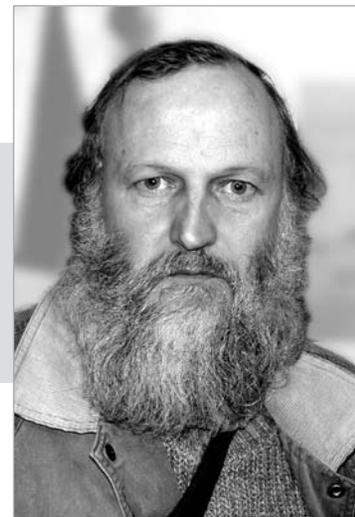
Меня волнует современное состояние скульптуры в республике. Художники ушли в самостоятельное плавание в жестком мире рыночных диких отношений. Чтобы выжить, содержать свои семьи на плаву они бросают свое искусство на потребу богатых, но часто лишенных понимания искусства покупателей. В скульптуре идет подстраивание под их вкусы. Много молодых художников, найдя свою нишу в спросе художественных вещей (не произведений) работают в одном плане и не замечают, как медленно опускаются на дно благополучного существования.

Все чаще я задумываюсь над актуальностью сегодня шедевра русской литературы – повести Н.В. Гоголя «Портрет». Многим, очень многим не мешало бы его чаще перечитывать. Как вечное предостережение художнику.

* * *

Теодор ушел от нас. Я лишился еще одного своего товарища, единомышленника, советчика, коллеги. Очень тяжело терять друзей. Но я уверен, что Т.Т. Герцен вошел яркой страницей в историю развития культуры республики. Без него, без его работ наше искусство существенно обеднело бы. Он живет в своих монументальных работах, картинах, в гравюрах, в своем «Манасе», и будет вечен как «Манас».

Шкурпела Константин Алексеевич,
живописец, график.

Родился в 1951 году в г. Каракол, Кыргызстан.

Окончил в 1974 году художественно-графический факультет Московского педагогического института имени В.И. Ленина. Член Союза Художников СССР и Кыргызстана. Постоянный участник многих республиканских выставок. В активе художника 12 выставок всесоюзного значения и зарубежных в Европе и Азии (Польша, Германия, Турция, Россия, Белоруссия, Казахстан). Восемь персональных выставок, характеризующих кредо его творчества: «Художник – это тот, кто открывает множество пластических возможностей». Названия выставок это подтверждают, например «Строительные натюрморты» (1984), «Арт-Студия» (1994), «Рыботерапия – сеанс 1» (1999), «Nature Morte – Живой объект» (2000), «Из коллекции К. Шкурпелы» (2004), «Торс Хабитат» (2001), «... и другое пространство» (2003), др.

Работы находятся в музеях Бишкека, Москвы и частных коллекциях десятка зарубежных стран.

В 1967 году художниками Осташевым А.С. и Нуделом Р.Б. в Союзе художников была организована студия рисунка. Теодор Герцен, только что окончивший ВУЗ, был назначен руководителем этой студии и был им в течение 10 лет, до 1979 года. В следующее десятилетие руководил студией я.

Для натурной работы приглашалась модель для позирования. Т. Герцен практически не пропускал этих занятий. Рисовал с разных ракурсов, работал быстро, точно, выявляя характер модели.

Посещали студию разные по взглядам, индивидуальному почерку и возрасту художники. Одновременно сходились три поколения: старшее – А. Осташев, Р. Нудель, С. Бакашев,

Т. Герцен; среднее – В. Зухин, С. Дараган, В. Рупсель, я, В. Бояркин; младшее – А. Шведов, З. Короткова, Н. Евсеев и другие художники.

Т.Т. Герцен.
Спящая.
1990.

Было много разговоров об искусстве, обмен мнениями превращался часто в спор и эти споры иногда действительно «рождали истину», помогая нам, более молодым, понять цели искусства, смысл жизни художника. Из этих занятий, споров, неформального общения каждый для себя открывал много нового, приходил к пониманию «себя в искусстве»:

- когда нет познания – нет искусства,
- рисунок упорядочивает видение и сознание,
- постоянные занятия рисунком уточняют линию, как границу взаимодействия формы пространства,
- художник – интеллектуальное зеркало общества, субъективная составляющая – кривизна этого зеркала,
- художник не обязательно может быть признан, возможно, он идет несколько впереди общества,
- духовное составляющее искусства – это то, чему научиться нельзя. Только собственные усилия художника, стремящегося к постоянному познанию самого себя, а значит и изменению – являются духовным стержнем развития.

Многое из того, что изложено выше, напрямую относится и к Т. Герцену, который жил девизом: «ни дня без строчки».

Из воспоминаний Шнайдер Ольги Андреевны

*Предоставлено автором
специально для данного
издания.*

2-ое декабря 1942 года был день, когда состоялось наше первое знакомство с Теодором – Федей Герценом (так мы называли его в детстве, так решила его мама, чтобы сына не путать с отцом, тоже Теодором, т.к. по традиции старшего сына в семьях называли именем отца).

Итак мы, дети, провожали наших мам в Трудовую армию, а сами оставались на попечении старых бабушек, т.к. наши отцы были взяты в Трудовую армию еще раньше. «Дети попрощайтесь со своими мамами» - слова эти прозвучали как набат. Поднялся ужасный рев и стон, нас еле оторвали от материнских юбок и увели в село, а наши мамы с плачем ушли в Джамбул к поезду пешком. Федя рыдал особенно горько, ему уже было 7 лет и он гораздо лучше, чем я (мне было 5 лет) представлял свое будущее без мамы. А дальше были долгие голодные и холодные месяцы и годы. В те годы в Таласской долине в Киргизии было особенно холодно. Первое Федино письмо маме имело такое содержание: «Мама, если ты скоро не приедешь домой, то мы умрем с голода». Мама приехала домой, вместо нее в Трудовую армию отправились бабушка с младшей дочерью. А маму оставили дома с условием, что она будет обрабатывать один гектар табака. Это очень кропотливый и тяжелый труд. Если бы курящим людям пришлось год проработать на табаке, они бы сразу бросили курить. Феде с его юных лет пришлось работать на табаке наравне с матерью, кроме этого он рубил торф, стоя по колено в воде, рубил ветки облепихи, которые густо разрослись на берегу реки Талас. Федя нес эти колючки домой и топил ими печку. Часто его детские плечи были в царапинах, из которых сочилась кровь. Весной Федя с другими ребятами вылавливал из бурной реки Ур-Марал деревья, которые быстрым течением реки вырывались с корнями. Нужно знать горные реки, чтобы понять, насколько это было опасно для детей 7-10 лет. В домашнем хозяйстве был еще скот, для которого тоже нужно было доставать корм. Во всех домашних работах маленький Федя заменял отца, который еще долгие годы был в Трудовой армии.

С 4-го класса мы учились с Федей в одном классе, он отстал от своих сверстников, потому что не ходил в школу: не в чем было. Уже с этих лет он проявлял ко мне особое внимание: носил мои сумки, когда мы ходили в горы или лес, учил ездить на велосипеде, помогал мне выполнять мои домашние дела. Особенно много помогал мне дома после смерти моей мамы, когда мы учились в 7-м классе.

Теодор был разносторонне увлекающимся мальчиком, он играл на гармонии и гармошке, занимался фотографией и рисовал. Рисовал при керосиновой копилке (электрический свет у нас появился, когда мы были в 10-м классе). Время для рисования у него было утром один час перед школой, после того как он заканчивал свои утренние домашние дела. За что бы Федя ни брался, все делал восторженно, не задумываясь, хорошо или плохо он это делает, верил в успех, и успех приходил.

Из письма ко мне (2001): «В училище и в институте я был всегда лучшим на курсе, даже диплом защитил на отлично, с похвалой Государственной комиссии. Мой диплом печатался во всех крупных изданиях по советскому искусству».

Сейчас на склоне лет все чаще вспоминается прекрасное время юности, когда я постоянно чувствовала рядом преданного Федю, когда он на каждой перемене клал мне на парту свои рисунки и смотрел на меня восхищенными глазами, когда я всегда на «отлично» отвечала уроки. Все это придавало мне уверенности и силу в моей нелегкой сиротской жизни.

За время учебы в школе были расставания и встречи, была активная переписка, были объяснения в любви и надежда на будущее. И вот отменили необходимость расписываться еженедельно в комендатуре. Ура! Мы больше не спецпереселенцы, хотя нас никто никуда не выселял, но мы были немецкими детьми, поэтому не имели права выходить за пределы села.

Т.Т. Герцен.
Портрет
Ольги Шнайдер.
2001.

Итак, мы получили возможность ехать учиться. И мы поехали в разные города и расстались с Федей. Мечта его исполнилась: он поступил в художественное училище во Фрунзе.

Мы не встречались с Федей 43 года, несмотря на то, что мы часто ходили по одним и тем же дорогам. Судьба?! Он женат, я замужем и у обоих дети, которых надо было вырастить. Наверное, так должно было быть.

Встретились мы на выставке его работ в Дюринге в Германии в 1997 году. Для него это было большой неожиданностью, как и для меня, узнавшей накануне о его выставке. Он меня не сразу узнал, естественно нам было обоим за 60, а я бы его узнала и в тысячной толпе по его взгляду – те же светящиеся особым светом все еще юношеские глаза.

Во время открытия выставки было много народа, было сказано много красивых восторженных слов по поводу его картин. Я все это не воспринимала, я видела только его любимые глаза. Как потом оказалось, эта встреча не прошла бесследно и для него. Из письма: «Меня преследует такая навязчивая мысль, что в 1997 году в Дюринге наша встреча, о которой я и мечтать не мог, была далеко не случайной, судьба нам подарила этот миг для размышления, наверно на небе уже было все запрограммировано, конечно, все это мистика, но анализируя события, поневоле поверишь в это. Ведь это случилось ни раньше, ни позже. Умер отец Дили – известный живописец А.И. Игнатъев. Вскоре заболела и Дили. Я тоже оказался на операционном столе. Ушла из жизни Дили. Несмотря на все эти удары судьбы, я стал вспоминать о тебе. Ты мелькала в сознании и мечтах как звезда далекой юности, свет от которой то сверкал, то исчезал, одним словом, как все далекое и абсолютно недоступное. Наверное, юношеская любовь, наполненная романтикой и мечтами, полностью никогда не умирает, а продолжает жить независимо от реальности». (Август 2000 г.)

Итак, нашу юношескую любовь мы пронесли оба через всю жизнь. В сентябре 2000 года мой принц прилетел за мной в Германию. Тут же выяснили недоразумения, из-за которых когда-то расстались без объяснений.

Живя вместе, мы не переставали удивляться, как мы могли при таком родстве душ, при таком полном взаимопонимании так глупо расстаться. Он побоялся, что я не смогу понять его ищущую творческую натуру, его стремление стать художником. Я же всю жизнь «подбирала» для него красивые пейзажи и спрашивала себя, какой из них он бы написал.

Назавтра после нашей встречи он нарисовал очень интересную картину. Эту картину все, кто ее видел, называют шедевром, и я уверена, ей предстоит большое будущее. Картина имеет глубокий философский смысл. На ней через завесу пыли еле пробиваются солнечные лучи и по бескрайней степи бредут два старичка – киргиза, дружно держась за руки, и ведут за собой груженого ослика. «Вот такая кочевая у тебя теперь будет жизнь» – сказал Теодор мне – «Я тебе покажу Киргизию не ту, которую ты знаешь, а ту, которую я люблю». Приехав в Бишкек, мы съездили на Иссык-Куль и в горы вроде бы отдохнуть. Но об отдыхе он и не думал. Вставал в 5-6 часов утра, ходил на озеро или в горы, чтобы застать рассвет, возвращался к 9 часам к завтраку уже с готовым этюдом. Впрочем, он отдыхал, когда рисовал.

Пейзажи Теодора, выполненные пастелью, прекрасны, они наполнены воздухом, в них чувствуется такая глубина, что их можно не просто смотреть, с ними

живешь, в них хочется войти и идти далеко, далеко до самого горизонта. Я наблюдаю за людьми, которые посещают выставки, их восторг не поддается описанию. Все, что он рисовал, оживало под его кистью. Стоило ему начать портрет, и уже через 15 минут можно было узнать точно человека, сидящего перед ним. Нарисованный букет цветов хочется понюхать, кисточку смородины – съесть, потому что каждая смородинка блестит на солнышке как живая. Стекланную вазу никак не спутаешь с хрустальной вазой. С псом «Рекс», замершем на этюде, я разговариваю потому, что он такими умными глазами смотрит на меня, и я не могу остаться равнодушной. Я не искусствовед, чтобы оценивать, но не перестаю восторгаться каждой картиной. «Ты, Оленька, не объективна ко мне», – говорил мне Теодор.

Природа Киргизии постоянно подпитывала его воображение, она его изумляла своими красками, покоем, простором, и он старался схватить и изобразить каждое чудное мгновение. Так, когда мы прилетели из Германии в аэропорт «Манас» в Бишкек ранним утром, перед нами открылась панорама: лучи восходящего солнца озаряли вершины гор, отчего горы казались до половины розовыми, они блестели на солнце сквозь легкий светлый туман. Этот удивительный пейзаж Теодор изобразил несколько раз в разных вариантах, и каждый из них бесподобен.

Недолго нам пришлось кочевать из Германии в Бишкек и обратно. В марте 2001г. начала прогрессировать его болезнь, в Бишкеке врачи ничего определить не смогли, а лететь в Германию на обследование он отказался, потому что он должен был сделать надгробие на могиле жены, тоже художника, и организовать выставку ее живописи к годовщине со дня смерти. Такой вот он был обязательный человек, долг его стоял всегда на первом месте, а забота о себе – на последнем. В Германии продолжалось хождение по врачам и больницам, бесконечные химиотерапии, которые он переносил с удивительным мужеством. Он любил жизнь и хотел жить: «У меня еще так много идей», «Как хочется их претворить», «Теперь, когда я так столько умею, я должен так болеть!». У него было большое желание оформить еще альбом – путеводитель для туристов по Кыргызстану со своими замечательными картинами-пейзажами, но для этого нужно было связаться с людьми, живущими в Бишкеке или ехать самому туда, а на это у него уже не было сил, поэтому он стал оформлять календарь на 2003 год. Спонсировал его наш односельчанин из Таласской долины предприниматель Владимир Пенсик. Kunstkalender получился изумительный, в нем использованы оттиски с гравюр из эпосов «Манас» и «Песни о Нибелунгах», в середине каждого листа расположены прекрасные пейзажи любимого им Кыргызстана.

Он жил надеждой еще попасть в родную Киргизию. Ему очень часто снилось, что он пьет родниковую воду Таласской долины, просыпаясь он даже чувствовал ее вкус. С какой радостью я бы его напоила, но, увы,... как больно было чувствовать себя бессильной! Теодор мечтал еще раз поехать в киргизские горы, чтобы запечатлеть новые пейзажи и подышать горным воздухом! Наконец, в мае 2002 года врач отменил на время химиотерапию и разрешил поехать в Киргизию. Мы с Теодором использовали эту короткую поездку, чтобы распорядиться всем, что он наработал за многие годы, потому что он прекрасно понимал, что такой возможности больше может не появиться. Все гравюры к эпосу «Манас» (более 200), над которым он работал 8 лет, остальные гравюры по книгам Токтогула, Е. Исасва, Т. Шевченко, по народным сказкам (всего около 600 штук) были подарены

*Т.Т. Герцен.
Автопортрет.
1963.*

Кыргызскому Национальному музею изобразительных искусств имени Г. Айтиева.. Гравюры к немецкому эпосу «Песнь о Нибелунгах» Теодор подарит по возвращении в Германию музею «Andreassilt» города Worms, городу, в котором происходили по преданию события, описанные в эпосе. С августа по октябрь 2003 года в музее г. Worms пройдет после ухода из жизни автора выставка этих гравюр. А пока в Бишкеке Теодор раздал своим друзьям-художникам краски, кисти, бумагу, т.е. все, что можно было еще использовать для работы. Очень взволновали Теодора проводы, организованные сотрудниками музея в честь его отъезда, для дальнейшего лечения, в Германию. В горах мы так и не побывали: здоровье не позволило.

В Германии лечение продолжалось, но Теодор становился все слабее и слабее. Как только выдавалась благополучная минута, он опять рисовал пейзажи своей Родины, скачущих коней, девушек-киргизок в национальных костюмах и натюрморты. Он говорил, что рисует натюрморты для тренировки. Рисовал и пел. А пел он прекрасно, пел песни нашей молодости. Песни Жанны Бичевской про диссидентов его особенно волновали. Хочется особо отметить сюжет картины, которую он писал трижды, но каждый раз с небольшими изменениями: ужасная пурга, сквозь пыльную бурю пробивается одинокий человек, который еле-еле, согнувшись, бредет, преодолевая огромное сопротивление ветра. «Это каждый раковый больной сам бьется сквозь пургу и должен сам справляться со своей болезнью, хоть это очень трудно», - объяснял Теодор содержание картины. Последнее, что он написал, была целая серия весенних букетов, цветы мы собирали с ним в близлежащих парках.

В Теодоре были совмещены все положительные качества, которые себе можно представить: интеллектуальный, с огромным багажом знаний, он мог говорить на любые темы, с ним всегда было интересно. При каждой возможности мы ходили на прогулки, и он рассказывал, рассказывал о художниках, о своей учебе, учителях, о своей прошедшей нелегкой жизни. Из письма: «Трудных периодов

хватало, т.к. я все же немец и мой путь не был устлан цветами, было больше кочек. Можешь сама догадаться, если немцу присвоены самые высокие титулы в республике: Народного художника и Действительного члена Академии Художеств Кыргызстана, это нужно было заработать».

Теодор был удивительно скромным, никогда ничего не требовал для себя, боялся быть обузой для окружающих и много переживал о других, особенно о своих детях, не продолживших династию. Он очень переживал, что никому из них не смог передать то, чего сам достиг в результате многолетнего кропотливого труда. Он очень часто с большой любовью вспоминал своих родителей. Отцу он был очень благодарен за анализ работ, выполненных в студенческие годы, за здоровую критику. «Я привозил домой чемоданы, полные этюдов, и отчитывался перед отцом». Его отец, Теодор Гергардович, был образованным интеллигентным человеком, который умел очень многое: он работал бухгалтером, председателем колхоза, учителем рисования и черчения, знал несколько языков, был прекрасным поэтом и великолепным художником – самоучкой. Он очень влиял на становление Теодора как художника. Некоторые приемы, подсказанные отцом, Теодор использовал всю жизнь. Например, чтобы увидеть лишнее в рисунке, отец его ставил картину, над которой работал, вверх ногами. Что при этом бросается в глаза – это и нужно убрать. Теодор Гергардович Герцен с сыном основал в селе Орловка Таласской долины музей, в который они собрали уникальную коллекцию картин (1200 единиц). Многие из них написаны отцом и сыном. «Десятки лет отец и сын Герцены посвятили искусству, чтобы мы, орловчане, могли с радостью видеть в их работах красоту нашей Родины, красоту нашего края. Немало зарубежных гостей удивлял этот факт, что в таком глухом краю эти два, преданные искусству, человека создали уникальный музей», – из письма нашего односельчанина Густава Вала, написавшего книгу об Орловке и ее жителях.

Последние годы Теодор часто вспоминал свою маму, восторгался конкретностью ее мышления, ее напористостью по отношению к домашним. Эта маленькая

*Т.Т Герцен.
Родители.*

женщина умела беспрекословно подчинять себе мужа, трех сыновей и дочь. Теодор часто использовал в разговоре народные поговорки и пословицы, услышанные от мамы Анны Яковлевны и с удовольствием пересказывал маленькие рассказы с большим поучительным смыслом. Один из них: «Женщина решила покончить жизнь самоубийством, не могла больше переносить удары судьбы. Выходя из села, еще раз оглянулась на свой дом, на крыше светился маленький крестик, на других же домах были тоже кресты, но намного больше, чем ее. «Оказывается я еще не самая несчастная», – сказала себе женщина и вернулась домой».

У Теодора была феноменальная память. Приходилось только удивляться, как много он помнил наизусть еще со времен юности. Память свою он развивал всю жизнь.

Теодор имел огромную силу воли и желание жить. «Теперь, когда мы с тобой встретились, я должен так болеть!?». В этом ужасном состоянии, тяжело больной, он меня утешал, когда я начинала отчаиваться: «Вот посмотришь, я выберусь, я обязательно выберусь». Посторонним он старался не показывать своих страданий и был приветлив, даря улыбку, преодолевая боль...

И в то же время Теодор был очень чувствительным и ранимым. Долго переживал, если задуманный сюжет сразу не получался так, как ему хотелось, сетовал на то, что он потерял форму, потому что недостаточно рисует и, несмотря на плохое самочувствие, садился перед мольбертом и рисовал. И в последний день его жизни у него не пропала надежда на выздоровление: «Еще 2-3 дня, и я опять поднимусь, и буду рисовать», – сказал он мне. «Человек с сильной волей и тонкой душой», – так характеризуют его в одной газетной статье.

«Иногда листая книги, сделанные мной, или пересматривая слайды с моих рисунков и картин, мне приятно, что это все родилось в моей голове и выполнено моими руками. Ради этого стоило жить», – писал он мне в августе 2000 года.

Многие знакомые в Германии ждали его выздоровления, постоянно звонили, спрашивали о его здоровье, посещали нас и надеялись, что он еще сможет написать их портреты. Часто посещали нас работники киргизского посольства, нужно отметить Толенды Макеева, они были с Теодором хорошими друзьями.

Уезжая из Бишкека летом 2001 года, немецкий посол в Кыргызстане Peter Wienand сказал мне: «Frau Olga, passen Sie gut auf ihn auf». И я ухаживала за ним и помогала ему, сколько было моих сил, но не из-за слов посла, а потому, что Теодор мне был очень дорог, так же как и я ему. Он постоянно повторял: «Как я счастлив, что ты у меня есть». И я очень счастлива, что судьба позволила мне какое-то время быть около этого известного и значимого в мире искусства человека и, в то же время, родного и близкого. Поить его различными травяными отварами, которые должны были продлить жизнь, ездить с ним к врачам, сидеть около него в больничной палате, помогать ему во всем: обнадеживать, рассеивать его сомнения...

Осталась неутраченная боль в душе, могила и чудесные картины, которые напоминают мне об этом человеке.

Февраль 2005 год.

Марина Шнайдер,
журналист

Как след звезды ...

*Последнее интервью с
Т.Т. Герценом журналиста
М. Шнайдер.*

*Печатается с разрешения
автора с некоторыми со-
кращениями.
М. Шнайдер – дочь О. Шнай-
дер, родилась и выросла в
Киргизии. В конце 1980-х
выехала с матерью на ис-
торическую родину.*

История российских немцев была бы неполной без рассказа о людях, которые, вопреки всем трудностям, добились признания, славы и почета. Несмотря на репрессии, депортацию, трудлагеря, условия комендатуры, из среды российских немцев выходили художники, писатели, музыканты – «золотой фонд» той страны, которая пыталась истребить этот народ. Один из них – Теодор Герцен, член Союза художников СССР, народный художник Киргизской Республики, заслуженный деятель искусств Киргизской ССР, действительный член Академии художеств Киргизии. Его путь к признанию и регалиям лежал через множество преград. Однако талант и огромное трудолюбие победили. Теодор Герцен стал художником с мировым именем. В марте этого года ему исполнилось бы семьдесят лет.

Исполнилось бы... Было бы... Очень трудно писать об этом человеке в прошедшем времени. Светлый, чудесный, солнечный человек. Умница, интеллигент, труженик.

Последние годы его жизни прошли в нашей семье, в Германии, в городе Хюрте, под Кельном. Рядом с ним была моя мама, его первая любовь. Они выросли в одном немецком селе Орловка, в Киргизии. Моя мама, в тринадцать лет оставшаяся без матери, нашла в этом курносом мальчишке помощь и понимание. А он посвящал ей первые свои работы. Так случилось, что судьба развела их, восемнадцатилетних, на многие годы и соединила только спустя пятьдесят лет, к тому времени овдовевших. Но и эта встреча – несколько лет счастья – была коротка. В прошлом году, после тяжелой болезни Теодор Теодорович ушел из жизни.

Не верится... Так не хватает его юмора, улыбки, долгих разговоров обо всем на свете... После его смерти, ощущая незатухающую мамину боль, я поняла, что счастье, оказывается, выражается в такой простейшей формуле: идти по осеннему парку, путаясь в листве, разговаривать полусловами, и знать, что тебя слышат и понимают.

О нем написано множество статей, не раз снимались документальные фильмы, как кыргызскими, так и немецкими документалистами, но его последнее интервью – это наш с ним разговор, который прозвучал в свое время на радиостанции

«Немецкая волна». Я включаю магнитофон и слышу его неторопливую речь, многословную – когда идет речь о работе, о друзьях, о коллегах, Кыргызстане, краткую – когда речь идет о нем самом. У него была особая манера говорить о самом себе. Человек, имевший признание во всем мире, мог легко и непринужденно пошутить по поводу своей персоны – черта, присущая тому, кто осознал полноту и всеобъемлемость мира и место человека в нем:

– Однажды моя мама продала в городе масло и купила мне коробочку цветных карандашей. Мне казалось, что это самое лучшее, что только может быть. Первые рисунки, которые я ими сделал, были петух и почему-то Кремль, – Теодор Теодорович весело смеется и добавляет:

– Правда, сельский учитель рисования, зашедший к нам домой, раскритиковал меня в пух и прах. Помню, я горько плакал, а бабушка утирала мне слезы и уговаривала: «Не плачь, будешь художником, будешь». Рисовать было особенно некогда, для своего любимого занятия я утром вставал в пять часов, а потом надо было печку топить, скотину кормить. Мы с бабушкой всегда ходили в молитвенный дом, и я просил Бога, чтобы он меня художником сделал. Бабушка всегда ругалась: «Такие просьбы к Богу не обращают. О душе надо думать!» А я думал: «А зачем мне душа, если я не буду художником?»

Закончил семь классов в нашей сельской школе и думаю: «Все, теперь учиться поеду. Но мои мечты быстро кончились, когда дело дошло до спецкомендатуры. Это был пятьдесят первый год»

Талантливому мальчику из немецкой деревни предоставили единственную возможность получить образование – в горно-промышленном училище города Кызыл-Кия. Школа, прямо скажем, далекая от искусства. Да и расположена была где-то у черта на куличках, в самой что ни на есть глубинке Киргизии.

– Все уезжали на хлопок, я, как немец, не мог на сельскохозяйственные работы ехать. А вдруг какое вредительство учиню? И я работал в кузнице. Я вообще-то им благодарен за это. Многому научился..., – тут Теодор Теодорович, вспоминая далекую юность, опять заулыбался в свои пушистые усы. – Здесь, в училище, я продолжал много рисовать. Когда окончил, пошел на шахту работать машинистом электровоза. Сейчас это смешно вспоминать, но я возил уголь. Потом вдруг на шахту приехал замминистра трудовых резервов. Было такое министерство, которое отвечало за все училища. Он ходил по шахтерским общежитиям и смотрел, как живут выпускники. Когда к нам зашел, спросил: «Кто это так рисует? Когда он узнал, что это мои рисунки, сразу к начальнику шахты обратился: «Этого мальчика уволь. Пусть учиться едет».

Шел 1954 год, переломный в судьбе российских немцев. После смерти Сталина во многих местах был снят особый режим поселения – комендатура. Появилась возможность уехать в город. Молодежь из немецких сел, полная иллюзий и веры в свое будущее, ринулась в города, «за образованием». Среди них был и «парень из Орловки», как потом писали газеты. Первая «Альма-матер» будущего знаменитого художника – Фрунзенское художественное училище:

– Стипендия была мизерная. Я строил сарай, что только ни делал. А когда понял, что на этом мало заработаю, начал ковры рисовать. Лебедей там всяких, красавиц. У меня был такой коронный номер, где охотники под деревом отдыхают. На базаре такие ковры шли нарасхват. Как бы там ни было, а мы все жили на эти деньги. Вся наша комната. Работал страшно много. На просмотр нес узлы работ.

Училище окончил с хорошими отметками, по результатам мог бы ехать учиться дальше, но мне директор сказал: «Не забывай, кто ты такой. Ты никогда не поедешь учиться». А я хотел в Москву, в Суриковский институт. В училище, которое я окончил, не дали мне ни одного документа об окончании, но я все-таки поехал в Москву. Вместо документов привез с собой облезлый чемодан полный работ. Удивительно, что меня допустили к экзаменам, и я их даже сдал! Но, естественно, меня не взяли, сказали, привези хоть что-нибудь, хоть аттестат зрелости. Пришлось уехать домой, в родное село.

И все-таки, год спустя он добился своего: стал студентом Московского высшего художественно-промышленного училища, знаменитой Строгановки.

Через шесть лет, с дипломом художника-монументалиста в кармане, он отправился в родную Киргизию, где и начался самый главный период его жизни: становление как художника на фоне пятой графы в паспорте: «национальность – немец».

– Первое время, когда я приехал обратно в Киргизию, меня спрашивали: «Зачем ты сюда приехал?» Я отвечал, что приехал домой, в Киргизстан. Вот тут надо было уже не словом, как говорится, а делом подтверждать, что я хочу именно здесь жить и здесь работать. Это была борьба, которая длилась довольно долго, до середины восьмидесятых годов.

Когда бюрократы от искусства особенно «перекрывали кислород», Герцен собирал свой старый рюкзак и отправлялся в горы. Здесь, наедине с природой, он был свободен от предвзятых оценок, зависти недоброжелателей и всемогущего ока пятой графы.

Киргизские горы! Здесь сконцентрированы все мыслимые и немыслимые красоты неба и земли. Эти обнаженные скалы, кристальная прозрачность воздуха, бархатная горная зелень, туман, прикрывающий ущелье и побеждающий его луч солнца! Можно просто захлебнуться от чувства счастья, встречая ранним утром рассвет или ночью, улетаая мысленно в ясное небо, усеянное звездами. Есть ли на земле еще красивее места, где мы родились и выросли?!

Т.Т. Герцен.
Портрет
Марины Шнайдер.
2001.

Его называют «горным художником», и это верно: большую часть жизни он провел в горах. Его называют мастером национального портрета. И это тоже верно. Это не только хорошая школа, труд и вдохновение творческого человека. Это – искра Божья. Герцен выиграл конкурс проиллюстрировать киргизский народный эпос «Манас», тысячелетие которого несколько лет назад праздновалось под эгидой Генеральной ассамблеи ООН.

«Степная киргизская Илиада», как порой называют эпос «Манас», считается одним из самых древних памятников устного народного творчества в мире. В течение целого века сказание передавалось из уст в уста. Его первая письменная запись появилась в 1885 году. Ее сделал ученый из Петербурга Вильгельм Радлов, немец по национальности. Вначале на русском, а потом на немецком языках, благодаря чему «Манас» стал известен в Европе. По сути, это было первое киргизское произведение, переведенное на другой язык. С тех пор эпос переиздавался много раз. Теодор Герцен проиллюстрировал его последнее издание, которое вышло в четырех томах. Он работал над созданием своего «Манаса» восемь лет. Но увлечение было настолько сильным, что после выхода издания в свет художник вновь вернулся к этой теме, написав цикл пастелей и живописных картин маслом.

Российский немец создал свое видение народного сказания, которое по словам Чингиза Айтматова, является вершиной духовного богатства киргизского народа, национальной гордостью... Как отнеслись к этому факту киргизские художники?

– Тут как раз были свои «подводные камни». Но манасовед, отвечающий за этот проект, ко мне хорошо относился. Когда я закончил работу, он мне подарил эту книгу с надписью: «Теодору, большему киргизу, чем я сам». Конечно, сам я себя киргизом никогда не считал. Но так было суждено, что немцы сыграли огромную роль в киргизской культуре. Так оказалось, что мы прониклись их историей.

Удивительно, что немецкая тема в творчестве Герцена выразилась также народным эпосом – на этот раз немецким – знаменитым сказанием «Песнь о Нибелунгах». Цикл иллюстраций к «Нибелунгам» был выполнен за невероятно короткий срок. Герцен работал одержимо, без отдыха и не рухнул лишь потому, что жил надеждой увидеть результаты своего труда напечатанными. Книга была издана в Германии и быстро здесь разошлась, заняв почетное место в библиотеке Вормса, городе, связанном с историей Нибелунгов.

Последние годы немецкая тема присутствовала в творчестве художника в иной ипостаси. Вместе с писателем Алексеем Штраусом он начал работать над книгой «Память», посвященной трудармейцам Киргизии. Сегодня книга готова к изданию, но обоих авторов нет с нами. Как видно, профинансировать издание книги, которая находится в Киргизии, практически некому. А это и больно, и несправедливо.

Сегодня Теодора Герцена нет с нами. Но остались его картины. И это – счастье! Я всматриваюсь в работы Теодора и вижу не только мастерство, талант и вдохновение художника. Я чувствую, как от картин исходит какая-то огромная эмоциональная сила, исцеляющая душу, сердце, расправляющая мою суть, изрядно потускневшую в борьбе «за место под немецким солнцем». Он ушел, но он здесь. Как след звезды, которой теоретически уже нет на небосклоне, но которая надолго занимает свое место, очаровывая, вдохновляя, радуя. И я благодарю Бога за то, что этот человек был в нашей жизни. Единственно, с чем не хочется мириться – его нет...

*Из воспоминаний
музыканта и друга
Рюбе Валерия*

... Как-то Теодор Герцен рассказал мне, как он, оказавшись вместе с руководителем камерного оркестра «Виртуозы Москвы» на высоком приеме, услышал оценку своего творчества и разгадку своего имени. Владимир Теодорович Спиваков заметил, что не столь часто встречаются люди с именем «Теодор». В переводе с латинского оно означает «Дар Богов». Но впервые в жизни он сидит рядом с человеком, отец которого, как и сын, тоже Теодор – Дар Богов вдвойне! – воскликнул известный музыкант. Работы Герцена, висевшие на стене, подтверждали эту двойную мощь таланта художника. Но если вспомнить отца Герцена – Теодора Гергардовича и его просветительскую деятельность, то можно убедиться, что и он оправдывает свое имя. Фамилия Герцен (сердце) также о многом рассказывает.

*Из выступления посла
Кыргызской Республики в
Федеративной Республике
Германия
А. И. Сарыгулова на
похоронах Т.Т. Герцена
7 июля 2003 года*

«Редчайшее качество Теодора Герцена заключается так же в том, что он был счастлив в работе. Это позволяло ему до последних дней своей жизни не терять силу духа и реализовать новые творческие идеи, создав большой цикл великолепных пейзажей о родном крае.

Он останется в нашей памяти не только как один из талантливейших художников, но, прежде всего, прекрасным человеком, с открытой душой и величайшим, добрым сердцем. У Теодора Герцена была особая аура, от бога, которая несла окружающим его людям только тепло и радость».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

До своего 70 – летия Теодор Теодорович Герцен не дожил два года. Юбилей художника широко отмечали как в Германии, так и в Кыргызстане.

В городе Бишкек к 70-летию Народного художника Кыргызской Республики Т.Т. Герцена Общественное объединение «Народный совет немцев» при поддержке Посольства Федеративной Республики Германия в Кыргызской Республике и Германского общества по техническому сотрудничеству в Кыргызстане в партнерстве с Кыргызским национальным музеем изобразительных искусств имени Г. Айтиева провели ряд мероприятий – знак памяти и уважения к человеку, оставившему глубокий след в истории и культуре Кыргызстана.

15 марта 2005 года состоялось открытие памятной выставки произведений Теодора Герцена и его супруги Диль-Фируз Игнатъевой в музее изобразительных искусств, где проходила конференция, посвященная памяти двух замечательных кыргызских художников. Была открыта мемориальная доска на доме, в котором жили художники, ее автор – художник, их современник, Заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики Вячеслав Викторович Копотев.

Эстафету мероприятий по увековечиванию памяти Народного художника Кыргызской Республики Теодора Теодоровича Герцена продолжает проект «Герцен и современники», реализацию которого осуществляет Общественное объединение «Центр немецких традиций и культуры» при поддержке Министерства иностранных дел Германии, Посольства Федеративной Республики Германия в Кыргызской Республике и программой по поддержке искусства и культуры Швейцарского бюро в Кыргызстане.

В рамках проекта были проведены следующие мероприятия:

- Двухнедельная выставка произведений Т. Герцена, его супруги Д-Ф. Игнатъевой и десяти известных художников Кыргызстана А. Ботоканова, В. Буторина, А. Горева, А. Каменского, Н. Конгурбаева, В. Копотева, Т. Курманова, А. Осмонова, В. Улитина, В. Шестопада – открытие 28 марта 2007 года

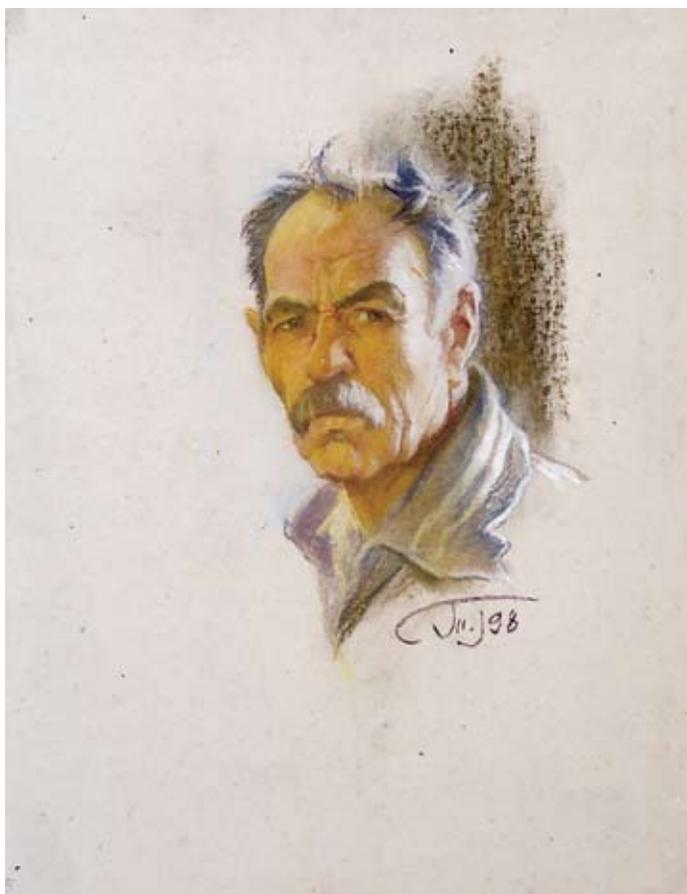
- Встречи художников – современников Т. Герцена со школьниками и студентами городов Талас и Нарын – июнь 2007 года

- Издание книги «Герцен и современники» и мультимедийного диска «Теодор Герцен» – октябрь 2007 года

Время показало, что Теодор Теодорович принадлежит к числу людей большого искусства. И боль утраты талантливого художника, прекрасного человека – Теодора Герцена, превратилась в светлую память о нем.

РЕПРОДУКЦИИ И

Герцен Теодор Теодорович

Автопортрет. 1998,
к., пастель.

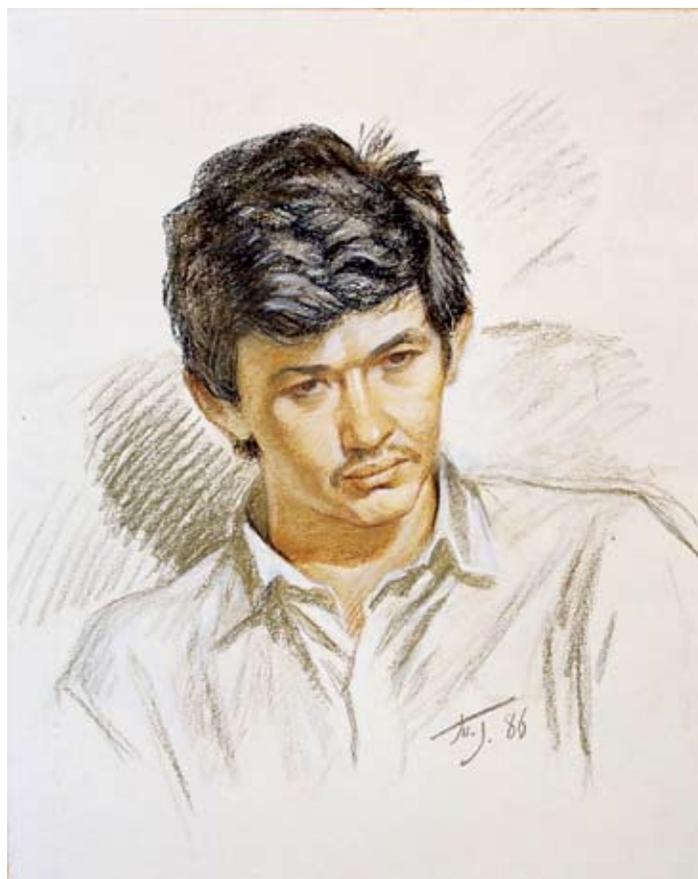
Портрет Дили. 1991,
к., пастель.

Бегаим. 1996,
к., пастель.

Старик. 1999,
к., пастель.

Александр. 1986,
к., пастель.

Портрет дочери. 1985,
к., пастель.

Мужик. 1991,
к., пастель.

Писатель Шарыккул Эсенгул уулу. 1996,
к., пастель.

Серия «Из жизни села». 1988,
к., пастель.

Асан. 1989,
к., пастель.

Кошара в горах. 1989,
к., пастель.

Лодки. 1986,
к., пастель.

Боомское ущелье. 1977,
к., пастель.

Пейзаж с верблюдами. 1987,
к., пастель.

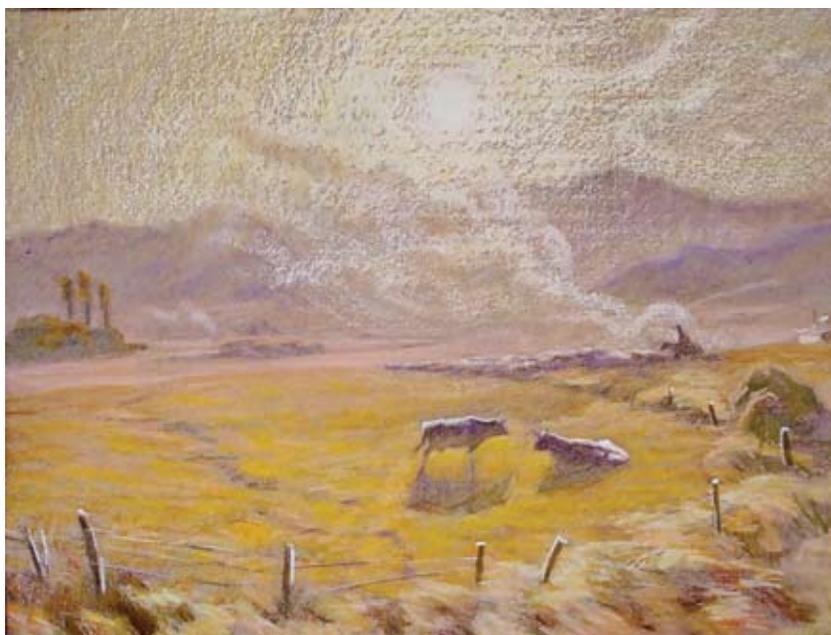
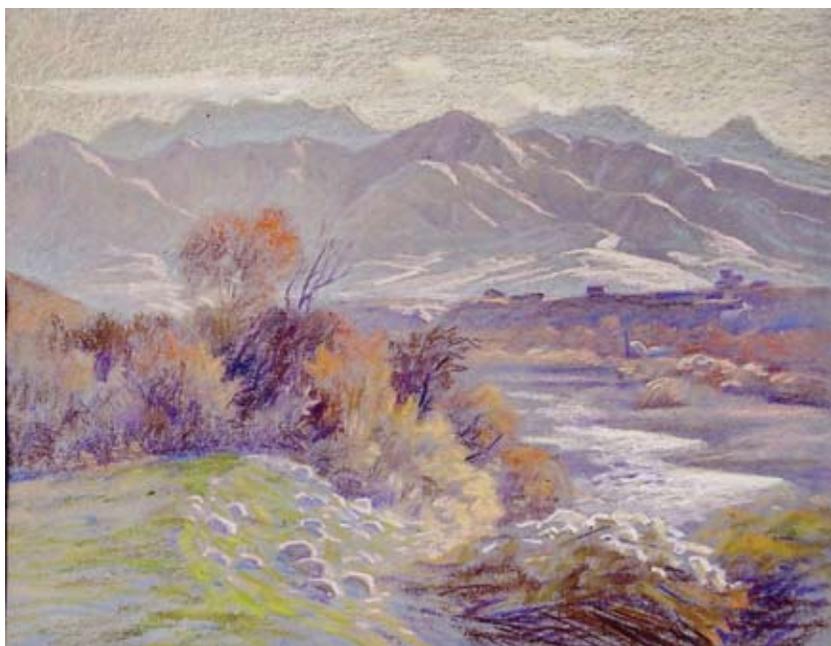
Земля и небо. 2001,
к., пастель.

После сенокоса. 2001,
к., пастель.

Из серии «Мелодии кыргызских гор» последних лет.

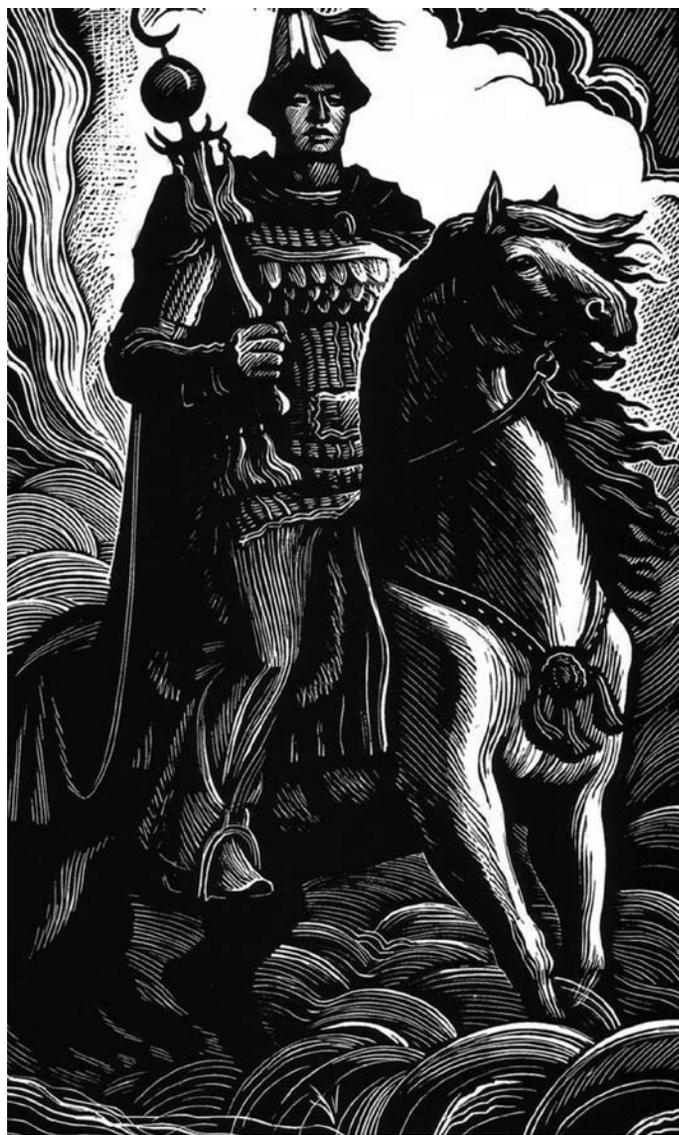
Иллюстрации к эпосу «Манас». 1972-1980.

Манас - великий хан.

Канькей. Доспехи для Манаса.

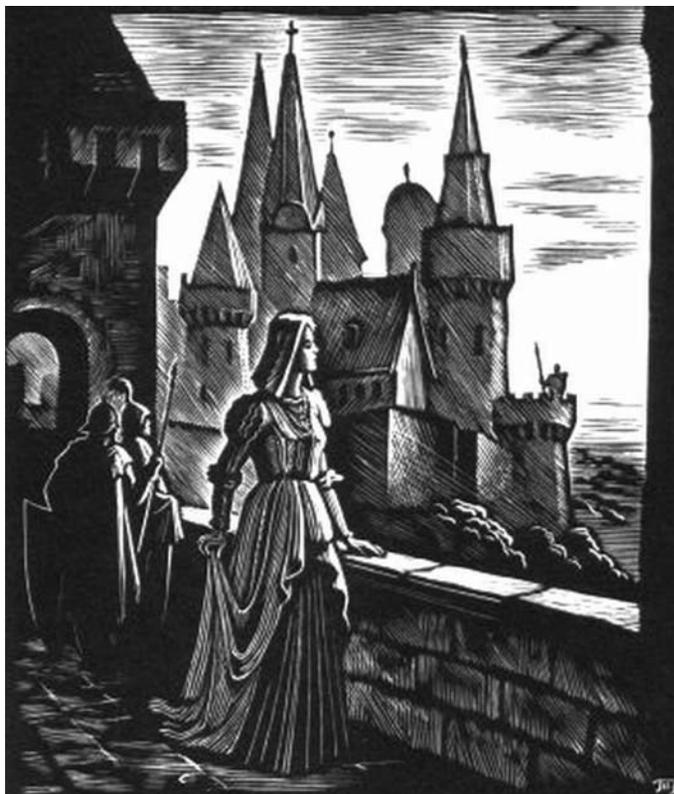

Молодой хан Манас.

Кыз Сайкал.

Иллюстрации к немецкому эпосу «Песнь о Нибелунгах». 1991-1992.

Кримхильда.

Корабль Гюнтера в море.

Эпилог.

Этцель, Кримхильда и их сын Ортлиб.

Ботоканов Алымкул Турпанович

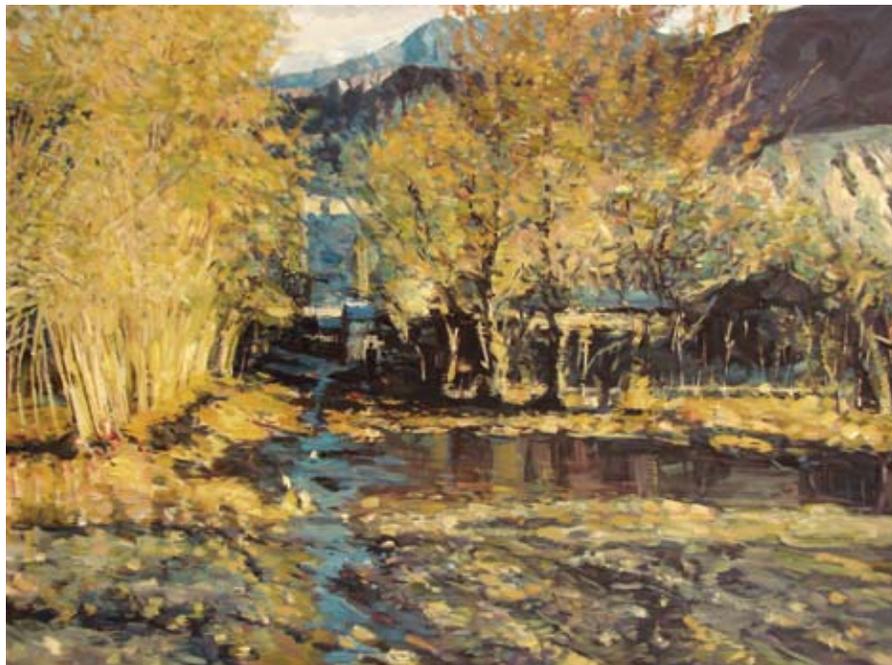

Сагызгандар. 2005.

Сад Кусейина. 2006.

Өкмөт айылы. 2006.

Ала көлөкө. 2004.

Буторин Владимир Георгиевич

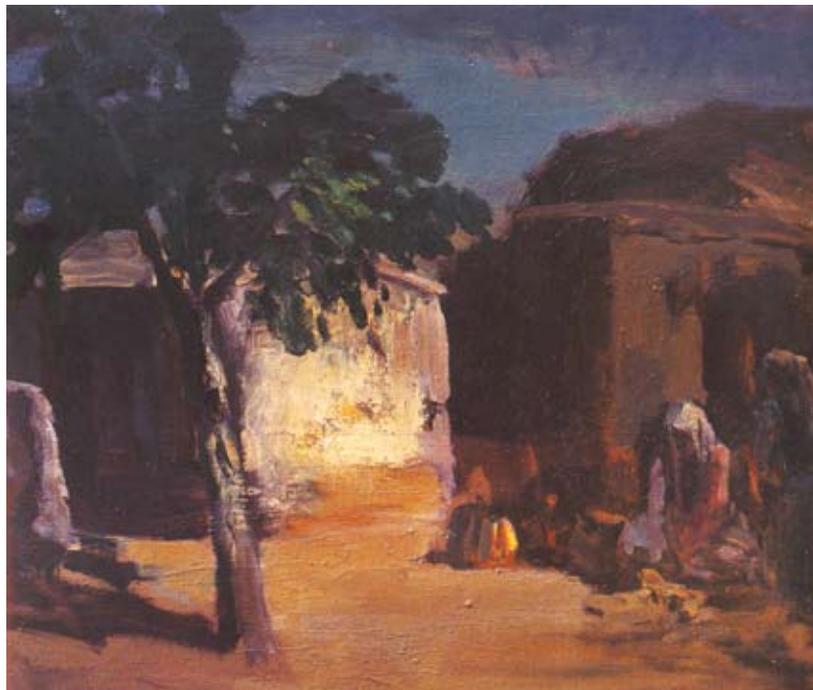

Горы. 1997.

Дорога в горах. 1995.

Сельский дворик. 1997.

Пейзаж с обрывом. 1996.

Горев Александр Николаевич

Изумрудный браслет. 2005.

Карглазая. 2002.

Утренняя звезда. 1992.

Умай Эне. 2006.

Весенний натюрморт. 2006.

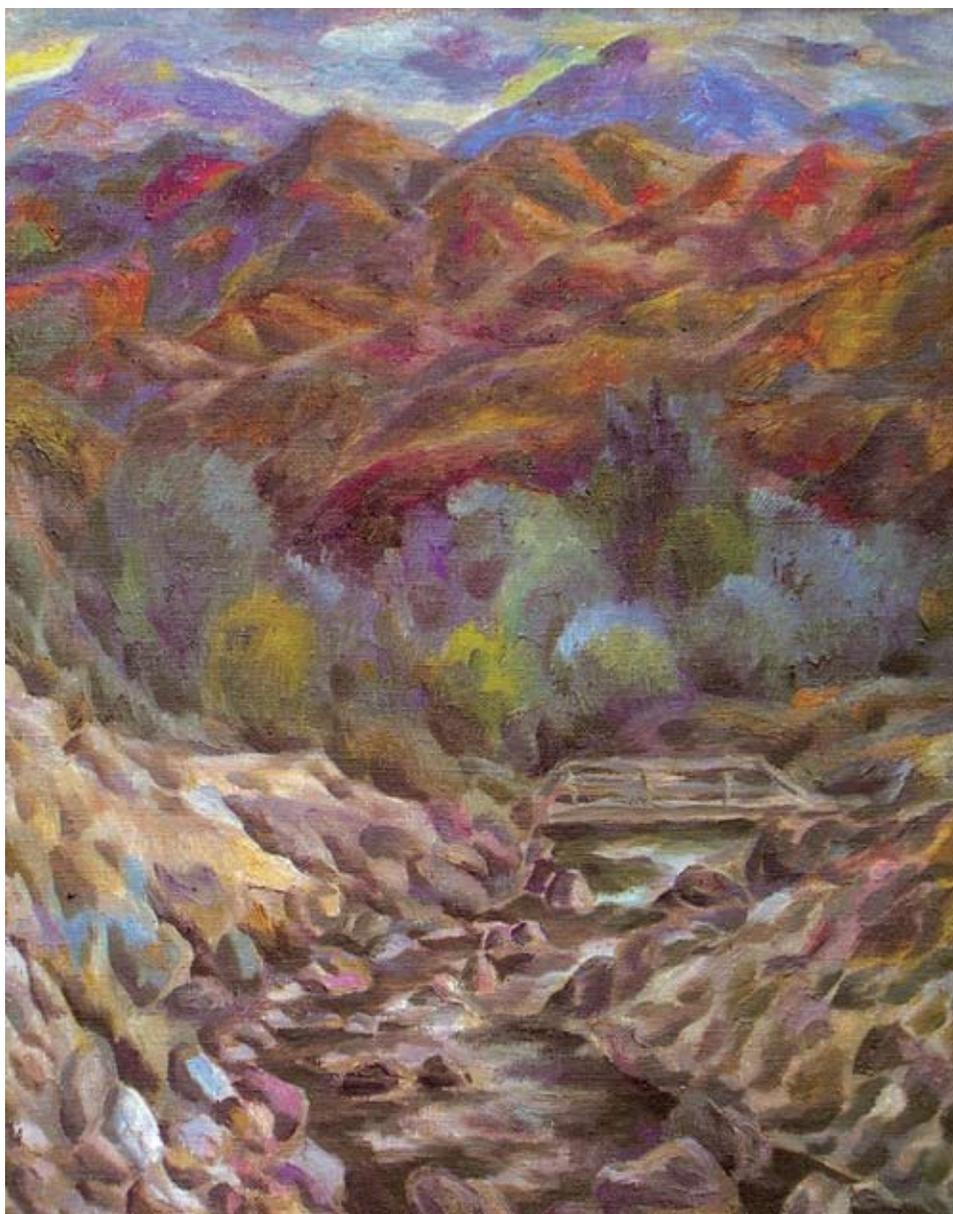
Вечный покой. 2006.

Восточный натюрморт. 2006.

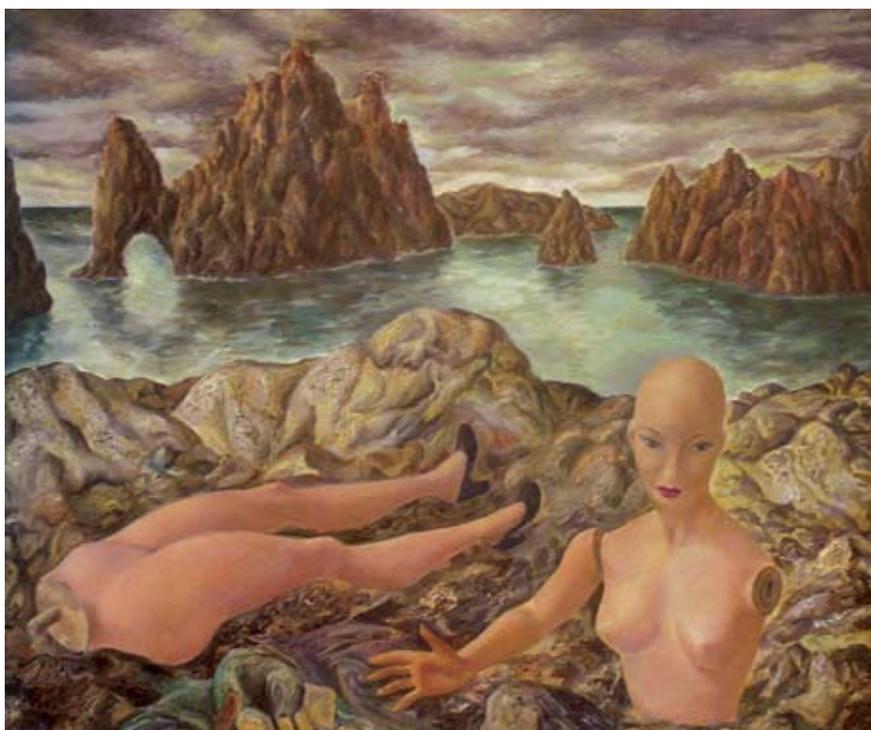

Каменский Алексей Николаевич

Речка в Кичи-Джыргалчаке. 1994.

**Натюрморт с керамическими
бутылками. 1989.**

Выброшенный манекен. 1991.

Конгурбаев Нурдамир Ашимович

Скотный дворик монастыря. Болгария. 2006.

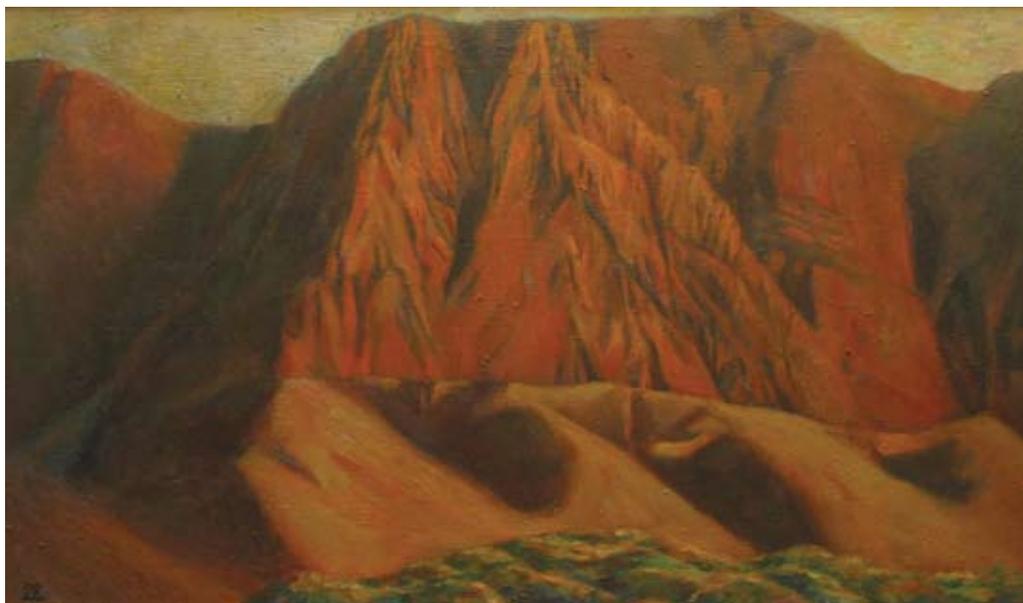

Хива. 1998.

Копотев Вячеслав Викторович

Уходящая осень. 2005.

Тонские горы. 2000.

Каменные идолы. 1974.

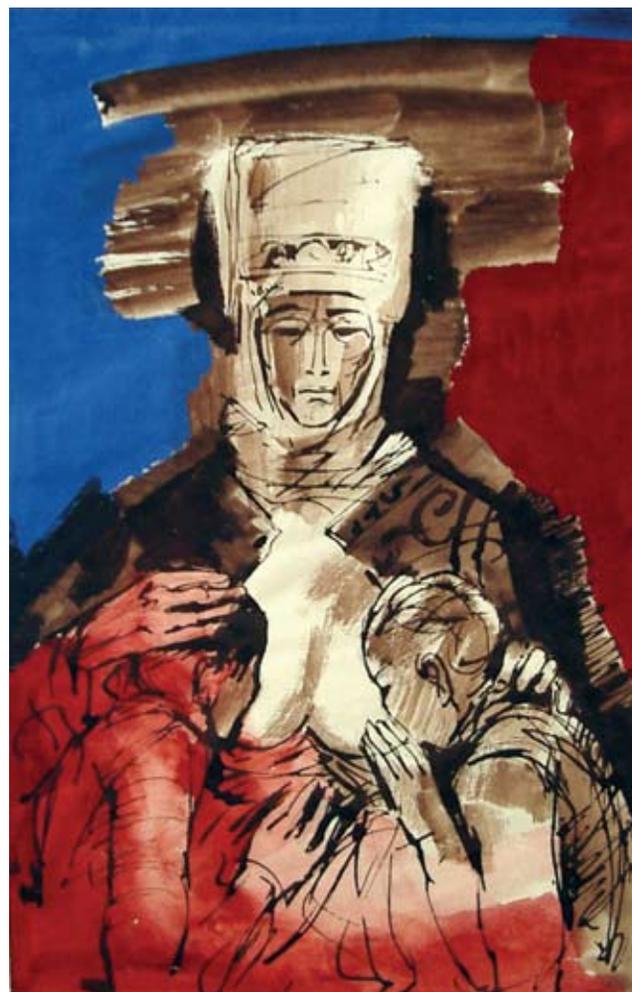

**«Нива» из серии –
«Земля для всех – одна». 1986.**

Курманов Таалай Табылдиевич

Лист серии «Манас». 1980.

Лист серии «Манас». 1980.

Осмонов Абдырай Осмонович

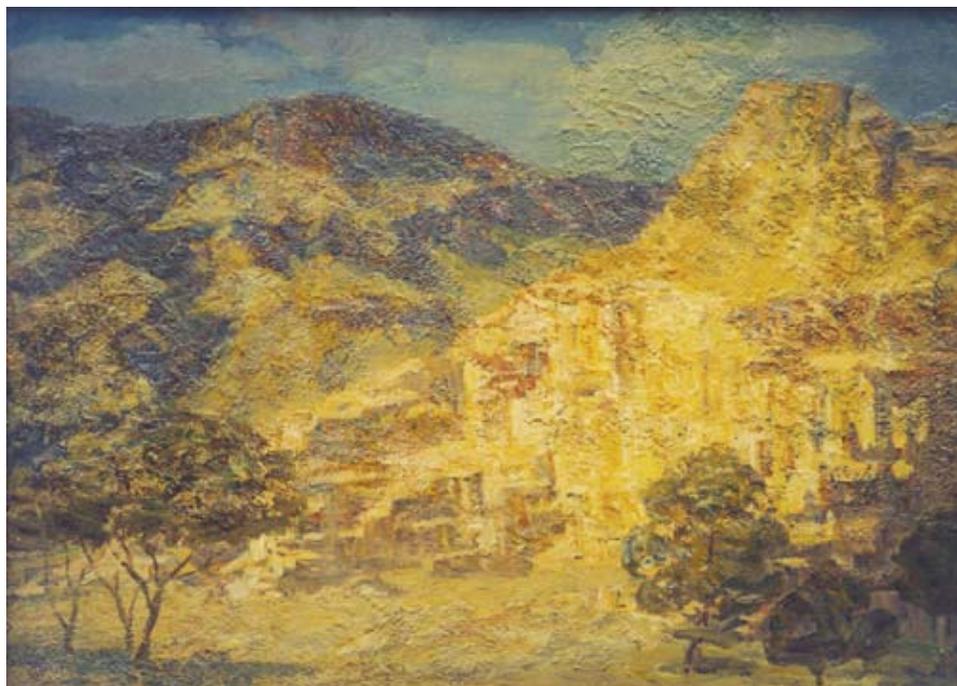

Натюрморт с керамической тарелкой. 1998.

Чолпонка. 1973.

Белый обрыв. 2001.

Натюрморт. 2004.

Руппель Валерий Федорович

Из цикла «Пластическое». 2006.

Камбоджа, пагода. 2007.

Нью-Йорк, билдинг. 2007.

Из цикла «Земляки». 2006.

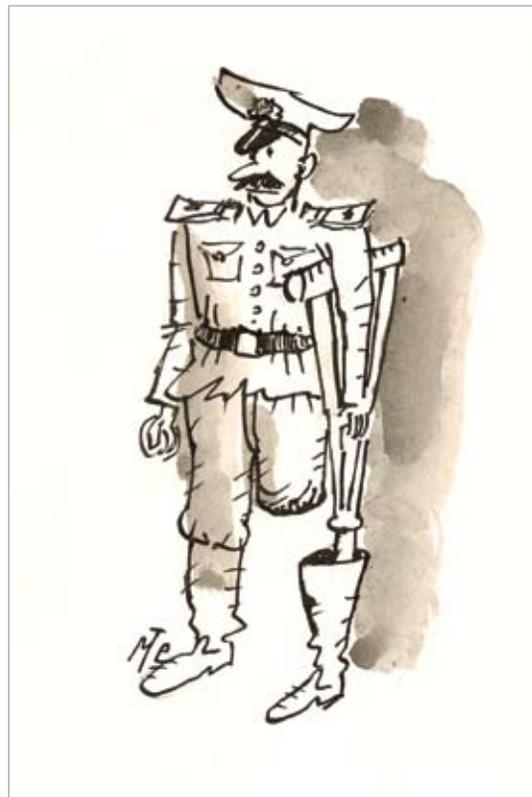
Томилов Михаил Леонидович

Без слов. 1978.

Без слов. 1975.

Без слов. 1980.

Без слов. 1977.

Улитин Валерий Степанович

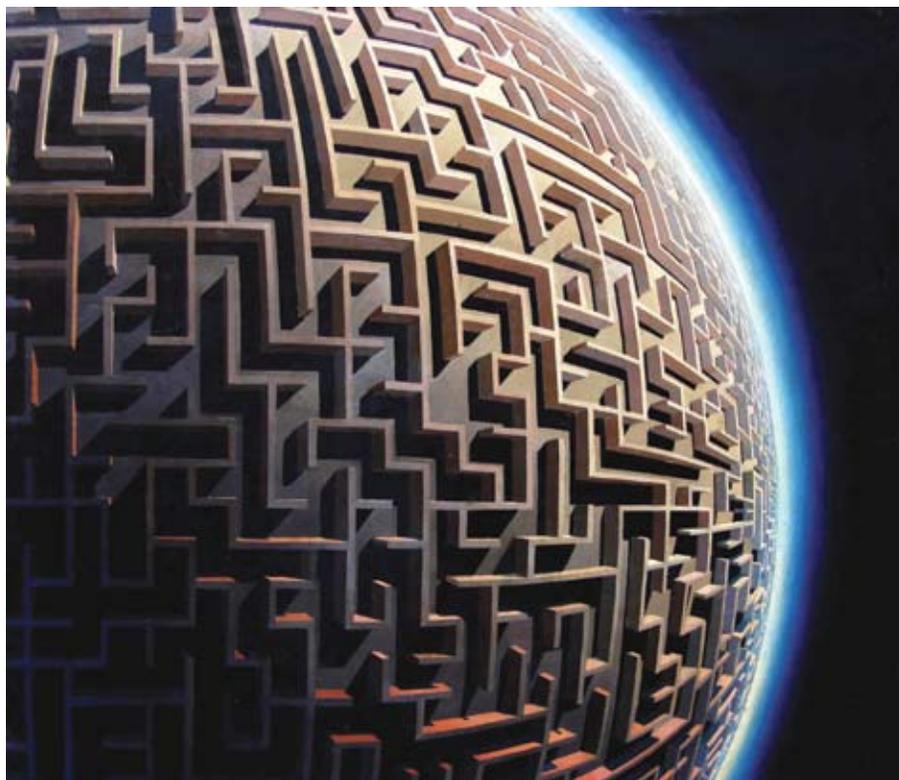

Вера. 2003.

Свежий снег. 2006.

Лабиринт – 1. 1978 – 1998.

Перед восходом солнца. 2006.

Шестопал Виктор Арнольдович

Нищя. 2003.

Над Иссык-кулем. 1974.

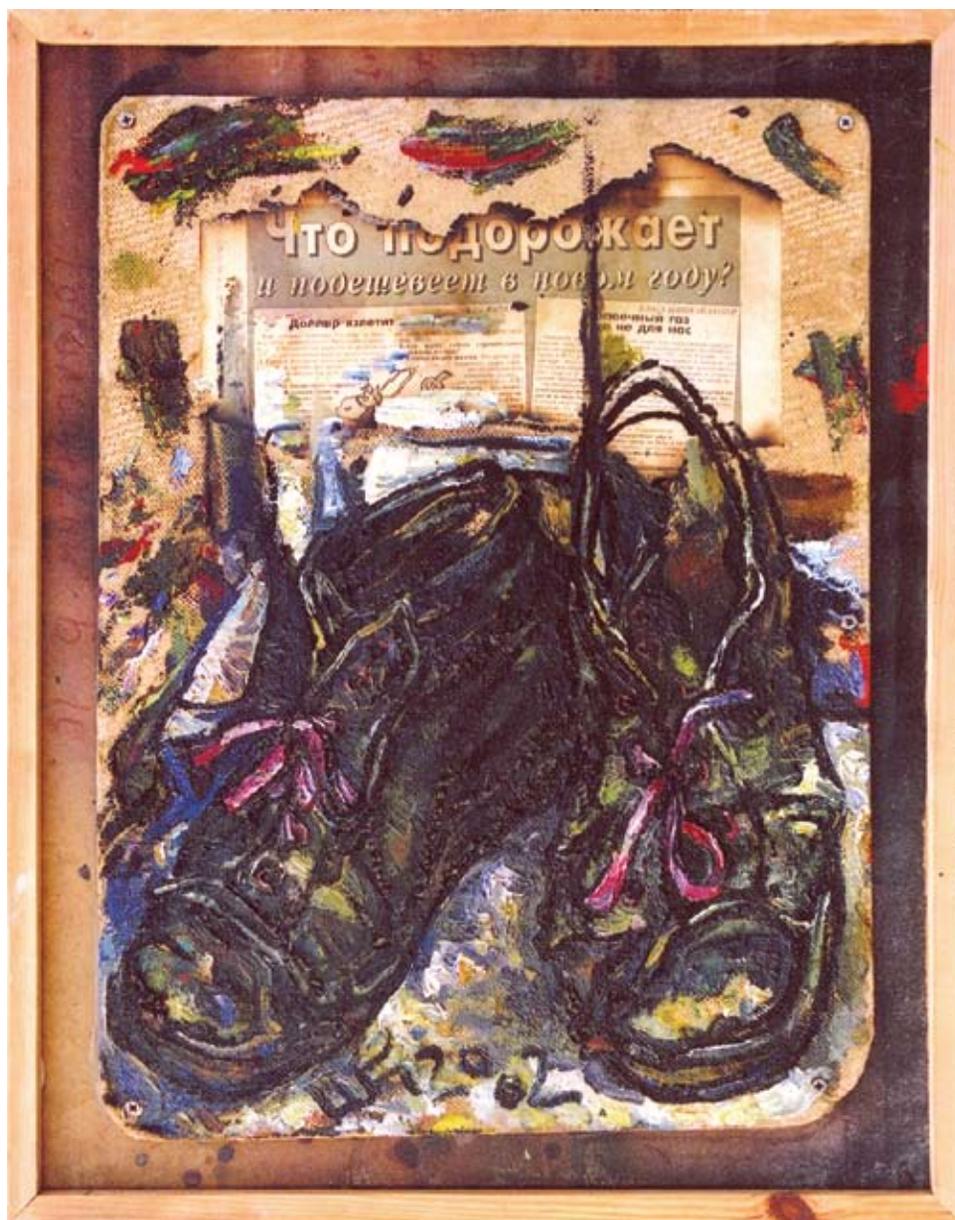

Лолочка. 1977.

Море зовет. 1978.

Шкурпела Константин Алексеевич

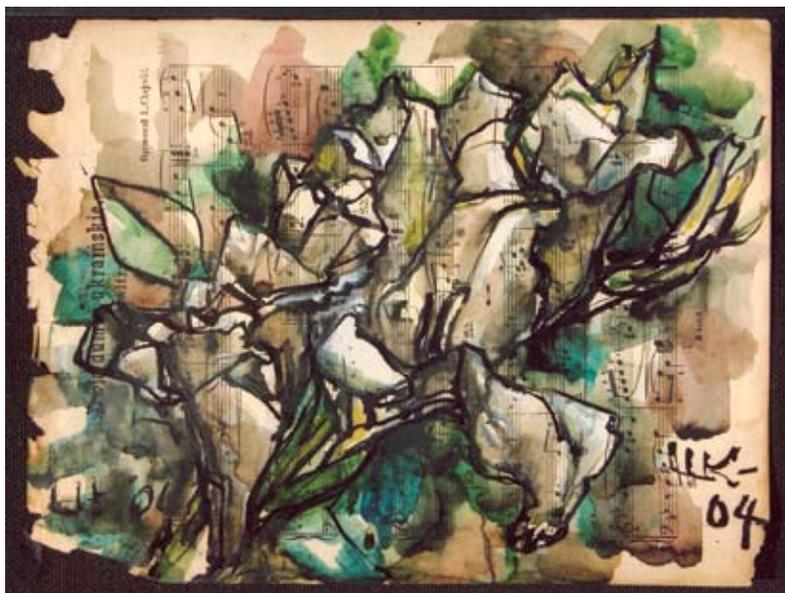

«Что подорожает?» 2002.

Цветок – 43. 2004.

Цветок – 29. 2004.

БИБЛИОГРАФИЯ О ГЕРЦЕНЕ

Первая республиканская выставка монументального искусства:
Каталог / Вступ. ст. Л. Мосоловой – Фрунзе: Кыргызстан, 1968

Петрова С. **Художники Советской Киргизии:**
Подборка открыток. – М.: Советский художник, 1968

Графика Киргизии:
Альбом/Вступ. ст. О. Поповой. – Фрунзе: Кыргызстан, 1970

Искусство Киргизской ССР:
Альбом/Вступ. ст. и сост. О. Поповой. – Л.: Аврора, 1972

Художники киргизской книги:
Альбом/Вступ. ст. и сост. Л. Прытковой. – Фрунзе: Мектеп, 1972

Изобразительное искусство Киргизской ССР:
Альбом/Вступ. ст. Т. Садыкова/ Сост. Р. Нудель. –
Фрунзе: Кыргызстан, 1975

Мосолова Л.М. **Скульптура и монументально-декоративное искусство Киргизии.** – Фрунзе: Кыргызстан, 1975

Абакиров А. **Киргизской книге 50 лет.** – Фрунзе: Кыргызстан, 1976

Слава труду:
Альбом / Вступ. ст. и сост. Н.А. Пономарева. – М.:
Советский художник, 1977

Выставка произведений Т.Т. Герцена и В.А. Шестопала:
Каталог/Вступ. ст. Л. Прытковой. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978

Киргизский экслибрис/Вступ. ст. и сост. Д. Орешкина. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978

На материнском поле.
Произведения Чингиза Айтматова в киргизской графике/Вступ. ст. и
сост. А. Осташева. – Фрунзе: Кыргызстан, 1978

Толстой В. **Монументальное искусство СССР.** – М.: Советский художник, 1978

Уметалиева Дж. **Изобразительное искусство Киргизской ССР.** – Фрунзе: Кыргызстан, 1978

Зубахин Ф.И. **Советское монументальное искусство.** – М.: Советский художник, 1979

Истоки. Сб. ст./ Состав. О. Попова. – Фрунзе: Кыргызстан, 1984

Рисунок художников Киргизии. Альбом/ Вступ. Ст. и сост. А. Осташева. – Фрунзе: Кыргызстан

Советское изобразительное искусство:
Альбом/Вступ. Ст. В.В. Ванслова. – М.: Изобразительное искусство, 1982.
(Репродукция «Отдых», 266)

Художники Советской Киргизии/Вступ. ст. и сост. Л. Прытковой. – Фрунзе: Кыргызстан, 1982

Художники Киргизии за 60 лет: Альбом/Вступ. ст. и сост. О. Юшковой. – М.: Советский художник, 1983

Асанбсков С. **Музей колхоза «Красная Заря».** – Фрунзе: Кыргызстан, 1984

Уметалиева Дж. **Искусство Киргизской ССР.** Т.9, ч.2//
Искусство народов СССР 1960-1977 годов/ Под ред. Б.В. Веймарна. – М.: Искусство, 1984

Киргизский государственный музей изобразительных искусств:
Альбом/Вступ.ст. К. Усубалиевой. – Фрунзе: Кыргызстан, 1985

Персональная выставка: Каталог/Сост. Л. Прыткова. – Фрунзе: Кыргызстан, 1985

Советские социалистические республики. Киргизия. – М.: Издательство информационного агентства «Новости», 1987

Мосолова Л.М. **Теодор Герцен. Творческий портрет.** – Фрунзе: Адабият, 1990

Теодор Герцен. Художник немецкого происхождения в Кыргызстане. – Керпен (ок. Кельна, Германия): Издательство Союза «ЦМО», 1991

«Песнь о Нибелунгах»: Иллюстрации/Сост. Клаус Шнайдер, Барбара Шнайдер. – Франкенталь: Союз работников искусства «Die Treidler», 1993

Теодор Герцен: Каталог. Вступ. ст. А. Осташева (на рус. и нем. языках). Бишкек: Издательство «Деуір», 1995

Теодор Герцен. Вступ. ст.О. Поповой, М.: Издательство «Готика», 2000